

**СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН**

ГАЛИЯ МАВЛЮТОВА

Смерть-остров

Москва

«Вече»

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)
М12

Художник Макс Олин

Мавлютова, Г.С.

М12   **Смерть-остров: роман / Галя Мавлютова. — М.: Вече, 2019. — 352 с. — (Сибирский приключенческий роман). ISBN 978-5-4484-0838-0**

Знак информационной продукции **12+**

На севере Томской области есть остров, ханты всегда называли его Заячьим, но со временем безобидное название забылось, и остров стали называть Назино по наименованию близлежащего посёлка, а с тридцатых годов и вовсе именуют островом Смерти. Это тот самый знаменитый Голодный Остров.

В 1933 году на остров выгрузили спецпереселенцев из центральных городов страны — голодных, раздетых, обездоленных, не обеспечив их никакими средствами существования. Несчастные люди утратили человеческий облик, породив трагическую историю, которая не должна повториться.

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-0838-0

© Мавлютова Г.С., 2019
© ООО «Издательство «Вече», 2019

К 85-летию Назинской трагедии

На севере Томской области есть остров, когда-то ханты называли его Заячьим, но со временем безобидное название забылось, и остров переименовали в Назино по названию близлежащего посёлка, а с тридцатых годов прошлого века и вовсе именуют островом Смерти. Это тот самый знаменитый Голодный Остров.

Я родилась в середине пятидесятых годов прошлого века неподалёку, в селе Александровском, всего в пятидесяти километрах от страшного места. Моя мать из раскулаченных, в 1936 году подростком угодила в ссылку. Во время войны Александровское наводнили немцы, западные украинцы и западные белорусы. Украинцев называли «бендеровцами», а белорусов «бульбашами». Были ещё поляки, но мало. В пятидесятые-шестидесятые годы эти места по-прежнему оставались ссыльным краем. Я помню, как только сходил лёд, на Александровскую пристань приходили первые пароходы и по трапу выводили молоденьких стилияг, а с ними валютчиков и проституток, высланных из центральных городов уже во времена правления Н.С. Хрущёва. Они сходили на берег нарядные, в разноцветных, летних платьицах и коротких брючках. Особенно запомнились туфли-лодочки с острыми носами, а у нас весенняя распутица, всё развезло. Грязи по пояс.

Молодёжь спускалась по трапу, явно не понимая, что будет с ними дальше. Куда потом подевались эти люди, не знаю. Наверное, пропали.

Позже появились геологи и работяги, в большом количестве слетевшиеся в Александровское за бешеными деньгами. В шестидесятые годы в тех краях нашли большую нефть.

Вот в таком необычном месте прошло моё детство.

Впервые я услышала об острове Назино от моего брата, недавно ушедшего в иной мир. Нам было совсем мало лет, когда он поведал мне об этом острове. Всё, что он рассказал, настолько потрясло меня, что я поклялась: когда вырасту, напишу книгу об этих местах.

Что мог знать восьмилетний мальчик о тайном и запретном месте? Совсем мало, но легенды той поры остались в моей памяти на много лет. В одной из них присутствовала сестра Ленина, будто бы она была сослана на остров, но, переплыв широкую реку, спаслась и добралась до Москвы, где обо всём рассказала Сталину. И тогда по его приказу из Москвы прислали чрезвычайную комиссию, чтобы спасти оставшихся на острове людей, но не успели, к этому времени голодные люди съели друг друга, и человеческие кости валяются по всему острову. Детская страшилка въелась в меня навсегда. С тех пор я думала об этих несчастных людях, не понимая, как могло такое случиться.

Разумеется, никакой сестры Ленина на острове не было, это всего лишь легенда, услышанная мною в далёком детстве, но там были другие люди. И они не спаслись, они до сих пор там, на острове, молча зывают к человеческой памяти.

К этой книге я шла много лет. Прошло детство, мы с братом выросли. Я уехала в большой город, мне пришлось много лет учиться и работать, но остров всегда жил во мне и со мной. В эпоху Интернета я наткнулась на статьи и материалы учёных Новосибирского университета и выяснила, откуда взялся этот остров в моей жизни и в жизни многих людей. Из документов стало ясно, почему страшная тайна до сих пор будоражит те места, не давая покоя ни людям, ни животным, ни деревьям. Кто-то забыл о проклятых временах, кто-то отмахнулся, но трагические события прошлых лет остались в общей человеческой памяти.

В 1933 году в процессе паспортизации на остров выгрузили спецпереселенцев из центральных городов страны — голодных, раздетых, обездоленных — и забыли о них. На острове не было жилья, продовольствия, необходимых предметов быта. Из шести тысяч человек за два месяца осталось чуть более двух тысяч. Голодные люди утратили способность сопротивляться и бороться за существование. Человеческая трагедия, созданная людьми, подобна водовороту, втягивающему в себя огромное количество судеб.

Каждый мог оказаться на этом острове. Каждый может оказаться на острове. Назинская трагедия создана людьми, но самое страшное, что в любой момент она может повториться.

Лишь через пятьдесят лет я написала книгу «Смерть-остров». Надеюсь, она станет памятником тем безвестным людям, не нашедшим покоя ни в этой, ни в другой жизни.

СМЕРТЬ-ОСТРОВ

Часть первая ЯВЫЗ

Широкая старинная баржа медленно и тяжело шла вниз по Оби, на север. Впереди мельтешил юркий катерок, пытаясь разогнать баржу, но металлическая вода на глазах обрастала глыбами льда. Острые льдины глухо царапали деревянную обшивку баржи, угрожая разнести старое дерево на мелкие кусочки.

— До завтра не дотерпим, шуга пошла, похолодало, по вёснам так бывает, — пробурчал рыжий конвоир в суконной шинели, судорожно подергивая плечом. За его спиной болталось ружьё — длинное, бесполезное — старое, но конвоир не спешил расставаться с ним. С ружьем было спокойнее.

— Как ба дерево не раздергало, — посетовал его товарищ, с белесым и рыхлым лицом, основательно изрытым оспинами. На нем была такая же шинель, как у товарища, и точно такое же ружье за плечом.

По бокам баржи сидели изнуренные люди, обмотанные тряпьем и ветхими обносками. Они молчали, словно заledenели. Откуда-то снизу раздавался глухой вой. Он поднимался прямо к небу, туда, где в серой и мрачной пучине алели узкие полоски уходящего на зимний покой солнца. Иногда казалось,

что солнце прощается с миром навсегда. Его больше не будет. И никого не будет. Ни мира, ни солнца...

— Чо воют-то, чо воют? — заскулил первый конвоир, не выдержав надрывного воя.

— А там рябетенок народился и сдох, — скупно пояснил второй, сопя и прилаживая к ремню алюминиевый чайник, обгоревший на частых кострах до угольной черноты.

— Мальчонка, что ль? — поинтересовался рыжий конвоир.

— Та не, девка, — небрежно отмахнулся второй, вздохнув с облегчением. Он уже приладил к поясу чайник и обдернул ремень, собрав сзади шинель широкими складками.

— Так чо делать-то будем? — спросил рыжий, недовольно морщась и оглядываясь на уходящую развилку реки. Они уходили в суровую непогоду, туда, где вечные льды и туман, а там, за развилкой, осталась нормальная жизнь.

— Та вон на дрова покладем и дальше пойдем, а то не успеть нам до вечера. Свистни на катер, пусть встанут маленько, — сказал белесый и, опустившись на колени, сунул голову вниз, в провал, откуда доносился пронзительный людской вой. — Ты подай девку-то, подай сюда.

Вой на миг затих, из провала показалась дрожащая рука с грязным свертком. Конвойный взял сверток и свистнул. Катер дал гудок, а баржа долго скрипела, приостанавливая ход у самой кромки берега.

— Долго не могу стоять, — заорал рулевой, высунувшись из кабины, — а то застрянем тут на неделю.

— Не надоть, — отмахнулся конвойный и, размахнувшись, ловко швырнул сверток на дрова, заготовленные местными

остаяками. В дровах тряпье развалилось, сверток раскрылся, из него показалось мертвое тельце новорождённой девочки. Она жадно смотрела застывшими глазами в небо, словно хотела вобрать в себя ускользящую алую полоску скупого северного солнца. И вдруг все вокруг завывло, небо потемнело, в один миг став черным, как обгоревший чайник, разом исчезли кровавые полосы уходящего на зимний покой солнца. И только одна, самая узкая, почти незримая, на мгновение задержалась в широко открытых застывших глазах младенца. Были люди на барже, выла начавшаяся неожиданно пурга, выла голодная волчица, одиноко сидевшая на высоком берегу Оби. И кто из них больше тосковал — неизвестно. Волчицу привёл запах человеческой крови, ведь людей везли на верную смерть. На поселение. В документах их называли переселенцами. Они сидели внутри и снаружи, уже зная, чем закончится для них это долгое и страшное путешествие. И только конвоирам было весело. Они жгли костер на корме баржи, грея замерзшие руки.

— А волк-то на мясо пришел, — грубо пошутил первый конвоир.

— А чо ему? Жрать-то больше нечего, только падаль где подберет, — хрипло хохотнул второй и подбросил в огонь немало сухих прутьев. По инструкции большой огонь на барже ночью жечь запрещалось.

Воющая баржа плавно качнулась и медленно повернула к излучине реки. Конвоирам на миг стало жутко. Они сгрудились у костра, словно пытались найти у огня защиты. А страшный вой медленно полз по реке, пеленой расстилался в черном небе, оставляя мертвый след на голых деревьях и мерзлой земле.

...Иногда люди не умирают. Они прячутся в природе. А потом смотрят на нас и помогают нам жить.

Глава первая

Поначалу она боялась притрагиваться к чужим вещам. Не брезговала, нет, просто не хотелось. Ей казалось, что все они несут в себе душу прежних владельцев. Мужу дали квартиру в центре Ленинграда с мебелью, вещами, одеждой. Раньше здесь жили враги народа. Так муж сказал, а она промолчала. Не очень-то приятно жить в квартире, где нужно спать в постели врагов народа, есть из их посуды. Но время всё сровняло, вскоре они обжились среди чужих вещей. Хорошее бельё, красивые занавеси, крепкая и модная мебель, дорогая посуда; пользоваться всем этим было не только удобно, но и приятно. Про настоящих хозяев старались не думать. Они там, на выселках, где и должны находиться вредители социалистического государства.

Утро выдалось солнечным. Галина выглянула в окно. По улице спешили редкие прохожие. Кто-то ещё в зимнем, многие в ботах и калошах, но женщины уже переобулись в лёгкие туфельки. Вечером у Горбуновых гости. К столу всё готово, квартира наполнена вкусными ароматами, только хлеба не успела купить, придётся добежать до булочной. Хорошо, что посмотрела, в чём одеты люди на улице. Галина посмотрела в зеркало: волосы уложены, губы накрашены, глаза сияют, как вымытые стёкла. Сегодня она скажет Гришеньке, что беременна. Срок небольшой, но ребёнок уже чувствуется, наверное, девочка.

Галина радостно засмеялась. Она всегда мечтала о дочери. Дочка, дочь-доченька. Ненаглядная, долгожданная. И хотя Галина понимала, что зародыш ещё не сформировался, но настолько уверилась в своих предположениях, что уже любила будущую дочь. В мечтах представляла, как они вместе идут гулять, все втроём: муж Гриша, она, Галина, и маленькая до-

чурка. К тридцати годам жизнь у Галины сложилась счастливо — удачное замужество, квартира в большом городе, у мужа хорошая должность. Гриша работает на крейсере «Аврора». Он хоть и не самый главный, но командир. Крейсером командует другой человек, а Гриша всего лишь начальник секции. Машина ему не положена по должности, зато у него паёк, вполне достойный, на семью хватает. Иногда тайком от мужа придётся посылать гостинцы на родину. В деревне, откуда Галина родом, давно живут впроголодь, единственное спасение — ждать редкие посылки от счастливой дочери.

Галина нахмурилась, в уголках глаз появились крохотные слезинки, но, испугавшись, что испортит мужу праздник, она против воли улыбнулась и взмахнула рукой. Завтра же вышлет посылку в деревню; от праздника что-нибудь останется, да и в кладовке кое-что припасено. Галина гордилась своей домовитостью, всего у неё было в достатке, а в доме всегда порядок. Сначала хотели нанять домработницу, но муж не разрешил: мол, чужие глаза в доме не к добру. Люди завистливые, наболтают лишнего, потом не расхлебаешь. Советские органы зорко следят за совслужащими и командирами.

Галина взяла соломенную авоську, накинула на плечи светлое пальто и выбежала из дома. В лицо пахнул резкий ветер, всё-таки в апреле ещё прохладно. Ничего, скоро потеплеет, на майские праздники всегда тепло. Галина майская, весёлая, а Гриша апрельский, немного суровый, но не холодный, скорее прохладный. Иногда так взглянет, что страшно становится, но потом опомнится и потеплеет взглядом, и сам потихоньку оттаёт. Хорошо с ним жить, надёжно. Такой не бросит в беде, не уйдёт к другой женщине, не изменит, не предаст.

Гриша семью полностью обеспечивает. Кормилец, всё в дом несёт. Галина нахмурилась, вспомнив про тайные посылки на родину, Получается, что муж в дом, а она из дома выносит. Если Гриша узнает, не простит. Муж не любит вспоминать про свою родню. У него отец с матерью где-то за Уралом; там тоже голодно, но Гриша как член партии не имеет права осуждать правительство. В последнее время он только и делает, что молчит. Совсем перестал смеяться и разговаривать. Может, сегодня на его дне рождения, когда соберутся гости, все с работы, муж на людях отойдёт и заговорит. Она так соскучилась по его скупой улыбке. Галина вздохнула и заспешила: в вечернее время в булочной большая очередь. Нужно успеть до шести вечера.

Под аркой сгрудилась толпа молодых мужчин, у всех руки в карманах брюк, в углах ртов изломанные папироски, все в фасонистых кепках. Мужчины громко матерились и озирались по сторонам, высматривая добычу. Галина вздрогнула и припустилась бежать, сзади раздался громкий хохот и матерки. Шпана забавлялась. Ещё немного пробежать — и она окажется на проспекте 25 Октября. Это бывший Невский проспект. От бега Галина задохнулась и схватилась за сердце.

В последнее время в Ленинграде стало опасно: город заполнили деклассированные элементы. Гриша часто предупреждал жену, чтобы была осторожнее, ширмачи потеряли всякую меру. Галина нащупала в авоське кошелёк, хотя твёрдо знала, что он там, никто его не трогал. На проспекте было безлюдно. Странно — удивилась Галина, — обычно весной в эту пору бывший Невский бывает оживлённым и радостным, словно народ подстёгивает себя будущим весельем в преддверии майских праздников.

Вдалеке у булочной маячили люди в серых гимнастёрках с отложными воротниками с петлицами и с красными кантами по воротнику и фигурным обшлагам. Галина выдохнула. Страх прошёл. Люди в форменном обмундировании, видимо, тоже военные, как муж, только Гриша относится к морским силам, а эти из милиции. Так это же хорошо! Надо будет подсказать им, что под аркой собрались гопники. Проходу от них не стало, совсем распоясались, разболтались! Пора призвать их к порядку, а то пугают мирный советский народ. Галина пригладила растрепавшиеся волосы, мысленно похвалила себя, что надела летние туфли, светлые, лодочками, и смело направилась к мужчинам в серых гимнастёрках.

— Гражданочка, предъявите документы!

Галина прижала авоську к груди. Голос прозвучал где-то наверху, словно к затылку приставили медную трубу.

— А там, там, они, они, — пролепетала Галина, показывая рукой под арку.

— Что там, кто они? Где документы? Ах, нет документов, тогда, айда с нами!

Захрустели локтевые суставы, Галина охнула. Как же так? Она же только за хлебом выбежала, а паспорт не взяла. Да ведь дома он, в тумбочке лежит вместе с Гришиными документами. Галина пыталась сказать, что она жена начальника секции, что муж скоро вернётся с работы, но зубы лишь беззвучно шевелились. Не успела она опомниться, как её уже засунули в «воронок».

Галина брезгливо прижала платок к губам. Тошнотворный запах исходил от нищего, валявшегося в углу кузова. По бокам сидели люди: разные, молодые и старые, мужчины и подростки, среди них одна женщина — вся косматая, в лохмотьях.

— Я не могу здесь! Откройте! — Галина забарабанила по металлической двери.

— Все могут, а она не может! — В машине раздался гогот. — Мы тут все беспаспортные. Сиди с нами, не топочи!

— Но у нас сегодня гости, у меня есть паспорт, у меня муж, он скоро придёт домой, — прошептала Галина, обводя невидящим взглядом задержанных.

— Гости подождут, а муж объелся груш! — загоготал под ухом развязный мужчина с металлической фиксой во рту. — Ты с нами тут маненько посиди. Мы тебя в обиду не дадим!

— Фиксатый, закрой пасть! — произнёс кто-то сбоку.

Галина не успела разглядеть защитника, мотор взревел, машина дёрнулась, и женщина рухнула на пол, едва успев подумать, что пальто светлое и непременно испачкается на грязном полу.

Больше ничего не было. Ни квартиры рядом с бывшим Невским, ни мужа, ни будущей дочери. Память исчезла. Осталось ощущение вселенского озноба от холода и ужаса. Позже свидетели рассказывали, что Горбунова Галина при задержании стукнулась головой о металлический пол. А перед ее мысленным взором был накрытый стол, задумчивое лицо мужа, занавески на свежевывмытых окнах и светлые кудряшки ещё не родившейся дочери. Волна счастья накрыла Галину. Скоро, совсем скоро она скажет Грише, что у них будет ребёнок. Девочка Надежда. Надя-Наденька...

Машина резко затормозила, заскрежетал засов.

— На выход!

Из «воронка» потянулись задержанные, люди в гимнастёрках нетерпеливо притопывали каблуками сапог.

— Сколько? — крикнул высокий и молодцеватый мужчина, тряхнув заливчатским чубом.

— Двенадцать.

— Мало! Опять до плана не дотянули, — поморщился щеголь.

— А не скажи, Василий, тут ещё два обрубка валяется, — засмеялся водитель «воронка». — Я ж их считал. Всего четырнадцать. Там ещё баба и этот, вшивый, сифилитический, что с помойки. Тащите их!

— Сам и тащи! — повысил голос высокий мужчина. Он был самый молодой из всех, лет двадцати пяти, но вёл себя, как старший; резко повышал голос без причины, постоянно поддёргивал гимнастёрку, заправляя её под ремень. На петлице у него светилась полоска из тонкого красного сукна. У остальных полосок на петлицах не было. Водитель полез внутрь машины и сбросил на асфальт сначала нищего, затем безжизненное тело Галины Горбуновой.

— А ничего бабёнка, — смачно прицыкнул старший по должности. — Ядрёная.

— У тебя одни бабы в голове, — проворчал второй, с пустой петлицей, — а у нас план горит. Нам ещё пятьдесят человек надо сдать!

— Так завтра и сдадим, — небрежно взмахнул рукой щеголеватый мужчина и прикрикнул, — веди их на пути. Там на запасном состав стоит.

Нищий неловко поковылял к общей веренице задержанных, а бездыханное тело Галины осталось лежать на земле.

— А эту куда?

— Туда же! — повысил голос мужчина с алой полоской в петлице. — Куда и всех.

Два милиционера схватили Галину под мышки и поволокли животом вниз к железнодорожным путям. Туфли бороздили асфальт и вскоре одна за другой сползли с ног, кто-то отшвырнул их, и они сиротливо торчали светлыми пятнами на обочине дороги.

— Эй, там, принимай беспаспортных! Ровно четырнадцать. Считаю по головам. Все без документов.

— А у меня есть документы! — Из толпы задержанных высунулся парень с чёлкой на пол-лица, на затылке у него ловко сидела кепка и почему-то не падала. — Я с футбола шёл. Меня на выходе со стадиона взяли. Вот мой паспорт!

— Давай сюда!

Парня быстро обыскали, паспорт отобрали и засунули обратно в общую очередь.

— Там разберутся!

Парень сердито замотал головой, но, наткнувшись взглядом на ствол пистолета, торчавший прямо перед его носом, испуганно укрылся в толпе. Из головного вагона вышел коренастый вохровец с багровым лицом и подошёл к людям в гимнастёрках.

— Завтра трогаемся. Приказано отбыть к пункту назначения.

— Как это — завтра? — удивился высокий милиционер, заправляя гимнастёрку. — У нас срок три дня.

— Утром отбываем! — отрезал вохровец. — Груз где?

— Да вот они, — махнул рукой, — все тут. Мы же план не выполнили. Нам ещё пятьдесят голов надо сдать.

— А у тебя, Василий, вся ночь впереди, — хмыкнул охранник, — успеешь нахватать. До семи утра приму. После — всё! Не уговаривай.

— Ты коммунист? — вскипел милиционер. — Ты коммунист, я спрашиваю?

— Я большевик, — обиделся вохровец. — Старый большевик. Приказано отбыть утром, отбуду. А твой план на твоей шее висит. Иди, выполняй!

Группа милиционеров уныло смотрела, как взбираются в вагон задержанные люди, неловко помогая друг другу, подталкиваемые нетерпеливыми охранниками. Галину подбросили в вагон, как мешок с мукой. Она грузно упала на пол, её утащили куда-то внутрь.

— Придётся облаву устроить! — вздохнул милиционер с полоской в петлице. — Приказ есть приказ. Айда, план выполнять. По театрам пройдемся. Там много всякого сброда болтается.

Люди в гимнастёрках вышли на Лиговку и осмотрелись. Впереди была бессонная ночь.

Глава вторая

Висевший на стене портрет поражал размерами и ещё чем-то неуловимо опасным. Поначалу невозможно было понять, почему это повесили, зачем и для чего. Кто-то ощущал исходящую от портрета угрозу, кто-то впадал в панику, но всем становилось страшно. Любой вошедший, встретившись с насупленным взглядом, терялся, словно уже совершил что-то противозаконное. За столом под портретом сидел человек в однобортном кителе-френче с отложным воротником и читал документы, иногда делая пометки карандашом. Раздался стук в дверь, и человек за столом вздрогнул.

— Входите! — раздражённо засипел хозяин кабинета. На пороге, угодливо улыбаясь, появился посетитель, невзрачный

на вид, но с пронизывающим взглядом; его просьбу требовалось рассмотреть немедленно. Человек за столом внимательно посмотрел на вошедшего и поморщился, но, сделав усилие над собой, криво улыбнулся. Прошлое всегда наступает неожиданно. Много хочется забыть, а бывшее постоянно напоминает о себе.

— Разрешите обратиться, товарищ начальник Рабоче-крестьянской милиции!

— Э, Михась, опять ты! Ну, с чем пришёл в этот раз? Говори быстрее, у меня мало времени.

Человек в кителе нетерпеливо осмотрел посетителя. Глубокая морщина прорезалась на лбу, взгляд стал острым, как нож. Встреча не из приятных. Когда-то они были друзьями, но прошло много лет, за это время всё изменилось. Ну, или почти всё.

— Да как тут быстрее-то. — Посетитель посмотрел на портрет и, окончательно стусевавшись, закашлялся и затих.

— Опять туберкулёз, что ли?

Хозяин кабинета тоже закашлялся.

— Глеб Иваныч, у вас тоже началось?

Посетитель подошёл к нему и осторожно положил руку ему на спину, помогая унять кашель.

— Ты, Миша, чего пришёл-то? По какой-такой надобности? — с трудом проскрипел Глеб Иванович сквозь раздражающие хрипы.

— Да тут у сослуживца жена пропала. Ну, я и пришёл, чтобы по-свойски узнать, не твои ли орлы её прихватили, как беспаспортную? Всех «бывших» похватили, кто без документов, ну и её в том числе под общую гребёнку. Всякое бывает.

Глеб Иванович мигом справился с приступом, сердито одёрнул китель и уселся поудобнее. Пошуршав бумагами, он нервно передвинул подстаканник, позвенел ложечкой и, сжав кулаки, сказал, глядя куда-то за спину необычного посетителя:

— Кашель у меня с Нарыма остался. Сам знаешь. Я лечусь. Ты не переживай. И сам лечись. Я чем смогу, помогу! И, Миша, запомни! У нас «всякого» не бывает. Наша власть для честных трудовых людей создана. Не зря мы столько крови пролили, чтобы народную власть установить. Здоровье потеряли. Ты с личными делами не приходи больше. Не пущу!

— Глеб Иваныч, так мы ж вместе в Нарыме нутро морозили, как же это, а? Я же свой!

— Не приходи с личными делами. Всё! Это я тебе говорю, Петров Глеб Иваныч. Начальник Рабоче-крестьянской милиции.

— Так ведь сослуживец — мой начальник. Сам он старый балтиец, а жена у него молодая, красивая. Жили хорошо, ладили. Да вот, беда, пропала. Два дня назад ушла из дома и не вернулась. Что делать-то? Мужика-то жалко. В городе, вон, беспаспортных ловят. На каждом углу облавы. И днём, и ночью ловят всё, ловят. К кому мне ещё пойти?

— Ладно-ладно, понял, — устало махнул рукой Глеб Иванович, — пусть твой балтиец напишет заявление. Мы разберёмся. Мои орлы приличных людей не трогают. А жена твоего сослуживца у любовника небось? Нечего жениться на молоденьких.

Начальник милиции скривил рот и долго поправлял китель, затем презрительно хмыкнул, отхлебнул чаю и успокоился.

— Да какой там любовник! — Взмахнул рукой Миша и подтёр нос сжатым кулаком, явно избегая смотреть на портрет на стене.

— У нас в городе слишком много развелось деклассированной сволочи, Миша, патронов не хватает. В каждом переулке советских граждан подкарауливают. После революции повылезали из всех щелей шаромыжники и мазурики разномастные. Лезут и лезут, размножаются на глазах, как инфекция. Кругом наркоманы. Хулиганы. Уголовники. Шестнадцать лет с ними боремся, никак не изведём. Ничего, сейчас мы их заставим жить по-нашему, по-революционному. Партия приказала никого не щадить. Всех на поселения отправим! Это мы в своей стране хозяева, а не эти переодетые громилы. Напялят на себя боевые гимнастёрки и красуются на Невском, тьфу ты, на проспекте 25 Октября. Пусть-пусть напишет заявление твой балтиец, разберёмся! Мы их всех в кулак сожмём!

Глеб Иванович сжал кулак до костного хруста. Миша вздрогнул. Начальник милиции прямо на глазах неузнаваемо переменялся. Только что выглядел больным и крайне измождённым, с лицом, испещрённым бороздами морщин, а тут вдруг превратился в монолитную скалу. На скулах попрежнему рдел бордовый чахоточный румянец, углы рта резко запали и зацвели болотной рыской — не иначе, от зелёной обивки письменного стола.

— Вы что ж это, прямо на месте их, да? — скашивая глаза на портрет, шёпотом поинтересовался Миша.

— Бывает, что прямо на месте, — неохотно сознался Глеб Иванович, — ну, это, особо опасных. Остальных в Нарым!

— В Нарым? — изумился Миша. — На погибель?

— Да не на погибель. Думай, что мелешь! На освоение земель. Нам Север надо осваивать. Стране хлеб нужен! Без хлеба мы загниёмся. Пусть деклассированные лучше землю пашут, чем в подворотнях торчат. А то моду взяли, среди белого дня людей пугают.

— А как же ревзаконность? — не отставал Миша, вдавливаясь в стул и стараясь казаться меньше и ниже, чем на самом деле.

— Наверху ещё осенью постановление приняли по всеобщей паспортизации населения. В нём всё по пунктам расписали. Мы с января без продыху работаем. А за неисполнение можно самому угодить, куда Макар телят не гонял. А я в Нарым не хочу!

— Да тебя-то за что? — Поёрзал на жёстком сиденье Миша. — Ты своё уже оттрубил.

— Было бы за что! Вон в Москве по осени перед принятием постановления шестьдесят комиссаров Рабоче-крестьянской милиции сняли. Разом. Подчистую. Это знак, Миша, чтобы другим неповадно было. Чтобы все остальные советские законы исполняли, как следует. Вот я и рапортую. Смотри, сколько бумаг исписал. Всё вручную. Машинисткам нельзя доверять.

Миша долго смотрел на стакан с чаем. Янтарная жидкость переливалась звёздными огоньками под светом настольной лампы. В кабине было почти темно, и лишь яркий круг света на столе подчеркивал мрачную обстановку помещения; низенький диванчик, огромный стол, два стула. На вешалке кожанка, местами до седины вытертая от времени.

— Глеб Иваныч, не щадишь ты себя, — с укоризной заметил Михась, — выглядишь на все шестьдесят, а ведь твоё здоровье ценнее золота. Ты ещё нужен партии.

Глеб Иванович поморщился. Ему не понравилось обращение верного товарища на «ты», но он промолчал. Болезнь вылезала наружу. От чужих глаз не спрячешься. Не скажешь же старому каторжанину, что тот не прав. Ничего, посидит и уйдёт. Тогда можно будет вволю откашляться без посторонних глаз.

Михаил понял, что нарушил субординацию. Он засуетился — забегал глазами, заелозил на стуле, что вызвало у хозяина кабинета новый приступ раздражения. Миша всегда был суетливым и угодливым до чрезвычайности. И сейчас старается угодить старому балтийцу, видно, хорошо пригрели его на новой работе. Всегда любил перед начальством егозить.

— Не суетись, Михась!

— Вы, Глеб Иваныч, не сердчайте, что я по-простому. Я ведь не учёный какой, не из бывших. Университетов не кончал.

— Да брось, Миша, ты свой, наш, старый партиец, — ещё сильнее побагровел щеками Глеб Иванович. Михаил удовлетворённо хмыкнул, но тихо, чтобы не спугнуть доброго настроения старого товарища, а ныне большое начальство.

— Понимаешь, Миша, партия надумала решительно и бесповоротно извести деклассированную нечисть. Она хочет навести порядок в Стране Советов. Вот проведём паспортизацию и заживём как люди!

Глеб Иванович откинул голову на высокую спинку стула и мечтательно прикрыл глаза, будто демонстрируя высокий порыв. На самом деле он больше не мог говорить: грудь рывало от боли и с трудом сдерживаемого кашля.

— А вчера пришло новое постановление Совета народных комиссаров «Об организации трудовых поселений ОГПУ». Особо секретное. Сижу, изучаю. Да, на-на, посмотри сам! Се-

кретное постановление, но я тебе доверяю, Миша, как старому каторжанину. Смотри, тут всё по пунктам расписано!

«Постановление СНК СССР об организации трудовых поселений ОГПУ

20 апреля 1933 г. СЕКРЕТНО

Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТА-
НОВЛЯЕТ:

1. Возложить на ОГПУ организацию трудовых поселений по типу существующих спецпоселков для размещения в них и хозяйственного освоения вновь переселяемых контингентов.

Реорганизовать Главное управление лагерей ОГПУ в Главное управление лагерей и трудовых поселений ОГПУ, увеличив штаты в центре и на местах по согласованию с РКИ. Одновременно реорганизовать аппараты по спецпереселенцам в Сибири и Казахстане, предложив ОГПУ в 2-декадный срок представить структуру организации трудовых поселений в этих областях и местах расселения.

Начальником Главного управления лагерей и трудовых поселений ОГПУ назначить тов. Бермана М., а его заместителем по лагерям — тов. Раппопорта и по трудпоселениям тов. Фирина.

В создаваемые трудпоселения должны быть направлены следующие контингенты:

а) выселяемые из районов сплошной коллективизации — кулаки;

б) выселяемые за срыв и саботаж хлебозаготовительных и др. кампаний;

в) городской элемент, отказывающийся в связи с паспортизацией выезжать из Москвы и Ленинграда;

г) бежавшие из деревень кулаки, снимаемые с промышленного производства;

д) выселяемые в порядке очистки государственных границ (Запада и Украины);

е) осужденные органами ОГПУ и судами на срок от 3 до 5 лет включительно, кроме особо социально опасных из них.

2. Трудовое использование выселяемых контингентов осуществляется непосредственно Главным управлением лагерей и трудовых поселений ОГПУ путем организации в местах расселения сельского хозяйства, рыболовства, кустарных промыслов и других видов хоз[яйственной] деятельности.

3. Возложить на ОГПУ организацию жилищного, культурно-бытового и социально-медицинского строительства в трудовых поселениях и обеспечения всеми видами снабжения (продовольствие, промтовары, сельхозоборудование, инвентарь и пр.). Поселки создавать в пределах от 300 до 500 семейств каждый.

4. Обязать наркоматы и хозорганы, обслуживающие спецпереселенцев старого расселения, занимающихся сельским хозяйством и рыболовством (Нарым и Сев. Казахстан), не позднее 1 мая по балансу передать ОГПУ все денежные и материальные средства, полученные как в бюджетном порядке, так и по банковскому кредиту. Весь аппарат этих наркоматов и хозорганов, занятый обслуживанием спецпереселенцев, также передать ОГПУ.

5. Контингент вновь переселяемых приравнять во всех отношениях к спецпереселенцам, расселенным в 1930—1931 гг.

6. Обязать СНК автономных и союзных республик, об-
лисполкомы и крайисполкомы районов выселения обеспе-
чить выселяемых из сельских местностей 3-месячным запасом
продовольствия на каждую семью и простейшим сельхозин-
вентарем (плуги, бороны, топоры, пилы и т.п.), а также одной
лошадью на каждые 5 семейств.

Разрешить выселяемым вывозить с собою предметы до-
машнего обихода, а также деньги (без ограничения сумм).
Разрешить выселяемым кустарям взять с собой простейшие
орудия производства, как, например: швейные машины, са-
пожный и деревообделочный инструмент, а также предметы
домашнего обихода».

— Вот, Миша, читай и вникай, как партия и правительство
заботятся о трудовом народе. Даже предметы домашнего оби-
хода разрешили с собой брать! Деньги! Инструменты! Живи,
стройся, перерождайся! Правильное постановление, по нему
мы и будем создавать новые поселения по типу существующих
спецпосёлков для размещения в них и хозяйственного освое-
ния вновь переселяемых контингентов. И новое управление
создано. ГУЛАГ. Только что сформировали управление. Слож-
ная предстоит работа. Мы всё старое переделаем, все условия
создадим, и накормим, и напоим, и инструментом снабдим,
а если люди не захотят жить по-новому, уничтожим их, под ко-
рень истребим. В великое время живём, Миша!

— Туда всех беспаспортных ссылать будете?

— Не только беспаспортных, а всех деклассированных,
весь преступный уголовный элемент, всё отребье, доставшееся
нам от царских времён, всех-всех...

Глеб Иванович снова закашлялся.

— А как же так? Ведь обычные люди пропадают, Глеб Иванович. В очередях только и разговоров, что прямо семьями.... Город бурлит.

— А ты не слушай вражеские разговоры. У нас во всём учёт и контроль. Это наши основные принципы. А слухи враги народа распространяют. Не слушай их, Миша! Я вон, ночей не сплю, думаю, как план по паспортизации выполнить. Во внесудебном порядке за нарушение паспортного режима у нас осуждено 65 тысяч 661 человек, административно удалено больше 175 тысяч. Подумай только, сколько работы мы проделали! У меня руки дрожат от писанины. Секретная же работа, Миша!

— Не жалеете вы себя, Глеб Иванович!

Михаил осёкся, он не ожидал, что его слова заденут за живое Глеба Ивановича. Тот выскочил из-за стола и принялся бегать по тёмному кабинету, будто загнанный волк. Совсем ослаб от болезни. Михаил сморгнул слезу и подтёрся кулаком. Не таким он знал бравого каторжанина Глеба Ивановича Петрова. Тот был крепче, жёстче, сильнее.

— Понимаешь, Миша, мы ж не просто деклассированных в тайгу посылаем. Ты посмотри, почитай постановление-то! Вон оно на столе лежит, секретное, да ты бери-бери в руки-то, я тебе доверяю. Мы же не как при царском режиме, у нас всё по-человечески. Нет, мы не чета царям! Партия и правительство снабдит их хлебом, оденет, как людей, вооружит сохой и лопатой, и пусть эти трутни поработают на земле, пусть поймут, что такое честный труд. Наша партия заботится о каждом человеке. Надо, Миша, дело повести так, чтобы люди поняли,

что без всеобщего труда мы пропадём. Вот я сижу тут и думаю, как сделать, чтобы не просто очистить город от лодырей и бездельников, а чтоб они переродились, чтоб стали такими, как мы с тобой, Михась!

Глеб Иванович охнул и прислонился к стене под портретом. В углу рта показались крохотные капли крови. Миша дёрнулся, чтобы помочь, но, взглянув на портрет, передумал. Глеб Иванович с усилием погасил начавшийся приступ кашля и устало плюхнулся на стул. Промокнув носовым платком кровь, затем долго рассматривал под лампой тёмные сгустки.

— Чего пришёл-то? — глухим голосом спросил Глеб Иванович.

— Так, говорю же, у командира жена пропала. Два дня, как ушла. За хлебом. Третий день нету женщины. Помогите, Глеб Иваныч, командир у нас хороший мужик. Начальник секции. Жалко его.

Глеб Иванович яростно дёрнул головой и бросил платок под стол, но промахнулся и обшлагом кителя задел подстаканник. Стакан зазвенел и упал, топырясь широким серебряным днищем. Янтарный чай грязными разводами растёкся по зеленому сукну.

— Я уберу, Глеб Иваныч, сейчас уберу!

— Не надо, — усталым движением остановил его Глеб Иваныч, — без тебя найдутся, кому тут убрать. Желающих много. Ладно, я помогу тебе, Миша. Раз ты просишь, значит, надо помочь!

Глеб Иванович нажал на кнопку звонка. В кабинет вскочил сияющий милиционер, в новенькой гимнастёрке мышиного цвета, с пышным чубом.

— А-а, Пилипчук! А где Прокопенко? Не знаешь... Ты вот что, Василий, прими заявление от гражданина, у его сослуживца жена пропала. Как там её, Михась?

— Горбунова Галина Георгиевна.

Пилипчук застыл по стойке «смирно». Петров, искоса взглянув на него, и, поймав взгляд, обращенный на посетителя, раздражённо добавил: «Мой старый товарищ, Михаил Григорьевич Воронов, мы вместе в ссылке в Нарыме бедовали».

Замолчав, и, схватившись рукой за грудь, он кивнул на дверь. Пилипчук спохватился, расторопно подхватив Воронова под руки, почти вынес его из кабинета. За дверью раздался гулкий кашель, трубный и со свистом. «Опять кровью изойдёт», — подумал Михаил и расправил грудь. Сам он давно вылечился от туберкулёза. Почти два года питался барсучьим салом. Каждый день ел, с утра, на обед, иногда на ужин. Противно было, тошно, но помогло. Чахотка прошла. А сутулился он по привычке. Его на каторге много и часто били, вот и старался стать незаметным и малорослым, лишь бы не взглянули лишний раз.

Глава третья

Василий Пилипчук долго вставлял листы бумаги в машинку. Воронов с улыбкой наблюдал за ним. Симпатичный хлопёк Василий, чистенький, красивый, высокий, губы яркие, сочные, как у девушки. И новенькая форма его украшает. Такому бы в Смольном у входа стоять, а не за пишущей машинкой горбатиться.

— Давно знаете Глеба Иваныча Петрова? — спросил Василий.

Старый каторжанин презрительно кхекнул, замешкавшись с ответом.

— Давно, спрашиваю, знаете? — Василий кивнул на дверь, из-за которой доносился утробный и натужный кашель.

— А тебе к чему это знать?

Воронов помотал головой. Станный этот Пилипчук, и вопросы странные задаёт, но лучше с ним не связываться. Надо добиться, чтобы Василий принял заявление на розыск Галины Горбуновой, а то Григорий Алексеевич вздумает искать жену самостоятельно и пропадёт ни за грош. С органами шутки плохи.

— Здесь я задаю вопросы!

Василий куражился над посетителем и не скрывал этого. Воронов потёр ладонью щёки, глаза, вынув из носа козявку, долго рассматривал на свету, затем медленно растёр её пальцами и сказал, обращаясь к самому себе: «Михаил Григорьевич, нас здесь не поняли! Пойдём-ка мы в другое место». Пилипчук слегка побледнел и посмотрел на закрытую дверь.

— В какое это другое место? — Василия аж скривило от отвращения. Слишком уж затрапезный был вид у посетителя. Сам Пилипчук сидит за столом весь наглаженный, наодеколоненный, а заявитель козявки из носа таскает.

— А я самого Мироныча знаю, — подмигнул ему Михаил Григорьевич. — Вместе сживали. Было время. Вот к нему и пойду!

— Какого Мироныча? Самого Мироныча? — Вскочил Василий из-за стола, не забыв, впрочем, выдернуть бумагу из машинки.

— Да. Сейчас наберу его по прямому проводу от Глебушки, и тебя, поминай, как звали! Был Пилипчук, красавчик писанный, и тю-тю, нету красавчика Пилипчука. По этапу пошёл.

— Да я, да это, да у меня же приказ Глеба Иваныча. Говорите, что с вами случилось, Михаил Григорьевич?

— Запомнил имя-то? Молодец! Далек пойдёшь, если милиция не остановит, — заперхал смехом Михаил Григорьевич, — ты пиши, давай, Вася, пиши!

— А почему муж без вести пропавшей сам не пришёл? По закону с заявлением могут обратиться только близкие родственники!

Василия распирало от желания хоть чем-то досадить посетителю. Он боялся, что Галину Горбунову найдут, и тогда выяснится, что он присутствовал при задержании, и тогда ему конец. Василий с трудом держался, но что-то распяляло его изнутри. Уж так хотелось вытащить из Воронова хоть какую-нибудь злобу, как занозу, но Михаил Григорьевич невозмутимо потирал влажные щёки грязноватыми пальцами.

— Важное задание у него. Занят он. Григорий Алексеевич Горбунов занимает ответственный пост. К нему комиссия приехала. По этой причине он не может покинуть место дислокации. Вот, меня откомандировал по этой части.

— Командировку выписал? — В прищуренных глазах Василия заблестел звериный огонёк.

— Да отгул у меня, отгул. Всё по революционному закону. Ты будешь писать, или Миронычу позвонить?

— Да пишу я, пишу!

Василий отодвинул печатную машинку и принялся шумно карябать лист бумаги. Перо разъезжалось, падало, не желая подчиняться неумелым рукам.

— Так. Два дня назад вышла из дома и не вернулась Горбунова Галина Георгиевна. А кто её видел?

— Соседи видели. Из окна. Она вышла из дома в половине пятого в светлом пальто и новых туфлях светло-серого цвета. Всё светлое. Почти белое. В руке соломенная авоська. На голове причёска. Чего тебе ещё?

— Больше никто не видел?

Василий пыхтел, как паровоз, выводя букву за буквой. Почти не владея грамотой, он писал с трудом, словно делая чёрную работу.

— Никто!

Михаил Григорьевич думал, что если бы Галину Горбунову забрали, как беспаспортную, то Глеб Иванович знал бы об этом. В милиции обо всём знают. Говорит же, в органах во всём учёт и контроль. А, может, Галина в деревню подалась? Заела её тоска по родне, вот и сбежала. С деревенскими такое бывает. Вдруг затоскуют ни с того ни с сего и побегут, куда глаза глядят.

— Найди её, Пилипчук, но живой! Мёртвой она никому не нужна. Понял?

Михаил Григорьевич неожиданно преобразился. Пилипчук искоса поглядывая на него, удивился произошедшим изменениям. Воронов стал выше ростом, выглядел весомым и значительным, а голос загустел, будто цемент. Кривое и влажное лицо выпрямилось и подсохло. Под носом было чисто.

Василий Пилипчук покачал головой и вздохнул. Он не любил писать. Канцелярская работа ему не нравилась, но Глеб Иванович редко кому доверял секретные дела. Обычно секретными поручениями занимается Прокопенко. Пилипчуку

сегодня повезло. Стараясь оправдать доверие самого Петрова, он, едва не плача, продолжал скрипеть стальным пером.

— Что ж ты, чума, делаешь? — взревел Михаил Григорьевич, но, оглянувшись на дверь, понизил голос: — Я не обучался грамоте, и то знаю, что женщина пишется через «и», а не «ы». Галина не женщины, а женщина. Чумило ты, Василий Пилипчук!

— Я тоже пас овец под Харьковом, — легко согласился Василий. — Вам какая разница, Михаил Григорьевич, «и» или «ы»? Вам женщину надо найти или в нашу писанину залезть?

— Женщину найти!

— То-то же! Тогда вот здесь и распишитесь.

Михаил Григорьевич расписался и ушёл в полном удовлетворении от приёма и встречи со старым товарищем. Пилипчук ему не понравился, так ведь не к нему же приходил. Все люди не могут нравиться. В эту ночь Михаил Григорьевич спал крепким сном. Ему снились райские сады, сплошь засаженные стройными вишнёвыми деревьями в самом начале цветения. И хотя он знал, что не бывает чисто вишнёвых садов со стройными стволами, но всё равно верил, что этот чудесный сад вырастили для него, старого каторжанина.

Овеваемые тёплым ветром, вишнёвые лепестки неслись ему прямо в лицо, один из них попал прямо в глаз. Михаил Григорьевич почесался и проснулся. На часах уже шесть утра. Скоро в часть. Пора вставать. Ох, и обрадуется Григорий Алексеевич, что поисками пропавшей супруги займется новые советские сыщики. От старых никакого толку не было.

* * *

В общем зале царил торжественное настроение. Несмотря на сложную повестку заседания, никто не чувствовал устало-

сти. Лица присутствующих одухотворённо светились, освещая актовый зал дивным светом беззаветной веры в светлую идею. Григорий Алексеевич Горбунов третий час вёл собрание. Сегодня ему доверили заполнять секретный протокол.

На собрании главной повесткой дня стояла повсеместная паспортизация страны и создание новых поселений. В Ленинграде, Москве, и в целом по стране совсем нет жилья. Советское строительство находится в зачаточном состоянии. Стройки уже зарождаются; начали строить управление для чекистов на Литейном, в Нарвской заставе повсеместно возводят фундаменты первых жилых домов для рабочего класса, в центре строится новый дворец культуры. Но всё это только начинается. А сейчас, в данную минуту, где людям жить? Рабочий класс должен обеспечиваться жильём в первую очередь, но пока сдадут первые дома, пройдёт немало времени. В настоящий момент на каждого ленинградца приходится по три-четыре квадратных метра, а этого катастрофически мало. Бывшие барские квартиры поделены на клетушки. Люди ютятся в каморках по десять—двенадцать человек. Отсюда мордобои, убийства, разводы, бытовые преступления, нехорошие болезни. Необходимо срочно очистить город от деклассированных элементов. Партия и правительство заботятся о людях, строящих светлое будущее. В конце прошлого года было принято постановление о всеобщей паспортизации Страны Советов.

В январе текущего года вышло секретное указание о проведении чекистских мероприятий по обеспечению нового закона. Не все граждане заслужили советский паспорт. Многим будет отказано в учётном документе. Следить за выполнением постановления о паспортизации поручили чекистам. Именно

об этих мероприятиях и говорили докладчики на сегодняшнем собрании. Григорий Алексеевич вёл протокол и заметно волновался. Ему предстояло выступить в самом конце собрания, он отвечал за резолютивную часть мероприятия. Всё было хорошо, но в затылке который день гноилась паскудная мыслишка, отдающая частнособственническим инстинктом. Три дня назад пропала жена Григория Алексеевича, молодая и красивая Галина, хохотушка, с милыми завитушками волос на шее, умильными ямочками на щеках и верная жена в придачу. Григорий Алексеевич изо всех сил гнал паскудную мыслишку, но она настойчиво возвращалась, мешая сосредоточиться. Спас положение помощник Горбунова. Михаил Григорьевич положил на стол готовую речь. Григорий Алексеевич пробежал глазами первые строки и весь вздёрнулся. Именно такая речь нужна сегодня на собрании. Молодец Воронов, не подвёл преданный товарищ, хорошую речь написал. Именно эти гневные слова ободрят товарищей в общем зале.

Стены морского клуба сплошь увешаны портретами вождей. Раньше здесь висели изображения разных адмиралов и военачальников, но руководство клуба заменило старые портреты на новые. Над трибуной прищурилось всевидящее око товарища Сталина. На правой стене сурово ошетинилось руководство страны, а с левой смотрело, будто в прицел, руководство Ленинграда. От портретных взглядов холодело в затылке. «Надо бы перевесить всех с левой стороны на правую, — подумал Григорий Алексеевич, — а то обвинят в левизне». Подумал и вздрогнул. Нельзя перевешивать портреты. Тогда самого обвинят в левизне. Сейчас модно осуждать левые взгляды.

Горбунов сурово покачал головой, стараясь выглядеть более монументальным. На него устремились двести глаз, сто товарищей ждут напутственного слова. На собрании должны прозвучать слова, определяющие жизнь коллектива крейсера на полгода вперёд, а он думает чёрт знает о чём. Члену партии не положено допускать частнособственнические мысли во время торжественного собрания. Устав партии запрещает думать о личном в ущерб общественному. Голова должна быть ясная и чистая, как оконное стекло, вымытое Галиной перед приёмом гостей. Горбунов нервно дёрнул шеей. Пропавшая жена постоянно вмешивалась в мыслительный процесс. О чём бы он ни подумал, во всём и везде присутствовала Галина. Так уж получилось, что они сроднились с женой, став единым существом. Мужчина и женщина приросли друг к другу. Судьба жены приводила Горбунова в отчаяние.

Воронов едва уловимым жестом указал на трибуну, мол, пора. Григорий Алексеевич похолодел от волнения. С трудом прогнав мысли о пропавшей жене, он слегка отпихнул Михаила Григорьевича и шагнул на подмости, боясь оступиться. Через минуту Горбунов уже гремел с высоты.

— Товарищи советские моряки! В целях успешного достижения мероприятий, поставленных партией и правительством, по очистке Ленинграда от укрывающихся кулаков и уголовно-преступного элемента советским правительством только что принято важное и соответствующее постановление «Об организации трудовых поселений». Партия и правительство озабочено чисткой городов от ненужного сброда. Осенью было принято постановление о всеобщей паспортизации населения, в январе о проведении чекистских мероприятий, а сейчас

необходимо создать условия по организации трудовых поселений. Партия и правительство призывают выжигать калёным железом заразу из нашего общества, ту заразу, что оставил нам в наследство царский режим. Мы не пощадим ни детей, ни женщин, ни стариков, никого, ради построения справедливого общества. Если надо будет уничтожить половину населения нашего города ради того, чтобы очистить улицы и дома от уголовной накипи, мы уничтожим не только половину, а гораздо больше. Если понадобится, уничтожим всех! Ради построения общества будущего мы не пощадим никого!

Товарищи! Наша милиция неустанно работает во исполнение всех пунктов постановления, но силы её иссякают, и мы обязаны помочь органам в их самоотверженном труде по восстановлению порядка и очистке города от нечисти и накипи всякого рода. Предлагаю составить список желающих войти в состав бригадмильцев, товарищи советские моряки, мы должны быть в первых рядах по очистке нашего города, нашей страны от разного рода сволочей. Список составит мой помощник Воронов Михаил Григорьевич. Он уже ходит по рядам, подготовьтесь и внесите свои фамилии в состав бригады. Мы очистим наш город от врагов народа. Сергей Миронович обещал приехать сегодня, но, к сожалению, его задержали важные дела. В эту минуту товарищ Киров выступает перед рабочими Путиловского завода. Там тоже формируются составы бригадмильцев из числа самых сознательных рабочих. Товарищ Петерсон лично примет участие в посвящении бригадмильцев на площади Урицкого. Этот вопрос согласован и обсуждению не подлежит. Если понадобится, мы все в едином порыве встанем на очистку нашего города от неработающих и скрывающихся

кулаков, от уголовно-преступного элемента. Мы их отыщем в притонах и кабаках. Мы достанем их на дне морском!

Вместо прожигания жизни эти нелюди будут трудиться в спецпосёлках на работах в сельском хозяйстве, рыболовстве, заниматься кустарными ремёслами, другой хозяйственной деятельностью. Товарищи! Отзовёмся на призыв партии и правительства и ответим мощным ударом по скрытому врагу, которого иногда можно не заметить и в наших рядах. Будем бдительны, товарищи! Поможем чекистам и милиционерам! В Ленинграде с начала года создано 45 пунктов выдачи паспортов, туда требуются кадры, мы сможем помочь органам в нерабочее время. Будем работать не ради денег, а за совесть! На нас смотрит товарищ Сталин!

Актный зал в едином порыве поднялся с мест. Люди стояли и хлопали, не прерывая оваций.

— На нас смотрит товарищ Киров!

Овации усилились. «На нас смотрит товарищ Медведь!» — В этом месте Григорий Алексеевич понял, что совершил ошибку. В зале не все знали фамилию главного чекиста Ленинграда. Овации не прекратились, но стали суше и жиже.

— Товарищ Петерсон!

Овации усилились. Его промаха никто не заметил. Григорий Алексеевич счастливо выдохнул. Воронов услужливо подвинул стакан с водой. Сегодня Михаил Григорьевич выглядел иначе, чем вчера. На нём складно сидел новенький френчик, на брюках вились ровненькие стрелки, руки были вымыты, хотя под ногтями таилась ночь, залысины поблескивали. Михаил Григорьевич любил баню, по субботам ходил мыться, но иногда пропускал помывку по уважительным причинам.

Григорий Алексеевич заметил траурную каёмку на ногтях помощника, склизкие волосы, потянул носом воздух и вспомнил завитки на шее у Галины. Казалось, она стоит рядом с ним, прямо на трибуне, в новом цветастом платье, купленном в магазине «Смерть мужьям». Присутствие жены было настолько осязаемым, что Горбунов стал крениться вниз, как потопленный крейсер, но, скользкий от угодливости Воронов, ловко подхватил падающее тело и поставил на место, а сам спрятался за ширмой.

— Калёным железом. Суровой рукой. Киркой и лопатой! — Оглушительные овации заглушали слова Горбунова, а он всё кричал и кричал лозунги и воззвания, забыв, к кому обращается. В конце собрания Воронов бережно отвёл начальника в подсобное помещение, где долго отливал его водой, чтобы привести в чувство.

— Калёным железом, — прошептал очнувшийся Горбунов.

— Калёным-калёным, — мирно поддакнул Воронов, пытаясь влить в Григория Алексеевича глоток воды прямо из графина. На шее Горбунова покоилось мокрое полотенце.

— Все записались в бригадмилльцы?

— Все сто. До единого. — Коротко кивнул Михаил Григорьевич. — Попробовали бы не записаться. Вот где они у меня!

Воронов сжал кулак, получившийся настолько хлипким, что Михаил Григорьевич смутился и разжал руку.

— А что с Галиной? Где она? — треснувшим голосом спросил Горбунов.

— Ищут. Обещали найти. Сам Глеб Иваныч Петров обещал. Старый большевик слов на ветер не бросает. Он честный партиец.

Григорий Алексеевич улыбнулся и просветлел лицом. Он верил партии, как самому себе.

Глава четвертая

Двухосная теплушка уже вторую неделю тряслась в пути. В вагоне, изначально предназначенном для перевозки скота, на скорую руку были сколочены двухъярусные нары, кое-где стены утеплили фанерными обшивками, по центру угнездилась печка-буржуйка. Вместо сорока человек в вагоне поместилось все восемьдесят пять. Битком набитый вагон открывали редко. С утра вытаскивали умерших за ночь, к вечеру считали людей по головам, как скот, ночью вталкивали новеньких. Днём редко кто заглядывал, вагон жил своей жизнью. Колёса монотонно отстукивали минуты и часы. На третий день сложившийся распорядок нарушился. Поезд остановился, и наступила тишина. Ни звуков, ни голосов. Безмолвие взорвалось шумом и грохотом. В вагон впихнули молодую женщину, растрёпанную и помятую. Конвойные матерились и смеялись.

— Ты, Маруська, здесь и родишь! Чай, не сахарная, не растаешь!

— Я же беременная, беременная я, говорю же вам! Не мните меня, больно же! — визжала женщина, вырываясь из рук конвоиров.

Дверь захлопнулась. Свет померк. Женщина замолчала и огляделась. В наступившей темноте светились глаза. Много глаз. Женщина всхлипнула.

— Беременная я!

— Ещё скажи, что на сносях, — хохотнули в углу.

Женщина вздрогнула и притулилась у двери, привыкая к темноте. Галина подползла к ней и взяла за руку, пытаясь успокоить дрожавшую от нервного озноба женщину.

— Не кричи так, а то здесь всякие люди. Обидеть могут, — прошептала Галина, поглаживая обмякшее тело несчастной женщины. — Какой срок у тебя?

— Седьмая неделя, — вполголоса буркнула беременная. — Тебя как звать?

— Галиной, а тебя?

— Марусей. Маруся Беглова я. На путях взяли. Меня муж ждёт. Мы на юг едем. Там, говорят, голода нет. Здесь у нас пересадка была.

Галина застонала. Она ещё верила, что всё уладится. Кому положено, тот разберётся, что совершили оплошность. Скоро выяснят, где надо, что задержали честных советских людей вместо гопоты. Марусин случай вывернул все мысли Галины наизнанку. Значит, не оплошность совершают. Это не случайность. Задерживают всех, кого не попадя, бросают в состав и везут на край света. И не смотрят, что муж ждёт, что документы есть. Кто попался на улице или на железнодорожных путях, тех и хватают.

— Не плачь, Маруся, как-нибудь, — пробормотала Галина, не понимая, как успокоить беременную женщину. Жалость выворачивала внутренности, отнимая волю к жизни. Жаль было себя и всех, кто был в поезде, даже уголовников.

— Попить бы, всё иссушило в горле, — пожаловалась Маруся.

— Нет тут воды, по вечерам приносят, сырую. Хлеб давали один раз. Тут верховоды завелись. Вон они, в том углу.

В сумраке Галина разглядела женщину; красивая, лицо ровное, гладкое, белое. Волосы выются, чистые. По лицу видно, что Маруся не изголодала. Руки не изнеженные, но не кожные.

— Меня муж ждёт, — заплакала Маруся. — Как он там без меня? Я же беременная! Всех хватают, не смотрят, что у людей документы имеются.

В дальнем углу снова засмеялись. Галина гладила Марусино плечо и думала, когда же всё прояснится, когда разберется со всеми, кого несправедливо задержали? Ведь в вагоне таких много, а в поезде ещё больше. Галина представила, сколько народу везут железнодорожные составы в разные концы страны, и от этого стало ещё горше. Но в данную минуту именно Маруся вызывала нестерпимую жалость. Галина мучилась от неспособности хоть чем-то помочь несчастной женщине.

— Ничего, ничего, как-нибудь, — шептала она, плача невидимыми слезами, боясь ещё больше огорчить Марусю.

Сумрак в вагоне сгустился, день близился к вечеру. Спёртый воздух понемногу растворялся в вечернем сквозняке. Дверь с грохотом отворилась, и в проёме возникли две фигуры, вырисовываясь зловещими силуэтами на закатном небе. Без лиц и глаз, одни очертания.

— И где тут наша беременная? — спросил один, а второй коротко хихикнул.

— Тут я, тут, — взвизгнула Маруся и подпрыгнула на руках у Галины. — Беременная я! Заберите меня отсюда!

Маруся резво поползла к проёму. Галина всплеснула руками. Куда она? Пропадёт же! Конвоиры весело гоготали, наблюдая за передвижениями Маруси. Так же весело подхватили

её на руки и потащили по насыпи. Маруся задорно смеялась вместе с конвойными. Галина охнула и прижала руки к животу. Погубят безвинную женщину эти люди с винтовками. В дальнем углу тоже засмеялись, словно вторя ушедшим конвойным.

— Щас родит, прям в поле! На всех хватит.

— Это Маруська Беглова, с Буинского тракта. Известная воровка!

— Врёт, как пишет! Да она безграмотная. И мужа у неё сроду не было. Щас как загуляет с конвойными, вся страна услышит.

Шум и хохотки в углу стихли. Галина долго приходила в себя, борясь с нахлынувшими мыслями. Женщина оказалась воровкой. Никакая она не беременная. Значит, её забрали справедливо. В поезде везут всех, и виновных, и безвинных. От ощущения невыносимого ужаса Галине стало плохо, и она потеряла сознание. Очнулась ночью. Поезд не спеша тарыхтел по рельсам. Колёса по-прежнему выстукивали монотонную песню. Вдруг состав дёрнулся и остановился. Галина услышала негромкие голоса. Конвоиры вполголоса жаловались кому-то на свою безрадостную жизнь.

— Лишенцев везём. Битком напихали в вагоны. Как селёдки в бочке. Им дышать же нечем. Мрут сотнями за день, чтоб им повылазило!

— А чего мрут-то? — пробасил кто-то из местных: у конвойных другие голоса, более визгливые, видимо, кому-то любопытно стало, куда людей везут, зачем.

— От тесноты. Говорю же, вагон рассчитан на сорок мест. А теперь не знамо сколько осталось. Мы отчитались за план,

мол, на каждый вагон по 85, а там уж не наше дело. Велено четыре тысячи перевезти — перевезём! Скажут, десять тысяч, десять перевезём. Наше дело подчинённое. Нам не положено думать. За нас партия и правительство думают.

— Так-то оно так, — согласился басистый, — а куда ж вы мертвяков деваете? Это же целое дело. Труп вынести надо, сдать, кому положено...

Повисло молчание. Галина обеспокоилась. Ушли, что ли? Нет, не ушли.

— На рельсах оставляем, — нехотя признался конвоир, — путейцы после оформят. Они — люди понимающие. Доложат, куда надо, мол, нашли на путях неизвестного, а нам, понимаешь, нельзя нарушать госотчётность. Нам четыре тысячи перевезти надо.

И снова затянулось молчание. Голоса стихли надолго. Галина задыхалась от негодования. Какая несправедливость творится в Советской стране! Если бы знал Гриша, что его жену незаконно забрали среди белого дня и теперь неизвестно куда везут, он бы нашёл на них управу. Ничего, подождите, мой Гриша до Кремля доберётся! В нём такая сила заключена, многим не снилась. Старым большевикам партия и правительство большое доверие оказывает.

— Да как же вы перевезёте четыре тысячи, коли они у вас сотнями дохнут, чем отчитаетесь? — Голоса вновь оживились, но бас изменил тональность. Человек почти кричал, в его голосе слышалось недоуменное возмущение.

— Слышь, ты не ори так, — укорил его конвоир, — командир услышит ненароком. Он чуткий на шум. Мы по дороге навёрстываем.

В вагоне послышался сильный храп. Галина напряглась, боясь, что не услышит окончание диалога. От напряжения зазвенело в висках.

— Чего это навёрстываете, как это? — пробормотал басыстый.

— А вот этак, берём и в вагон закидываем!

Послышался хохоток, сопение, возня, глухие удары прикладом. Тупой стук казался бесконечным. «По голове бьют», — догадалась Галина. Заскрежетала дверь, что-то тяжёлое обрушилось на пол, задребезжали рессоры, поезд валко тронулся, и Галина услышала тихий, немного басовитый вой. Конвоиры впихнули в вагон своего чрезмерно любопытного собеседника.

— Лезьте на верхотуру, — прошептала Галина, ощущая ноющую боль в сердце. Она не знала, чем можно было помочь несчастному человеку. Ему же невдомёк, что из вагона нет выхода. Отсюда никого не выводят. Только выносят. Вперёд ногами.

— А-а-а-а-а-а, — опомнившись, взвыл мужик, злясь на себя за неосторожные слова, сказанные среди ночи случайным людям. Кто же знал, что они окажутся конвоирами с нечистой совестью.

Поезд ещё не разогнался, как внизу послышался грохот. Галина обхватила голову руками, стараясь не слышать, что происходит внизу, но всё слышала, словно происходящее творилось внутри неё. Снова загремел засов, заскрежетала дверь, послышался детский плач.

— Ты этого-то раздень, а то сбежит бородатый. Штаны с негоними, без штанов он никуда не денется! — Властный

голос принадлежал старшему конвоиру Фоме Хомченко. П слышалась возня, ругательства, детский плач стал звонче.

— А девочку куда?

— Кинь её в угол, там место есть!

Послышался мягкий удар, снова что-то шмякнулось, плач прекратился. Галина открыла глаза и пыталась всмотреться в темноту, но ничего не увидела. Засов лязгнул, голоса стихли. Поезд набирал ход. Галина осторожно спустилась вниз, наступая кому-то на головы. Люди стонали во сне, ругались, матерились, но никто не проснулся. Волна свежего воздуха утонула в духоте вагона. Стало трудно дышать.

— Ты откуда, девочка? — прошептала Галина, нащупывая тонкую детскую руку.

— А-а-а-а-а, — на руку Галине полились слёзы.

— Откуда ты? — Звук собственного голоса показался Галине чужим, словно это не она говорила. Осторожно обняв девочку, потащила за собой, стараясь не разбудить спящих. Девочка мычала и плакала, трясясь в лихорадочном ознобе. Галина сначала положила ребёнка, затем сама взобралась по доскам на верхние нары. Чужие незнакомые люди лежали вповалку, кто валетом, кто голова к голове, все шумно дышали, натужно, хрипло, словно не спали, а несли на себе тяжёлый груз.

Галина прижала девочку, пытаясь понять, как могли засунуть ребёнка в вагон для пересылки беспаспортных, откуда её взяли? Девочке по возрасту не положен паспорт. По пути следования состава конвоиры вели себя развязно, но всё-таки соблюдали меры предосторожности. Они не вели лишних разговоров в присутствии задержанных, если выбрасывали трупы из вагона, то делали это ночью. Днём старались не привлекать

внимания железнодорожников. К стоянкам поезд подходил не по расписанию, часто останавливался в пути. Конвоиры между собой шептались, что поезд внеплановый, его не ждут на конечной станции, а где эта станция, никто не знал. Когда стало понятно, что даже конвойные не знают, куда следует состав, всем стало жутко.

Охрана была строгой. Никого из вагона не выпускали, за малейшее нарушение стреляли. Однажды, ещё в начале пути, пристрелили какого-то уголовника. Тот выскочил на станции, чтобы разжиться махоркой, но был смертельно ранен выстрелом в спину. Уголовники мигом втащили в вагон раненого собрата, но через два часа он скончался, а к утру его уже не было. Остальные вели себя осторожно, стараясь не попадаться конвоирам на глаза. Все научились смешиваться с толпой, чтобы быть незаметнее. Так легче было переносить тяготы трудного пути. Галина мысленно пожелала мужу спокойной ночи и впала в забытие, прижимая к себе плачущую и дрожащую девочку. Она тоже научилась забываться, часто переносила себя в прошлую жизнь, чтобы не оставаться в этой. Колёса стучали, а она напевала, мысленно отглаживая мужу форменные брюки. Гриша служил на боевом крейсере, который собирались списать на берег и сделать его учебным судном. А ведь Григорий Алексеевич бывалый моряк со стажем, для него служба на учебном корабле совсем не то, что на боевом. В последнее время Гриша стал немного отчуждённым, всё думал, как сложится судьба крейсера и его, морская. Галина верила, что муж найдёт её, всё перевернёт, дойдёт до самого верха, но отыщет жену.

Григорий Алексеевич Горбунов женился по любви. Он увидел Галину на трамвайной остановке в Ленинграде. Та ехала

поступать в лесной техникум, волновалась, постоянно рылась в сумочке, проверяя, не потеряла ли документы, а Горбунов спешил в порт. Вдруг он заметил, что у Галины выпала какая-то бумажка, подскочил и, подобрав, стал выдёргивать у неё сумочку, чтобы положить туда документы. Она же подумала, что мужчина в форме хочет её ограбить, что никакой он не военный, а переодетый грабитель, и мигом вцепилась в сумку. Они закружились, играя в игру «ну-ка отними». Он отнимал, она не отдавала. Наконец Галина поняла, что ошиблась, а он смутился от своей неловкости, и они долго смеялись, забыв, что каждый из них спешит по своим делам. Так они и познакомились.

Потом Горбунов ушёл в плавание. Галина получала от него нежные письма, где он называл её голубкой и птенчиком. Пока крейсер бороздил воды северных морей, Галина окончила техникум и получила распределение в Архангельск. Уже и документы были готовы, и билеты на руках, вдруг в общежитие влетел как молния Григорий Алексеевич. К тому времени Галина уже знала, что Гриша значительно старше нее, что он воевал на Гражданской войне, у него есть ордена, что он заслуженный военный. Возраст жениха не испугал девушку. Она его любила больше родных, и не было для неё ближе человека.

Из общежития они пошли в загс, Гриша нёс её фанерный чемоданчик. Галина чуть не умерла от счастья, когда их объявили мужем и женой. Жили хорошо, но детей всё не было. И вот случилось. Галина ощущала в себе новую жизнь и старалась не думать, что будет дальше. Долгожданная беременность приносила ощущение счастья, но то, что творилось с ней сейчас, пугало и заставляло Галину сжиматься от страха. Что будет с ребёнком? Что будет с ней, с Гришей? Как всё сложится?

После случая с Марусей Бегловой Галина старалась не соприкасаться с реальной жизнью, с той, что была в вагоне. Непонимание происходящего доводило до безмолвного иступления. Иногда ей казалось, что она во сне. Ничего не случилось, просто приснился страшный сон, и его нужно пережить. Всё на свете кончается, но реальная жизнь в вагоне упрямо продолжалась. Утром выяснилось, что конвоиры закинули в вагон путевого обходчика. Он осматривал состав ночью и из любопытства заговорил с конвоирами. Старый железнодорожник всего навиделся на своём веку, но от того, что случилось именно с ним, обезумел. Старик смотрел в одну точку и мычал, не в состоянии сказать ничего вразумительного. Галину сотрясала жалость к старику, но она боялась его безумия. Страшно было прикоснуться к нему. Галина возилась с девочкой. Та всё повторяла: «Мин урусча сойлэшмим. Мин урусча сойлэшмим!» Симпатичная девочка с раскосыми глазами, лет двенадцати, вероятно, татарская девочка, не знает по-русски ни одного слова. Лоб горит, на лице испарина, тельце влажное. Галина вспомнила, что в дальнем углу ютятся семья раскулаченных татар, они возвращались из ссылки на родину, их взяли на железнодорожных путях, когда они шли к своему поезду. Галина пробралась к пожилым людям и попросила поговорить с девочкой. Глава семьи знал русский, подошёл, положил руку на лоб девочке, что-то пошептал. «Молится, — подумала Галина, — по-своему, по-татарски».

— Она Роза. Они в Казань едут. К дяде в Москву ездили. На вокзале мать за кипятком послала. Там ещё ребёнок есть. Конвоиры отобрали у Розы бидон. Она плачет, боится, что мать накажет за бидончик. Медный был. Хороший.

— Ах ты, Господи, её-то за что? — всполошилась Галина. — Как же это так? Она же ещё ребёнок!

— Вот так! — Развёл руками старый татарин. — Мы тоже из ссылки едем. Нас на родину вернули. Мы не были кулаками. Нас по ошибке сослали. И документы при нас. А сюда запихнули при пересадке. Нам в Казань надо было.

— А что же говорят? Почему вас опять забрали?

— Сказали, мол, там разберутся. А где это — там, не сказали. Ты, дочка, осторожно здесь. Ты красивая, яркая, приглянешься кому из этих. Не дай бог! На вот, возьми это. Прикройся.

Старик подал Галине старый полушубок, больше похожий на дерюгу, и изношенные онучи, сшитые из рогожи. Галина схватила дерюжку и онучи, босые ноги мёрзли в поезде. Натянув онучи, уткнула в дерюжку лицо. Как, как пережить этот ад? Бывшие ссылные уселись в своём углу и, стараясь быть потише, всё о чём-то шептались на татарском языке. Галина вздохнула и приобняла девочку, укрыв её старым полушубком.

— Розочка, выздоравливай, сладкая! Не болей, — шептала Галина, вздрагивая от мысли, что Роза может умереть. Вдвоём всё-таки легче.

— Явыз! — сердито прошипела девочка и уснула.

— Что это такое — явыз? — Галина беспомощно оглянулась на старика, но до него было далеко.

За сутки вагон пополнился новыми людьми. Лёгкая весенняя одежда не спасала от ночной стужи. Днём в вагоне было душно, а ночью по полу гулял ледяной ветер. Где-то в конце состава был аптечный вагон и лекпом, но конвоиры только трясли прикладами, когда задержанные обращались за медицинской помощью. Ежедневно выдавали хлеб — но не каж-

дому, а общей долей. Уголовники — а их было на вагон шесть человек, весь хлеб забирали себе, остальные питались корками и обрезками, которые бросали верховоды. Отъём хлеба уголовники сопровождали главной прибауткой: «До восьми ваше, с восьми наше!». Эти слова постоянно звучали на нарах для шестерых. Что значили эти слова, никто не знал. Потом поняли, что это любимая прибаутка всех гопников и налётчиков, мол, после восьми часов, когда вернётесь с работы, всё ваше имущество будет уже наше. С этими словами грабят и убивают, чтобы веселее было.

Со временем люди смирились не только со словами, но и с обстоятельствами. Галина поначалу мучилась вопросом: почему уголовники присвоили себе право командовать всеми? Почему им никто не противостоит, хотя в вагоне полно сильных и крепких мужчин и их больше, чем гопников? Все молча терпели. Состояние людей было подавленное. Общая тоска поселилась в вагоне для скота. Одни уголовники веселились, с нижних нар постоянно доносились взрывы смеха, матерки, сальные анекдоты и байки. Все шестеро явно играли на публику, хвастаясь своими похождениями в уголовном мире. Весь день проходил под аккомпанемент разудалой компании. Затем наступала ночь, и вагон погружался в лихорадочный сон. Все понимали, что состав большой, в других вагонах тоже едут люди, и куда всех везут, никто не знает. Даже конвоиры.

Глава пятая

В небольшой комнате Михаил Григорьевич рисовал графики, вычерчивая линейкой прямые и косые линии. Сзади тихо подошёл Григорий Алексеевич.

— Михаил, как дела?

Воронов вздрогнул, затрясся всем телом, присев на стул, прижал руку к сердцу.

— Лексеич, ты прям, как подкрался! Напугал меня. Сердце, как воробей прыгает.

— А я думал, ты ничего не боишься, — невесело засмеялся Горбунов. — Ты же все каторги прошёл, тюрьмы, ссылки. Чего тебе бояться?

— Так потому и боюсь, что напугали на всю жизнь. Мы, старые каторжане, боимся, когда со спины заходят. Самый страх в этом состоит. Ладно, раз пришёл, Лексеич, докладываю, дежурства бригадильцев проходят успешно. Вот графики дежурств. Вот росписи. Вот галочки, кто был, кто болел.

— Много больных?

— Да нет, только один справку принёс, спина у него отнялась, грузы таскал, подрабатывал. А так все, как один, ходят на дежурство.

Горбунов вздохнул и откинулся на спинку стула, стараясь вдохнуть, как можно больше воздуха.

— Миша, так что там, по поводу Гали моей? Ищут её?

— Ищут-ищут, Лексеич. Все больницы проверили, все кладбища, морги, психушки. Нету твоей Гали нигде. Ни следочка не оставила.

Воронов заметил, что при слове «кладбище» Горбунов вздрогнул и подавил вздох. За короткое время Григорий Алексеевич изменился, постарел, заметно усох. Михаил Григорьевич отвернулся, он воспринимал чужое страдание, как своё.

— Найдётся твоя Галина Георгиевна, Лексеич, — сказал Воронов, пытаясь скрыть сочувствие: Горбунов не любил, ког-

да его жалели. — Весь город перетрясём, но найдём. Мы же на дежурства с Пилипчуком ходим. Он у нас в Ленинграде главный по облавам.

— Как это — главный по облавам? — удивился Горбунов.

— А его назначили главным по всеобщей паспортизации города. Нет, начальник там другой, Глеб Иванович Петров, а Пилипчук у него замом работает. Вот вместе с ним и шерстим весь город, авось и твою Галину отыщем. Пилипчук с первого дня, как постановление о паспортизации вышло, работает по очистке города от деклассированных. Он должен учёт вести, контролировать. Хороший парень! С огоньком работает. У него самые лучшие показатели.

— А где облавы проходят? — заинтересовался Горбунов.

— Так везде! У театров, на вокзалах, на железной дороге, на автобусных остановках. С нами машина, шесть милиционеров, и мы, бригадмилыцы. Но у нас работа не очень опасная, мы же бандитов не ловим, только беспаспортных отлавливаем.

— А потом куда?

— Что — куда потом? — Не понял Михаил Григорьевич.

— Ну, отловили, поймали, а потом куда их?

— А-а, потом в состав везём. На вокзал. Всех на пересылку.

— А где пересылка?

— Много, но мы отсылаем в шесть пересылок. Из Ленинграда обычно везут в Томскую пересыльную комендатуру, и если там не принимают, тогда направляют в другие отдалённые места. А в Томск дорога прямая от нас, вот и везут туда. А чего спрашиваешь-то, Алексеич?

— Михаил, знаешь, что я хочу тебе сказать?

Горбунов многозначительно замолчал. Во время вынужденной паузы Воронов изменился, из благополучного человека превратился в бродягу: глаза разъехались в разные стороны, под носом появилась сырость, нос практически упал на левую щеку.

— Говори уже, Григорий Алексеич, не томи! — взмолился Михаил Григорьевич, не делая попыток вытереть под носом.

— Я тебя подобрал, Миша, в подвале, сделал человеком, дал работу. Ты получаешь жалованье, небольшое, но тебе хватает. Без меня ты бы пропал, так?

— Ну, так, пропал бы, — согласился Воронов и снова взмолился: — Да говори, к чему клонишь, Григорий Алексеич?

— А вот к чему клоню, мне кажется, что ты, Михаил, скрываешь от меня правду. Боишься сказать, что мою Галину забрали как беспаспортную.

Они смотрели друг на друга и ясно видели, о чём думает каждый. Михаил соглашался, что без Горбунова пропал бы, умер от чахотки, а Григорий Алексеич сверлил взглядом своего помощника и требовал признаний. Воронов сдался первым. И не потому, что боялся потерять работу, а потому, что не мог больше видеть страданий Горбунова.

— Эх, Григорий Алексеич, ты мне, как брат родной, никто мне не помог в тяжёлую минуту, а ты подал руку, и ни разу не попрекнул помощью. Уважаю, Григорий Алексеич, крепко уважаю! А по поводу твоей жены вот что скажу, я тоже думаю, что её замели во время облавы. Я её ищу в этом направлении, но, понимаешь, всё дело в том, что они списков не составляют.

— Как это? — вскрикнул Горбунов и, вскочив со стула, прижал Воронова к столу, но, опомнившись, отпустил помощника. — Извини, Михаил, не сдержался.

— А-а, свои люди, что уж там, — махнул рукой Михаил, — не составляют они списков. Никаких следов, чтобы не было. Только по головам считают.

— Так это же статья! Это же вредительство! За это расстреливать надо!

Горбунов кричал, но не верил, что такое может происходить в революционном городе, где сам Мироныч всем заправляет.

— Цифру сверху спустили. Сам Ягода. Её выполнить надо. А где эти миллионы набрать? Хоть бы половинку наскрести... Вот и хватают всех, кто попадётся на глаза. Говорят, мол, там разберутся.

— А-а, понятно, боятся наследить, — прошептал Горбунов. — Завтра на приём пойду. К этому, как его, Петрову.

— Я позвоню Глебу Иванычу, — засуетился Воронов, но Григорий Алексеевич погрозил пальцем и сказал: «Не смей! Не надо звонить. Сам запишусь!»

Григорий Алексеевич, стиснув зубы, вышел из комнатки, служившей в морском клубе агитационным кабинетом. Его трясло от негодования. Как можно задерживать людей, если у них имеются документы? Партия не допустит такого произвола. Всех виновных накажет. Григорий Алексеевич был уверен в справедливости советской власти. Он знал, как жили люди до революции и как стало сейчас. Партия провозгласила власть простого человека. Любой и каждый может стать полноправным гражданином Советской страны, если у него есть на то основания. Сомнений в существующей власти у Горбунова не возникало. Если и есть недостатки, то они временные. Провинившиеся будут выявлены и наказаны. Григорий Алексеевич был прямолинеен и строг, но справедлив. После ухода

Горбунова Воронов долго сидел за столом, бездумно рисуя карандашом на чистом листе бумаги витиеватые фигуры, затем спохватился и стёр рисунки влажной ладонью.

* * *

Роза понемногу привыкала к новым условиям, она меньше вздыхала, пыталась говорить. Галина гладила худенькое тельце девочки, шепча разные слова, думая, что та ничего не понимает, но Роза оказалась умненькой и сообразительной, она быстро запоминала русские слова и вскоре уже понимала, о чём говорят в вагоне.

— А что такое явыз, Роза? Ты часто повторяешь это слово, о чём оно, — спросила Галина, не надеясь на ответ. Девочка ещё не всё понимает по-русски.

— Злой, жестокий!

Галина молча согласилась. Сейчас явызом были все, кто охранял и сопровождал страшный состав. В конце второй недели в вагоне начались болезни. Кто-то надрывно кашлял, другой задышался, третий поносил. Конвойные ругались, от параша несли, как от сгнившего трупа. Галина смотрела сверху и боялась подумать, что заболит, но болезнь не разбирает, на кого напасть. Сначала у Галины зачесалась рука, затем всё тело. Она осмотрела себя, затем задрала рубашонку на девочке. Так и есть. Вши сделали своё дело. Кожа покрылась волдырями. Если это тиф, то весь вагон расстреляют и сожгут. А потом скажут, что так и было, мол, сами себя подожгли. Что взять с беспаспортной шпаны? Галина спустилась с нар и подошла к двери. Из щелей дуло. Галина поёжилась. Наверху не продохнуть, а внизу ноги покрылись инеем. Куда-то на север везут, что ли?

— Эй, красавица, чего тебе? — раздалось с нижних нар. Галина вздрогнула. Она утратила чувство опасности. Разве можно стоять в пальто без дерюжки? Эти мазурики сейчас пристанут, не отошьёшься.

— Лекпом нужен, я заболела, вот, что у меня, — она вытянула руку и ужаснулась. Кожа горела. Кроваво-красная рука полыхала огнём.

— Вассер! Ну-ка, посмотри, Сивый, может, у неё тиф? — скомандовал главарь уголовников, самый наглый, самый циничный; голос у него хриплый, с надрывом.

— Не-а, не тиф, — успокоил Сивый, осмотрев руку Галины. — Это у неё подкожные черви завелись. От одёжных вшей. У меня такое было. В лагере на Вишере. Не боись, Мизгирь, она не заразная. Брысь наверх, не появляйся внизу! Увижу — зачмарю!

Галина покорно полезла наверх. Обняв Розу, она долго плакала, пытаясь представить, чем занимается сейчас Гриша, но не смогла, потому что утратила чувство времени. Его все утратили. Поезд оказался в безвременье. Его никто не ждал, все от него отказывались, ни одна станция не принимала. Состав перегоняли с одного пути на другой, поезд перекатывался по рельсам, машинисты не понимали, куда и в какую сторону им передвинут стрелку.

У Галины начались страшные дни. Всё тело зудело и горело, кожа чесалась, гнойные волдыри лопались и воспалялись. Вскоре все тело стало похоже на сплошную рану. То же самое творилось и с Розой. Обе мучились, понимая, что когда-нибудь наступит конец мучениям, но конца всё не было. Состав гремел и гремел по рельсам. Случались редкие стоянки, но они не

приносили избавления. Никто не приходил к составу. Он был сам по себе. Казалось, что это путешествие из крошечного ада в пустоту. Ничего и никогда уже больше не будет. Только пустота.

* * *

Зуд прекратился неожиданно, как и начался. Галина осмотрела руки, ноги, живот, всё тело напоминало сплошной гнойник, но оно привыкло к инородным обитателям. Черви и вши стали нормальным состоянием. Роза тоже не чесалась. Детская кожа тонкая, как папиросная бумага, почти рвалась в районе ранок и воспалений, но Роза стойко держалась, поражая Галину твёрдостью характера.

Без зуда стало немного легче, зато внизу взбесились уголовники. Сначала они тихо переговаривались, затем принялись вышвыривать вещи и тряпки в поисках источника заражения. Вши добрались и до них.

— Вот что, Мизгирь, поехали на верхотуру. Пусть эти чесоточные лезут вниз, а мы наверх.

— Весь бздёж туда идёт, — проворчал Мизгирь, — духота опять-таки. Задохнёмся!

Снова пошебуршали, закричали.

— Полезли наверх. Шас, я верхних скину, а мы перетрясём тут всё, а то мусор сюда сыпется. Вон сколько накидано.

Обитатели верхних нар покорно полезли вниз. Верховодам достаточно лишь посмотреть, чтобы обитатели вагона беспрекословно выполнили их волю. В этот раз взглядами не обошлось; в ход пошли ругательства, мат и проклятия. Среди уголовников затесался китаец — маленький, шустрый, как

обезьянка. Он ловко сновал вверх и вниз, подавал тряпки, что-то выбрасывал, вытряхивая мусор на голову людям, лежащим на полу. Все терпеливо пережидали, когда закончится обустройство уголовников.

Галина смотрела на других мужчин, надеясь, что у них вспыхнет чувство гордости, самоуважения. Но нет: они на коленях переползали с места на место, укрывались каким-то тряпьём и молча смотрели в одну точку. Что они там видели, навечно останется тайной. Может, видели родных, детей, родителей, может, что-то другое. Галина презирала этих людей и одновременно жалела. Она тоже смотрела в одну точку, пока не появилась Роза. Девочка нуждалась в защите, а Галине требовалась хоть какая-то ниточка, привязывающая её к жизни. Будущий ребёнок, любимый и любящий муж были где-то далеко, на другой планете, в другой жизни. В этой у нее не было ничего. Только Роза. Через тонкую детскую кожу Галина ощущала биение пульса, требующего продолжения жизни. Девочка не хотела жить, но организм боролся за право существования на этом свете. Роза должна жить, и её нужно спасти.

Но все мечты о будущем меркли, как только начиналась делёжка хлеба. Конвоиров устраивало, что шесть уголовников держат весь вагон в страхе. Поутру открывалась дверь, первым делом выносили переполненную парашу, затем на верхние нары бросали мешок с хлебом и дверь закрывали. Пропуск в жизнь здесь не выписывали, всех везли на смерть. Постепенно люди догадались, что их никто не спасёт. Их судьба была предрешена ещё там, в центре страны, в процессе формирования состава. И от этого осознания становилось ещё горше, чем в начале пути. Галина совсем перестала спать. Организм включил какой-

то странный механизм: сон стал частью бодрствования. Галина всё время наполовину спала, не просыпаясь, а вторая часть организма застыла в напряжении. В состоянии глухой дремоты она часто вспоминала Марусю Беглову. Единственный человек, спасшийся от неминуемой гибели, оказался бывалой преступницей. Обычная воровка смогла избежать страшной участи.

Как-то раз ночью послышались негромкие голоса. Уголовники о чём-то переговаривались. Галина прислушалась, обхватив Розу одной рукой, второй оперлась на локоть, чтобы лучше слышать.

— Слышь, Мизгирь, а ведь нас в Томск везут. Я слышал сегодня на станции, что-то про Курган бормотали, а Курган по дороге в Томск. Я уже был на этом этапе.

— В Томск так в Томск, — проворчал Мизгирь, отхлёбывая и причмокивая. Уголовники устроили выгодный обмен: за отнятый у несчастных людей хлеб, у конвоиров получили спирт. В стране голодное время — все хотят хлеба и его на всех не хватает.

— Да, хреново, что в Томск. Туда всех раскулаченных отправляют. Прямо в лесах оставляют. Без ничего. В чём мать родила.

— Да нас-то не оставят. До Томской тюрьмы дотянем, а она нам дом родной. Из неё мы ни ногой. Пусть этих везут, куда хотят. Не ной, Комар! Хватит! А где китаец?

— В угол забился, вон, под тряпками.

— А чего с ним?

— Спирту не досталось, вот и обиделся. Надулся, как клоп на перине.

— А давай его сюда! Заскучал я.

Послышалась возня, всхлипывания, придушенные возгласы. Вскоре на верхних нарах началось что-то непонятное; ритмичные движения расшатывали и без того ветхое сооружение. Стоны, ругань и визг китайца дополняли треск и стукотню, доносившиеся сверху. «Это что же, он с китайцем, как с женщиной живёт, что ли? Запугать нас хочет, мол, мне всё нипочём, что хочу, то и ворочу», — впадая в глухую дрёму, успела подумать Галина. Весь вагон со страхом ждал, когда обрушатся верхние нары.

Галина встрепенулась. Схватив ребенка, она метнулась вниз, спасая не себя, а в первую очередь девочку. Едва они приткнулись к человеческой куче на полу, как верхние нары обрушились. Поезд шёл себе, не подозревая, какую муку испытывают люди в вагонах. Матерная брань и вопли долго звучали в вагоне, пока не разбудили конвойных, те спросонья застучали прикладами куда попало. Мигом стало тихо. Измученный китаец забился в угол на полу и тихо скулил, как побитый щенок. Галина гладила Розу по спине, пытаясь унять собственную дрожь. Роза тихо плакала. Она не осознавала, что произошло, но по состоянию Галины поняла, что случилось что-то страшное. Обе забылись под стук колёс. Они не уснули, а просто провалились в чёрный квадрат вагона. Люди исчезли. Галина и Роза остались вдвоём в пустоте.

Глава шестая

Ночное происшествие ещё больше подавило волю арестантов. Люди вжимались в пол, пытаясь раствориться, исчезнуть, лишь бы не мучиться. Галина всматривалась в полумрак и многих узнавала в лицо. За время в пути люди примелькались, хотя обстановка не располагала к общению. Все молчали. Иногда

слышались шепотки, но тут же всёглохло. За время пути невольники выработали внутреннюю непроницаемость. Каждый старался быть как можно неприметнее, но один выделялся из толпы и выглядел вполне пристойно.

Николай Петрович Вяхирев окончил Межевой институт ещё до революции, при советской власти работал инженером в Мособлпроекте, его задержали у Покровских ворот, когда он шёл к сестре. С места задержания его сразу отправили на вокзал. По дороге обещали, что там разберутся. Где это там и кто разберётся — не объяснили. В вагоне он занимал самое невыгодное место, у дверей. Это по нему стучали прикладами, когда конвоиры открывали засовы. Вяхирев с достоинством терпел все унижения. Галина решила заговорить с ним. Лицом, особенно в профиль, Николай Петрович напоминал ей мужа Гришу. В шляпе, в добротном костюме Вяхирев выглядел солидно, несмотря на обтрепавшийся и замученный вид.

— Эй, вы, почему мы молчим? Ведь это невыносимо. Надо что-то делать!

— Молчите, умоляю вас! — почти простонал Вяхирев. — Разве не видите, что творится?

— Вижу, — пробормотала Галина, — а за что нас забрали? Меня, вас, всех?

Вяхирев посопел, хотел было что-то сказать, но передумал, лишь глубже надвинул шляпу на лоб.

— Молчите? Ну и молчите дальше, — разозлилась Галина, — мы все умрём, или нас всех перестреляют. Вот увидите!

— Уже вижу, — кивком подтвердил Николай Петрович. — А вы можете что-то изменить?

— Не знаю! Я понимаю, что ничего не могу изменить, но ведь так нельзя!

Галина мысленно осмотрела весь вагон. Конвоиры сказали, что всего в поезде четыре тысячи задержанных. Из них небольшой процент уголовников, какое-то количество сбежавших из ссылок раскулаченных, а большая часть — обычные люди. Если кто-то попытается сбежать с поезда, его пристрелят на месте. Оставалось одно — оставаться в вагоне, а это означало — обречь себя на медленную и мучительную смерть.

— Нельзя, — нехотя согласился Вяхирев и сделал вид, что уснул.

Галина осмотрелась. Обитатели вагона старательно изображали спящих. Все делали вид, что им всё равно, что с ними будет, а сами мучились и страдали от несправедливости. Впрочем, они тоже ничего не могут сделать. Даже если объединятся. Никто не в состоянии изменить ход событий. Надо смириться. И ей надо поступать так же, как все. Ничего нельзя делать, нельзя говорить лишнего, нельзя предпринимать никаких решительных действий. Ведь Гриша уже ищет её, настоящий моряк не бросит жену в беде. Он честный партиец, целиком и полностью на стороне советской власти. В муже Галина была уверена больше, чем в себе.

Прижав к себе Розу, она стала качаться в такт движению поезда. Так было легче переносить мучения. Одновременно Галина искоса наблюдала за другими арестантами. Овласевич тоже инженер. Технический директор авиационного завода в Москве. На вид ему лет сорок. Его взяли на выходе из трамвая. Овласевич в дорогой фетровой шляпе. Она помялась и потёрлась в дороге, но сохранила приличный вид. За Овласевичем прикорнул Иванов Иван, инженер, в Москву приехал в командировку, его задержали на выходе из управления.

Странные судьбы, странные житейские линии пересеклись в этом поезде. Кто из них мог знать, что окажется в этом поезде? Галина почему-то подумала, что у инженера Иванова нет шляпы. Он в обычной кепке, зато пиджак у него новый, ещё не испачкался, как следует. Остальные обитатели, скорее всего, колхозники. Среди них паренёк четырнадцати лет. Господи, его-то за что забрали? Приличный парнишка, умненькое лицо. Говорят, его взяли в поезде, паренёк ехал в гости к брату в Москву. Размышления закончились очередным приступом тоски. Тихонько подвывая, крепче Галина прижала к себе маленькую Розу и забылась.

Очнулась она от того, что не было привычного покачивания и стука колёс. Поезд стоял. Вдалеке слышались гудки и металлический лязг; наверное, где-то неподалёку железнодорожная станция, но поезд туда не пускают. По всей видимости, стоят давно. Уголовники наверху совсем озверели от скуки. Ржут, как жеребцы, матерятся, но голоса с надрывом. Наверное, от скуки затеяли что-то нехорошее. От происходящего на людей навалилось состояние ужаса, словно их сверху чем-то прихлопнуло. Галина крепче прижала девочку. Может, пронесёт. Хоть бы конвоиры заглянули в вагон.

— А чего вонища такая? — донеслось сверху.

— Парашу сегодня не вынесли. Конвой не заходил, вот и воняет.

Голоса ненадолго стихли, затем брань возобновилась, наверху началась возня. Конвойные починили настил, приколотив прикладами шаткие доски, но от малейшего движения нары начинали трястись и угрожающе скрипеть.

— Постучи, что ли, скажи, что параша полная!

— Стучали уже. Глухо, не слышат, весь конвой на побудке. Суки! Заколотили дырку в полу. Боятся побегов. Теперь одна параша на всех!

Мизгирь лениво прошёлся по человеческим телам. Никто из лежащих на полу не пошевелился. Он подошёл к двери, выглянув в щель, поморщился от солнечного луча.

— На улице жара, вот и завоняла, — проворчал Мизгирь и огляделся. Вяхирев сидел под дверью безмолвный и неподвижный, как мумия.

— Ша, братва! Я нашёл парашу!

Мизгирь стянул с головы Николая Петровича шляпу и присел испражняться, сопровождая процесс байками и присказками. Наверху гоготали уголовники, остальные замерли. В вагоне смердело, от запаха зароились мухи. Насекомые облепили Мизгиря, он отмахивался, отплёвывался, несколько раз попал в Николая Петровича. Тот сидел бледный, с горящими глазами, только на скулах цвели два кровавых пятна. Мизгирь опорожнился, натянул штаны, затем одной рукой пригнул Вяхирева, а второй одел на его голову шляпу со всем содержимым. Галина громко охнула, за ней хором охнули остальные. Уголовники валялись на нижних нарах, хватаясь за животы от смеха. Вяхирев сидел неподвижный и безучастный. Мизгирь плюнул ему на шляпу и полез наверх, за ним последовала его свита. Галина подседа к Вяхиреву, сняла с него шляпу и принялась вытирать тряпкой лицо и голову. Николай Петрович не пошевелился.

— Ничего, ничего, скоро станция, там отмоетесь, — шептала Галина, обмирая от ужаса.

В дверь застучали, загрохотал засов. Пришли конвойные, с ними был лекпом. Молоденький фельдшер заглянул в вагон,

не заходя в него, брезгливо отпрянул от Вяхирева, и, зажимая нос, побежал к следующему вагону.

— Эка его развозит, — проворчал Фома Хомченко, — мы каждый день нюхаем эту нечисть. И ничего!

— Ну, чего там, тифа нет?

К вагону подошёл молодой военный, не из конвойных — нарядный, с блестящей портупеей, с кобурой, с петлицами.

— Нету тифа, шас парашу почистим и можно ехать!

— Нет, на вокзал вас не пропустят. Во втором составе две вспышки тифа. На пересылку отсюда поедете.

— Как же так? Какая пересылка? Их в тюрьму надо! — попробовал возмутиться Хомченко.

Военный, криво улыбаясь, взялся за кобуру. Фома притих. Галина заметила, что Хомченко испугался, сник, спрятав глаза под насупленными бровями. В один миг бравый Хомченко стал похож на уголовника с верхних нар. Военный коротко хохотнул и, поправив портупею, пошёл вслед за лекпомом, а Фома отдал распоряжение очистить парашу. Галина хотела сказать, что Вяхиреву нужна вода, ему необходимо помыться, но Фома уже обрёл свой привычный вид. Углы рта опустились, нос задрался, уши слегка оттопырились, и от такого зрелища Галине стало дурно. Ей давно было плохо, от всего: от уголовников, от вони, от духоты, от непреходящего ужаса, но Фома ужасал больше всех и всего. В нём не было ничего человеческого. Ускользящий взгляд, реденькие волосёнки, отечное лицо. «И ведь молодой ещё, — думала Галина, — а на человека совсем не похож».

Между тем погода набирала обороты. Температура поднялась выше двадцати. Ещё апрель, а жара уже летняя. Если в холл можно было укрыться дерюжкой, хоть как-то согреться, то

от жары не было спасения. Люди задыхались. Когда Хомченко пришёл во второй раз, ему безмолвно указали на трупы. Двое умерло; сначала их не заметили, а потом поняли, что люди не шевелятся. От одного уже пошёл запах. Мухи мигом почувствовали лакомство, плотно облепив мёртвых, уселись тучей, не согнать. Фома скривился, двинул кадыком, пересчитал людей по головам, крикнул кому-то:

— Убери жмуриков! Потом разберёмся, куда деть. Теперь двух не хватает. Нам по счёту надо сдать!

Вдалеке закричали, кто-то выстрелил.

— А ну, не балуйся! — проревел Хомченко. — Патронов и так мало. А вам лишь бы побаловаться.

Дверь закрыли и стали ждать ночи. В этот день хлеба не принесли. Все знали, что положено по триста граммов в день на человека, но Мизгирь весь хлеб забирал себе. Людям кидали объедки и корки. Воду приносили редко и некипячёную. Две недели без еды и питья. Галина попыталась оттереть руки, но запах чужих человеческих испражнений въелся навечно. Она робко постучала в стенку. Конвойный вернулся и чем-то гремел за стенкой, значит, к нему можно обратиться.

— Чего тебе? — Из щели выглянул моргающий глаз, несколько удивлённый. Обычно к нему никто не стучался.

— Мне вода нужна, — просительно заискивая, сказала Галина, — человеку помыться надо.

— Я щас тебе покажу воду! Я тебе такую воду покажу, ты мать родную забудешь!

Глаз исчез, дверь загремела, конвойный ринулся в вагон, но оступился и упал прямо на Николая Петровича. Вскочил, рывнул от отвращения и выпрыгнул из вагона. Загрохотала

дверь, лязгнул засов, лишь после этого раздались странные раздражающие звуки. Конвойного трясло от жёсткой и кровавой рвоты.

— Чего это ты? — пророкотал подошедший Хомченко.

— Рвёт, так рвёт, твою бога душу мать! Вонища там, в вагоне, как будто трупы две недели гнили, а не живые люди ехали, — жалобно заныл конвойный.

— А чо ж ты хочешь от деклассированных элементов? — искренне удивился Хомченко. — Это ж нелюди! Лишенцы. Люди они, там, они Советскую республику строят, а эти только и делают, что воняют. Одна от них маята. Не люди они, а нелюди! Запомни это, Шкваров!

Галина посмотрела на Вяхирева. Николай Петрович не шелохнулся, сидел, как мумия, словно всё происходящее его не касалось. Вяхирев не чувствовал запахов, не слышал разговоров, не ощущал ударов. Человек стал непроницаемым. Он превратился в бесплотное существо.

Глава седьмая

Огромный письменный стол с зелёным сукном занимал всё пространство кабинета. Настольная лампа под абажуром освещала яркий зелёный круг на столе. Горбунов вошёл и с трудом разглядел человека, сидящего в тени, словно его здесь не было. Никого не было — ни очертаний, ни человека, ни его тени.

— Добрый вечер, Глеб Иваныч!

— Уже ночь, двенадцать почти, сейчас часы пробьют, — проскрипел человек за столом.

— Так ведь назначили на это время, — виновато развёл руками Григорий Алексеевич.

— Присаживайтесь, слушаю вас!

Просьба присесть прозвучала, как приказ, Горбунов послушно сел на стул с высокой спинкой с сиденьем из зелёного сукна.

— Моя жена пропала почти месяц тому назад, везде ищу, но пока никаких следов Галины не обнаружилось. Думаю, что под облаву попала, помогите, Глеб Иваныч!

— Не месяц назад, а всего три недели и один день. — Петров заглянул в бумажку, лежавшую на столе. — Я помню тот вечер, когда приходил Михаил Григорьевич и просил найти вашу жену. У меня всё записано. Да, я обещал ему помочь. И мы много сделали за это время, а не сидели, сложа руки! А вот вы хорошенько подумайте, о чём говорите! Под какую облаву она попала? Головой совсем не думаете, гражданин хороший!

Человек без тени рассердился и слегка высунулся в зелёный круг. Горбунов вздрогнул, увидев больного с измождённым лицом и запавшими глазами, а Глеб Иваныч, заметив испуг в глазах посетителя, снова спрятался за спасительный свет лампы.

— Но ведь её нигде нет, ни в моргах, ни в больницах. Хоть какой-нибудь след должен был остаться! — воскликнул Горбунов, пытаясь удержать ниточку надежды.

— Понимаю-понимаю, — проскрипел Петров и вздохнул со всхлипом. Горбунов догадался, что Глеб Иваныч с трудом сдерживает болезненный кашель.

Оба молчали, не зная, как выйти из паузы и кто должен заговорить первым.

— Понимаете, как вас там, — Петров прочитал на бумажке имя, — Григорий Алексеевич, мы задерживаем исключительно беспаспортных, бродяг, нищих, проституток и калек, и весь этот

сброд надо вышвырнуть из Ленинграда в двадцать четыре часа! Они мешают нам жить, мешают строить коммунистическое общество, они всем надоели. Ну, вы же понимаете, что ваша жена никак не могла попасть в этот перечень, или не понимаете?

— Понимаю, — с трудом выдавил из себя Горбунов, — но почему бы не проверить? Если есть возможность найти, то предоставьте мне её, эту возможность.

Петров покатал в лёгких воздух, но не закашлялся, перетерпев приступ.

— Ну, хорошо, попробуем. — Из-под лампы вылезли две жилистые руки и тяжело пристукнули по столу. — Я вас направлю к Пилипчуку, он вам поможет. Василий знает, как формируются составы, как проходят облавы, сколько преступного элемента задержано и отправлено в пересыльные комендатуры подекадно. Его сегодня нет, он ночами работает, а завтра попрошу вас явиться к девяти ноль-ноль.

— Так он же ночью работает! — невольно вырвалось у Горбунова.

— Такая у нас работа! Ночь не спим, а днём служим народу! — высокопарно ответил Петров, но вздохнул и закашлялся, долго сдерживаемый приступ выскочил наконец наружу. Кашель со свистом заполнил весь кабинет. Горбунов привстал, хотел предложить помощь, но Петров сунул ему клочок бумажки с телефоном и адресом.

— Это повестка, приходите к нам завтра, а повестка даёт право на освобождение от службы, — прохрипел Глеб Иваныч и замахал руками. Горбунов замешкался, но кашель у Глеба Иваныча усилился, и он вышел, надеясь увидеть секретаря в приёмной, но там никого не было. Вздыхая, морщась от бес-

помощности, Горбунов вышел на Дворцовую площадь. За дверью наткнулся на постового.

— Там вашему начальнику плохо, — сказал Горбунов, волнуясь, что милиционер не успеет на помощь Петрову, но тот махнул рукой и сказал:

— Он к ночи всегда кашляет. Чахотка у него. Не любит на людях кашлять. Сам позовёт, когда надо будет!

Григорий Алексеевич кивал в такт словам, соглашаясь: мол, правильно поступает Глеб Иваныч, настоящий он мужчина. Мало того, что скрывает от людей свою болезнь, он ещё и по ночам работает. Совсем себя не бережёт.

* * *

Потянулись томительные минуты ожидания. Всю долгую дорогу людям казалось, что вот-вот уже скоро поезд прибудет хоть на какую-нибудь станцию, не может же он вечно гонять по рельсам, а когда прибудет, тогда их муки закончатся. Но всё только начиналось. Прошёл день, второй, третий, четвёртый, потом сбились со счёту, поезд словно застыл на путях у вокзала. За стенкой возились конвойные, изредка они менялись, но Хомченко куда-то пропал. Нарядный военный и лекпом больше не появлялись. Зато хлеба прибавилось. Уголовники подкидывали арестантам куски побольше, исхудавшие руки хватили подачку и на какое-то время люди заглушали сосущее чувство голода. Воды не было. Поздним вечером один из конвоиров принёс жестяное ведро с речной водой. Сначала напились уголовники, затем остальные, а кому-то воды не досталось. Кружек не было, пили из ведра через край. Галина успела смочить кусочек дерюжки, чтобы облегчить страдания

Николая Петровича, но он отвёл её руку. Гордый человек не захотел принять помощи.

Дневная жара спала, стало чуть легче дышать, несмотря на густые испарения немых человеческих тел. Скученность стала привычной. Люди меньше охали и стонали. Все ждали решения своей судьбы, понимая, что два железнодорожных состава не могут долго находиться в отстойнике. Когда-нибудь стрелки переведут и людей выведут из вагонов. Все ждали освобождения, мечтая вдохнуть глоток свежего воздуха.

Наверху было тихо. Уголовники отсыпались после бурной ночи. Накануне они напились какой-то дряни и очумели от выпитого. Напившись, уголовники не буянили, не ругались, не дрались, они сидели на краю нар с выпученными глазами и раздвинутыми руками. Что-то дикое было в их положении. Все шестеро молчали. Застывшие фигуры нависали над арестантами, как диковинные изваяния. Просидев таким образом всю ночь, к вечеру уголовники оклемались и заколобродили.

Первым очнулся Мизгирь, он был поздоровее всех остальных в банде. Сначала главарь истошно заголосил, прочищая горло, затем закурил самокрутку из махорки, и уже после затребовал праздника. Но его свита на просьбы реагировала вяло; видно было, что технический спирт ещё действует на больные головы. Комар и Пёстрый сидели, как чумные. Поняв, что ему не расшевелить команду, Мизгирь соскочил вниз и с хрустом прошёлся по головам лежащих людей. Несмотря на боль, никто не пошевелился. Не получив отпора, Мизгирь обозлился, выхватил нож и изо всей силы всадил в ногу какого-то мужчины. Галина узнала раненого. Это был Овласевич, робкий, интеллигентный человек. Инженер даже не охнул, от страха не почувствовал боли. Густая кровь обильно заливала пол. Лежавший

рядом ссыльный колхозник, очнувшись от тяжёлого сна, попытался зажать рану рукой, но у него ничего не получилось.

При виде чужой крови Мизгирь развеселился. Он ожил, глаза у него заблестели, ноздри расширились. Наполненный чужим страданием, Мизгирь круто повернулся и снова пошёл по живым людям, как по мостовой. Наверху его ждали. Снова забулькала жидкость из бутылки, повалили густые клубы махорочного дыма. Мизгирь уже забыл о содеянном, как напившийся человеческой кровью клоп. Он и был похож на клопа, такой же красный и упитанный. Галина оторвала подкладку когда-то светлого пальто и затащила рану Овласевича. Инженер по-прежнему не чувствовал боли; он был в бесчувственном состоянии, только серые глаза следили за движениями Галины. Две слезинки выкатились и застыли на щеках. «Это не он, это душа его плачет», — подумала Галина и вздохнула.

От нарядного пальто, купленного Гришей в начале их брака, осталось одно воспоминание. Подкладка пальто целиком ушла на перевязку. Знал бы Гриша, чем она тут занимается! Галина ещё тяжелее вздохнула и прижала к себе Розу. Девочка дрожала от страшного зрелища. Роза впервые видела такое количество крови. Она нечаянно вляпалась в кровавую лужу и теперь рассматривала испачканную руку. Розу трясло, и состояние девочки передалось Галине. Она словно увидела вагон со стороны. Что же такое происходит? Неужели это будет продолжаться вечно? И в эту минуту Галина поняла, что они попали в ад, созданный людьми, обычными простыми людьми. Если бы они встретились где-нибудь в другом месте, то стали бы хорошими знакомыми, а то и друзьями, но судьба распорядилась иначе. Вагон разделил их. Люди стали врагами. Они всегда будут врагами. Не только на этой земле, но и на том свете.

Часть вторая ТОМСК

Глава первая

К ночи умерло ещё двое. Если бы Фома Хомченко с конвоирами не открыл дверь, то её вышибло бы парами пропитого и прокуренного воздуха, переполненного запахами человеческих испражнений, настолько плотной была духота в вагоне. Конвоиры отшатнулись, стараясь не вдыхать ядовитые пары, но им всё-таки пришлось лезть в вагон, пробираться по людям, наступая им на головы и другие части тела, чтобы удостовериться, что тифозных больных не имеется. Сзади маячили контролёры из вновь созданного управления лагерей и врачи в белых халатах. Они не стали рисковать своим здоровьем и не полезли следом за конвойными, оставшись стоять поодаль. Все старались не дышать, лишь брезгливо морщили носы.

— Ну чего там? — не выдержал нарядный военный.

Он сразу понял, в чём дело. Конвойные не справляются с поставленной задачей. Два состава с деклассированными элементами не могут разгрузить, как следует. А следом идут ещё и ещё, все поезда не сосчитаешь. Сибирь наводнили раскулаченные и деклассированные элементы. Их и без того великое множество, а партия и правительство приказали принять ещё миллион. Откуда они берутся? Это же не люди. Это элементы! Военный поправил портупею и крикнул, не обращая ни к кому конкретно:

— Все на месте?

— Двое помре!

Хомченко посмотрел вверх. Оттуда блестели глаза уголовников. Фома погрозил им кулаком. Одним из умерших

был Овласевич. Инженер скончался от потери крови. Фома не стал обнародовать причину смерти: и без того конвою грозят неприятности. Две вспышки тифа в составе, много умерших. Как теперь отчитываться перед новым руководством управления лагерей? Ведь деклассированных элементов везут в ссылку, чтобы приучать их к полезному труду. Они должны быть живыми, а не мёртвыми. Партия и правительство хочет заставить работать этих нелюдей на благо советской родины. На пересылке всех деклассированных пересчитают и составят списки. Из Москвы потребовали отчёт по ссыльным.

— Что это значит — помре? — взвизгнул военный с петлицами. — Хомченко! Под расстрел пойти хочешь?

— Не хочу! — честно признался Фома, картинно изгибаясь в проёме двери. — Кто ж добровольно под расстрел хочет? Никто. Вот и я не хочу. Конвой не виноват, что эти двое помре...

— Ладно-ладно, — примиряюще пробормотал военный. Его недавно назначили в новое управление лагерей на высокую должность; если он допустит ошибку при расформировании составов, то его переведут на ступень ниже по должности, а такое не сулило ничего хорошего.

Военный крутнулся на пятках и зашагал, высоко поднимая ноги в блестящих сапогах. Здесь было так грязно, что можно испачкать новые сапоги. Военный осторожно ступал, боясь испортить внешний вид. Этот Хомченко большой хитрован. Пусть сам всё улаживает. Если не уладит, пойдет под расстрел. Так будет лучше, а то можно самому стать виноватым. С этими мыслями военный спешно удалялся в сторону вокзала. Фома с ненавистью глядел ему вслед. Военный шёл быстро, но осторожно, боясь ступить в грязь. Наберут белоручек и красавчиков на службу, а ты

копайся в дерьме с недобитыми врагами народа! Хомченко повернулся и, наступая на людей, прошёл внутрь вагона.

— По одному выходи! Не шуметь. Хоть одно слово услышу — пристрелю на месте.

Хомченко подошёл к верхним нарам и о чём-то пошептался с Мизгирём. Уголовные шестёрки мигом отползли в сторону, чтобы не мешать начальству. Повинуясь приказу, люди медленно выползали из вагона, стараясь не упасть, не оступиться, слишком долго ждали они окончания пути.

— А куда? — шёпотом просвистел Мизгирь.

— В Томскую тюрьму.

— Да я там был! Там места мало. Столько народа не поместится! Куда всех поведёте? — вскричал Мизгирь, но тут же с силой хлопнул себя по губам. Забылся, с кем разговаривает, да и разговор этот секретный.

— Не знаю. Не моего ума дело, — сердито буркнул Хомченко. — Моё дело людей по счёту сдать. Нам уже возвращаться пора. — Там другие составы ждут.

— За народом проследим, а счёт за тобой, гражданин начальник!

Хомченко почесался, с шумом царапая кожу на предплечье.

— Клопов у вас развелось, что деклассированных на пересылке, — сказал Хомченко, оглядываясь назад, — людей подберём сейчас. Добавим для счёта. На дороге много народу перемогается. Смотри, не подведи меня, Мизгирь, и за людьми смотри! А я о тебе местному начальству словечко замолвлю перед отъездом. Ты же не хочешь вместе с деклассированными элементами загреметь? Я договорюсь, чтобы тебе послабление сделали в тюрьме, а ты мне будешь должен.

Выбравшись из вагона, Хомченко, вздохнул с облегчением. Ну, там и духотища! Об арестантах он уже не думал: пусть о них заботятся другие. Его ждала дорога в обратную сторону, а что будет здесь, в составе, его не касается. Сейчас главное, быстрее сдать всех чумных и дизентерийных людишек, поголовно отчитаться, и забыть весь этот кошмар до очередной партии ссыльных. Фома ссыпал в карман золотые зубы, выбитые Мизгирём у мёртвых ссыльных. Хотел посчитать, сколько там, но не стал; слишком много народу наблюдает за ним. Донесут, мазурики!

* * *

Всю ночь шли этапом до пересылки. Город мирно спал, светясь редкими огоньками. Изредка они перемигивались, как светлячки в темноте. Томск, бывшая купеческая столица Сибири, оставшийся в стороне, не подозревал, что мимо него медленно бредут истощённые люди. Дорога была сухая, ровная, воздух прохладный, но чистый. Ночное небо, щедро усыпанное звёздами, обещало жаркий день. Невольные арестанты обречённо брели по дороге, судорожно размышляя, куда их ведут, накормят ли, дадут ли воды помыться и разберутся ли, наконец, с их незаконным задержанием.

Все вспоминали свои дома, улицы, номера квартир, боясь, что перепутают что-нибудь на допросе и им не поверят. Цифры, даты, сроки, номера документов — всё может пригодиться при установлении обстоятельств. Люди были уверены, что прибыли туда, где с ними наконец разберутся. Им же обещали! Некоторые посматривали на уголовников, шедших в стороне от основной колонны. «Ничего, Мизгирь, сейчас дознаются, кто ты таков на самом деле! Мы всё расскажем, как ты торговал нашим хлебом, как издевался над нами. Ещё узнаешь, где раки зимуют!»

Мизгирь, словно чувствуя, о чём думают подконвойные, злобно хмылялся и оглядывался назад, проверяя, идут ли за ним проверяющие из управления лагерей. Группа военных, слегка отстав, шла за колонной и посматривала на небо. Они знали, что людей из колонны зорко стерегут вохровцы. За любое отклонение от маршрута расстрел на месте без суда и следствия. Где-то вдали лаяли собаки, надрывались гудки паровозов, слышался весёлый женский смех. У людей в колонне появилась надежда на лучшую жизнь. Мало ли что с кем случается! Ну, забрали по ошибке, повезли куда-то, а сейчас разберутся. Партия и правительство не допустят перегибов. Так, или примерно так, думал каждый из колонны, неспешно шагающих в полную неизвестность.

— Что это за люди? — недовольно проворчал военный из управления лагерей. — Неужели нельзя было помыться? Довели себя до ужасающего состояния. Естественно, от них необходимо избавляться. Такие не должны проживать в крупных городах. Своим видом они позорят молодую Советскую республику! Посмотрите, на кого только похожи!

— А-а, бросьте, Егор Палыч! — Взмахнул рукой, шедший рядом с ним пожилой человек в сияющей новенькой форме. — Этап никого не красит. В вагонах скученность, отсутствие воды, инфекция. Наше дело — немедленно отправить этих людей в спецпоселения. Для этого выделены средства, обеспечено вещевое довольствие. Несмотря на трудную ситуацию в республике, на этих людей партия и правительство выделили хлеб и питание. Мы заботимся о них. Посмотрим, как они позаботятся о нас, Егор Палыч!

Его собеседник от изумления оступился, затем, выправив шаг, долго смеялся. Наконец пришёл в себя, отдышался от смеха и сказал, отчеканивая каждое слово:

— Вы, Александр Николаевич, как старый большевик, никак не отступитесь от романтических идеалов. А пора бы уже, пора задуматься о настоящем. Вот оно, настоящее, идёт рядом, невымытое, вонючее, исхудавшее. А почему эти люди исхудали? Да они торговали нашим хлебом, меняя его на спирт, водку, самогон! При отправке составы снабдили хлебом. Эти люди не построят нам светлое будущее. Они настоящие враги нам, нашим детям, нашей власти!

— Всё так, Егор Палыч, но вы ещё молодой человек и не знаете жизни, у вас всё вприглядку, а я по этапу совсем, как эти люди, отшагал немеряно вёрст по российским трактам. Я верю в этих людей! И вы должны верить!

Они рассердились друг на друга и дальше шли молча, злясь и — мысленно, не вслух — выговаривая один другому разные колкие слова. У одного из собеседников возобладало благо-разумие. Александр Николаевич, старший по возрасту, но не по званию, заговорил первым.

— В любом случае, Егор Палыч, наша задача заключается в том, чтобы мы быстрее разгрузили составы. Люди измучены, физически истощены. Необходимо как можно скорее отправить их в спецпосёлки. И мы это сделаем, не так ли, милейший?

Егора Павловича передёрнуло. Его злили разные словечки вроде «милейший», «позаботимся» и другие. Егор Павлович два года обучался на курсах красных командиров и не любил высокопарные речи.

— Александр Николаевич, а мы чем занимаемся? Как вы думаете? — крикнул Егор Павлович и почти побежал вперёд, догоняя колонну. Александр Николаевич криво усмехнулся ему вслед. Нутро старого каторжанина исподволь чувствовало

опасность, а из Егора Павловича просто хлестала волна ненависти.

— Ничего-ничего, — проворчал Александр Николаевич, замедляя шаг, — я тоже умею шашкой махать. Да уж получше, чем ты, молокосос!

Колонна быстро уходила за поворот. Вдалеке темнела Томская пересыльная комендатура. От неё исходил сумрак, словно внутри затаилась преисподняя.

Глава вторая

Колонну привели в пересыльную комендатуру. В Томской тюрьме условия были получше, но там не хватало мест для заключённых, поэтому для переселенцев на скорую руку построили спецкомендатуру. Здесь переселенцев сортировали, составляли списки и отправляли, куда считали нужным. Кого в тюрьму, кого в спецпоселения. Люди жались друг к другу, как овцы в стаде, переглядывались, надеясь, что их привели в тёплое обустроенное место. Недавно построенная комендатура поражала взгляд размерами и пространством. Доставленную колонну оставили у ворот, подыскивая свободное помещение. Сразу возникла давка. Люди стремились за ворота, словно внутри их ожидала другая, лучшая жизнь. Хаос и неразбериха, царившие в комендатуре, выплёскивались наружу, накрывая собой колонну несчастных.

До сознания людей медленно доходила мысль, что в этом сарае они никому не нужны. Здесь нет никакого дела до них. Никто ни с кем разбираться не станет. Тем временем крики и ругань за воротами становились всё громче. Люди зароптали.

— Что ж это?! Опять незнамо, куда привели! Да как же это? Помыться бы, попить, поесть чего-нибудь!

Егор Павлович с пистолетом в руке, красный, возбуждённый, то появлялся, то исчезал внутри ограждения. Вдоль колонны прибавилось оцепление. Стволы тускло отсвечивали в темноте, пугая людей неожиданной смертью. Охранники махали прикладами, сбивая людей в кучу. Людской ропот прекратился. Наконец ворота распахнулись. Колонна, подгоняемая конвоем, медленно перетекла внутрь и побрела к складам. Там, в огромном амбаре, им было приготовлено временное пристанище. В центре стояли четыре параша, несколько ведёр с водой, в углу были свалены мешки с хлебом. Ни матрацев, ни соломы не было. Земляной пол источал влагу, кое-где блестели лужицы воды. Стены сырые, с каплями сырости.

— А где сухой паёк? — крикнул Егор Павлович, поигрывая вальтером. Пистолет был под стать обмундированию — такой же новенький, блестящий, как новогодняя игрушка.

— Везут уже! — откликнулся кто-то невидимый. — Телеграмма поздно пришла.

— А-а, — безучастно ответил Егор Павлович и выскочил из амбара. Люди притянули за собой непристойный запах общего горя, окутавший плотной завесой неказистые складские помещения. Их наспех построили в начале весны для хозяйственных нужд комендатуры. Здесь хранили дрова, оборудование, инвентарь и вещёвку, а сейчас в щелястом сарае должны были осесть люди. И никто не знал, сколько они будут находиться в этом помещении.

Массовое сознание медленно работает, но включается мгновенно, когда чувствует, что его опять обманули. Люди не

просто роптали; они стали бросаться на стены, и сбитый на скорую руку склад угрожающе затрещал. В другом конце посыпались доски. Вооружённый конвой, стоявший в центре склада, вскинулся и наугад уложил сразу пять человек. Потянуло гарью. Послышался глухой стук. Застреленные рухнули, как тяжёлые мешки. Остальные мигом затихли и принялись устраиваться, где кто сможет.

* * *

В девять утра Горбунов уже был в управлении. Постовой на входе угрюмо кивнул, видимо, узнал. В милиции отменили выходные в связи с облавами, поэтому Григорий Алексеевич не удивился, увидев вчерашнего знакомого. Пройдя по коридору, Горбунов свернул в приёмную Петрова, но в ней никого не было. Письменный стол, за которым обычно сидели секретарь и помощник начальника управления, и, по всем канцелярским законам, заваленный бумажными кипами, в данную минуту поражал девственной пустотой. Горбунов постучался в дверь начальника управления.

— Войдите! — гулким эхом разнеслось в приёмной. Григорий Алексеевич недоумённо прислушался. Петров громко кашлял, но разговаривал тихо. На громкий разговор у него не было сил. Кто там у него?

— Рад приветствовать!

За столом сидел тот самый Василий Пилипчук, молодой красавец с пышным чубом. Горбунов несколько раз видел его с Вороновым в агитационном кабинете.

— А-а, Григорий Алексеевич, рад видеть! Приветствую, — сказал Пилипчук и слегка привстал, затем шумно плюхнулся в начальственное кресло.

— А где Глеб Иваныч? — спросил Горбунов, озираясь по сторонам.

В кабинете произошли явные перемены. Появились новые лампы, тяжёлые плюшевые шторы на окнах исчезли, вместо них висели тонкие бежевые маркизы. В течение ночи всё изменилось. Интерьер кабинета перестал угрожать посетителю, но на стене по-прежнему висел портрет с угрюмым взглядом.

— Ушёл наш друг и товарищ Глеб Иваныч Петров, — с лёгкой визглинкой в голосе сказал Пилипчук, — умер он. Скончался. Ночью. Последняя стадия туберкулёза.

— Как же так? Он же мне повестку дал, — Горбунов протянул листок Пилипчуку.

— Так это ко мне, вам Глеб Иваныч не нужен. Он теперь никому не нужен, — нехорошо засмеялся Пилипчук. — Сидайте, рассказывайте!

— Жена у меня пропала, вам же говорил Михаил Григорьевич, товарищ Пилипчук! Но вы проигнорировали его слова. Вот, я сам пришёл за помощью, — Горбунов подавил горестный вздох.

— Говорил, ох, много чего говорил товарищ Воронов, я всё слышал, и на ус намотал. Ищем, товарищ командир секции! Ищем вашу жену-красавицу! Найдём. Как найдём, сразу вам и возвернём. А щас мне некогда. Похороны, торжественная часть, сами понимаете, вы человек военный!

— Товарищ Пилипчук, если вы мне не поможете, я обращусь к товарищу Сталину! Я хочу, чтобы вы разрешили мне изучить списки задержанных на облавах. Мне кажется, что моя жена попала в категорию беспаспортных деклассированных элементов.

— Э-э, чего захотели, Григорий Алексеевич! Какие списки? Мы списков не составляем. Видим, что человек не советский, и забираем. Потом в вагон — и на выселки. А зачем нам списки? Только запутаемся.

— Что вы хотите сказать, товарищ Пилипчук, что вы людей по головам считаете?

— Ну да, по головам, а что такого?

— И они нигде не учтены?

— Только в пересыльных комендатурах. Там их переписывают, чтобы разбросать по спецпоселениям. Тогда списки и составляют. А больше ни к чему они, только лишние хлопоты. Какая тут писанина, если людей требуют по плану? Сегодня тысячу, завтра две тысячи, откуда столько народу набрать?

Горбунов внимательно всматривался в ясное лицо Пилипчука. Нежно-розовые щёки, курносый нос, кудрявый чуб и две тонны самолюбования на одного человека. Если начать с Пилипчуком войну, то последняя надежда умрёт. А этого Горбунов никак не мог допустить. Надежда — единственное, что оставалось у него в жизни.

— Товарищ Пилипчук, я вынужден буду обратиться к высшему руководству по инстанции. Я должен найти Галину!

Василий задумчиво посмотрел на новые шторы. Он так долго ждал, когда предыдущий начальник освободит помещение, и перестановку задумал загодя, и шторами разжился, чтобы сразу перевесить. Не хотел Василий расставаться с обжитым помещением. Он хорошо помнил тот день, когда задержали Галину Горбунову. В светлом пальто, чистенькая, беленькая. Если Григорий Алексеевич дознается, что его жену задерживал лично Пилипчук, придётся готовиться к расстрелу. За такие дела никого не пощадят. Василий огляделся, взгляд

уцепился за нежную маркизу. Штора равномерно колыхалась от лёгкого сквозняка.

— Скорее всего, вашу жену отправили в Ачинскую пересыльную комендатуру. Я помню какую-то женщину, она ударилась головой, плохо разговаривала, мы подумали, что женщина лёгкого поведения. По описаниям подходит. В светлом пальто, с белокурыми волосами. Она?

— Может быть, — бледнея, проговорил Горбунов. Хоть какой-то след нашёлся, может, неправильный, но всё-таки, след. — Сколько всего пересыльных комендатур в стране?

Горбунов задал вопрос, но боялся услышать ответ. Сейчас Пилипчук скажет, что их двести, и что тогда? Тогда надежда окончательно умрёт. Горбунов вздрогнул.

— Шесть. Первые составы из Ленинграда пошли в Ачинскую и Томскую. В Ачинской комендатуре свою жену ищите! Туда пошёл первый состав с деклассированными. Там составляют списки спецпереселенцев. Ну, прощевайте, Григорий Алексеевич! Передайте Мише Воронову, что жду его вместе с хлопцами на облаву. Хорошие у вас бригадмилыцы!

Пилипчук был уверен, что направляя Горбунова по ложному следу, он полностью избавляет себя от дальнейших неприятностей. Пусть моряк съездит на край страны, там любая дурь быстро пройдёт, когда увидит, что такое пересыльная комендатура. Не то, что жену забудет, про себя не вспомнит.

Василий повернулся спиной, явив взору плешивый затылок. Пораженный резким переходом от чёрных кудрей к редкой плешке, Горбунов ахнул, но тихо, так, что Пилипчук ничего не заметил. Через полчаса Григорий Алексеевич уже был на Октябрьской железной дороге.

* * *

Кусок дерюги впитал в себя влагу на земляном полу. Галина потрогала: везде мокро, вода с руки стекает, придётся лечь в сырость. Роза вяло рухнула на подстилку и закатила глаза. Девочка была без сознания. Галина осмотрела помещение сарая, ища глазами Николая Петровича. Толпа укладывалась на пол, один Вяхирев безучастно стоял в углу. Ему не хватило места. Галина осторожно уложила Розу и пошла за инженером. Слабый человек, этот Николай Петрович. От всего сразу в отчаяние впадает. Да все люди слабые. Обессилели, оголодали, люди на людей не похожи. Галина почувствовала, как отнимаются ноги. «Это жизнь из меня выходит», — подумала она и потрясла руками, пытаясь очнуться.

Галина взяла Вяхирева за руку и привела к дерюжке. Если положить сверху пальто, будет не так сыро. Можно усесться втроём; пока кто-нибудь поспит, другие посидят. Без пальто стало холодно. Ночная прохлада студила живот и плечи. Галина уложила Розу, а себя обхватила руками, ей казалось, что так станет теплее. Вяхирев сидел прямо на полу. Ему не хватило места на подстилке.

— Николай Петрович, садитесь вот здесь, рядом, всё теплее будет, — уговаривала Галина, одновременно сердясь, что за человек этот Вяхирев. Почему с ним нужно нянчиться? Ведь он уже взрослый, солидный человек! В шляпе, в коверкотовом костюме, а ума, как у крестьянина из глухой деревни.

Николай Петрович отмахнулся от неё, как от зудевшего комара. Инженер погрузился в себя и не думал о настоящем, для него больше не было реальности, его больше не было в этом мире.

Огромное помещение склада не вместило колонну, людям пришлось тесниться и драться за место на полу. Все ложились рядом, подпирая друг друга, более сильные толкались, выбирая себе место для ночёвки поудобнее, если можно было назвать удобным влажный земляной пол. Несмотря на скученность, люди улеглись и угомонились, но вдруг что-то произошло. Сначала никто ничего не понял, а затем медленно, капля за каплей до сознания каждого стало доходить страшное. Случилось то, что давно должно было случиться.

В пересыльной спецкомендатуре началась эпидемия дизентерии. Кровавый понос гнал несчастных к парашам, их не хватало, заболевшие испражнялись прямо на людей. Кровавый понос забивался в ноздри, облеплял волосы тех, кто лежал на полу. Люди кричали, плакали, выли. На шум прибежали вихровцы, постреляли в потолок, поорали, и шум потихоньку стих. Вскоре пришёл нарядный военный с португеей. Зажав нос ослепительно-белым платком, он прошёл несколько шагов и остановился. В помещении стоял смрад. Люди корчились от колик, закатывали глаза, синели, некоторые умирали на глазах.

— Егор Палыч, у них дизентерия. Они напились сырой воды, — сказал подошедший лекпом, молодой парень с русым чубчиком.

— И без тебя вижу, — ощерился Егор Палыч. — Что надо делать?

— Лечить, — вскинул голову лекпом, стараясь не дышать зловонием, — лечить! Чего ещё тут делать?

— Некогда нам их лечить. Это пересылка, а не госпиталь. Всё залить карболкой! Где каптенармус?

— Тут я, товарищ начальник конвоя! — пропел сзади умильный голос. Вперёд вылез, стараясь не наступать на лежа-

щих людей, бравый каптенармус, румяный, с кавалерийскими усами.

— Ты, Хромов, сейчас же зальёшь всё помещение карболкой! Всё! И всех.

— Товарищ Чусов, нет карболки. Где ж я её возьму?

Егор Павлович выхватил вальтер и приставил к виску Хромова.

— Я тебе не товарищ Чусов, я тебе товарищ начальник конвоя! Понял?

— Слушаюсь, товарищ начальник конвоя! — пролепетал побледневший Хромов.

— Если мигом не достанешь карболку, я тебя пристрелю, как собаку, понял?

— Понял! Слушаюсь! Есть!

Чусов выскочил из складского помещения, задыхаясь и крутя головой. Воздуха не хватало. Ему казалось, что он полностью пропитался человеческими миазмами.

— А где ж я возьму карболку? — сказал Хромов, обращаясь к лекпому. Тот беспомощно развёл руками.

К утру склад напоминал химическую лабораторию. От него за версту несло карболкой. Каптенармус Хромов раздобыл средство в госпитале нового управления. Там всего было полно, и бинтов, и йоду, и карболкой хоть залейся. Хромов обменял карболку за спирт, припасённый заранее «на чёрный день». После заливки потрогал висок, нащупал пульсирующую жилку и долго наслаждался бойким биением. «Чёрный день» прошёл стороной. Каптенармус Хромов любил жизнь, а она любила его.

Глава третья

Томск начала тридцатых был наводнён военными, как перед войной. Вновь созданное управление лагерей непрерывно командировало начальствующий состав из Москвы, укрепляя местные кадры. Свежие силы вели себя бесцеремонно, постоянно упрекая местных в отсутствии организованности. Между командирами шла грызня, каждый хотел выслужиться за счёт другого. Из центра на север страны шли составы с десятками, сотнями тысяч «одиночек» и штрафников, так в документах называли беспаспортных граждан, высланных на окраину страны. Спецконтингент требовал ужесточённого контроля со стороны властей.

Иногда жертвы и палачи не отличались друг от друга ни внешне, ни внутренне. На их фоне командирская верхушка выглядела форсисто и вызывающе. Вновь прибывшие командированные из столицы нуждались в жилье и материальном обеспечении. Хозяйственные службы работали на износ, они одевали, кормили, распределяли пайки и расселяли присланных военных в освободившиеся квартиры, которые шли на расхват. К тому времени в центре Томска были посажены, высланы, отправлены по этапу и выселены все неблагонадёжные. После них осталось вполне благоустроенное жильё. В домах и квартирах ещё оставались следы бывших хозяев, но новые квартиранты не замечали этого. Они сами каждый день кого-то высылали, выселяли, отправляли на спецпоселения, грузили на баржи, осматривали тюрьмы, лагеря и спецкомендатуры, часто расстреливая на местах непокорных. Служба была беспокойной, нервной и утомительной, требующей хорошего отдыха после многочасового служения родине.

Егор Павлович Чусов долго подбирал жильё, пока не остановился на просторной, вместительной квартире, хозяева которой сбежали за границу. Егора Павловича согревала мысль, что в этих уютных обжитых комнатах никого не убили, не ограбили, и никто не успел здесь насвинячить. Между отъездом хозяев и вселением семейства Чусовых прошло немного времени. В конце концов, люди с чистой совестью из собственного дома не сбегают. Здесь можно было спокойно жить и отдыхать. Чистая квартира, безгрешная. Первым делом Егор Павлович вызвал из Москвы жену с ребёнком, второй уже был на подходе. Чусов не стал нанимать домработницу. Чужие люди в доме всегда к неприятностям. Выход нашёлся. Среди младшего помоста Чусов подобрал послушного и расторопного паренька, сбежавшего из деревни в город в поисках лучшей жизни. Фрол Панин крестьянской сметкой понял, что помогать по хозяйству прямому начальству гораздо выгоднее, чем охранять колонны спецпереселенцев. Так и жили: Егор Павлович, его беременная жена, трёхлетняя дочка и Фрол Панин, коренной уроженец Сибири. Чусову нравилось, что Панин из местных, с ним легче будет приспосабливаться к здешним порядкам. Фрол всё подскажет, всё найдёт, подыщет. Иметь такого денщика удобно и ненакладно.

Гостей в дом приглашали редко, только в случае служебной необходимости. Все друзья Чусовых остались в Москве, в Томске знакомыми пока не обзавелись. Изредка заходил местный товарищ Александр Николаевич Рагузин, но не по дружбе, а по служебным делам. Беспокойный он, этот старый каторжник, придёт, всё выпытает, потом в воспоминания ударится. Егор Павлович молча терпел присутствие нудного гостя, а когда тот собирался уходить, то не удерживал. Когда приходил Алек-

сандр Николаевич, Панин прятался в комнатах. Егор Павлович побаивался огласки по службе, мало ли что, вдруг Рагузину не понравится, что вместо домработницы хозяйством у Чусова занимается младший помсостава.

На столе уютно пыхтел самовар, с верхом загруженный красными углями, стояли пузатые чашки с цветастыми блюдечками, по краям лежали накрахмаленные салфетки.

— Хорошо у тебя, Егор Палыч! Уютно. Только тихо как-то, — скупое похвалил Рагузин, поглядывая в полуоткрытую дверь. Оттуда не доносилось ни звука. В комнатах мёртвая тишина. А ведь у Чусова ребёнок малый, трёхлетка, девочка.

— Дочка спит, и жена прилегла, устаёт очень, она на сносях, — медленно подбирая слова, ответил Егор Павлович.

— Вот я и говорю, везёт тебе, Чусов! Жена молодая, детки малые, квартиру вон какую отхватил от государства, — не унился Рагузин.

— Государство ценит меня за службу, — слегка покраснел Чусов. — В Москве предложили возглавить отдел в новом управлении, я согласился. А теперь назначили начальником конвойной службы. В помощь местным кадрам. В управлении меня ценят.

— А ведь должны были меня назначить, — вздохнул Рагузин, — но тут ты объявился. Тебя и назначили. Что ж, теперь мы должны в одной связке служить. Как ниточка с иголочкой. Куда ты, туда и я. Споры, рассуждения, дискуссии — это всё не для нас. Мы на службе у товарища Сталина! И этим всё сказано.

— Разве я спорю с вами? Нет, не спорю, — угрюмо процедил Егор Павлович, мысленно проклиная Рагузина. Старый холостяк, больной, кашляет, живёт в пристройке старого дома, впрочем, выглядит аккуратно, но вечно голодный. Его никуда

не зовут, а он заявится без приглашения и молча смотрит на стол, мол, угоститься бы чем-нибудь. Утомительный старик, опасный. Хотя он не совсем старик. Ему ещё и пятидесяти нет.

— Выпить хотите, Александр Николаевич? У меня спирт есть. Фрол принёс.

— А-а, это младший помсостава? Бойкий такой паренёк? Я знаю его, знаю, очень смышлёный боец. Далеко пойдёт!

Чусов передёрнулся. Уже про всё узнал, про всё пронюхал, старый пень.

— Да, хороший боец, справный! — с готовностью подтвердил Егор Павлович. — Так будете спирт?

— Хорошее дело, — кивнул Рагузин, — можно и выпить.

Зажурчала вода, разбавляя прозрачный спирт. Рагузин сделал предостерегающий жест, мол, не надо разбавлять, но не успел, Чусов уже долил воды из графина.

— Кто ж спирт разбавляет, чудило ты этакое?

Чусова снова передёрнуло. Рагузин его помощник, а обращается с ним, как командир. Надо поставить подчинённого на место. Эх, ткнуть бы его мордой в грязь, откуда он так и не вылез. Ему даже каторга не помогла.

— Пейте, Александр Николаевич, кто ж сейчас чистый спирт пьёт? Только деклассированные да уголовники, — делано засмеялся Егор Палыч.

— А я и есть уголовник, самый настоящий, — поддержал веселье Рагузин, — при царском режиме кто я был? Каторжник, уголовник, преступник! А сейчас красный командир, вон какие у меня петлицы!

— Помощник красного командира, Александр Николаевич, помощник, — мягко поправил Егор Павлович, наливаясь яростью от раздражения и выпитого спирта.

— А хоть и помощник, Егор Палыч, петлиц-то у меня вон сколько!

Рагузин засмеялся каркающим хриплым смехом. Чусов побледнел. Уютная гостиная наполнилась неприятными звуками. Тут же в спальне жалобно заплакала девочка. Кто-то завозился в глубине квартиры, послышались шаги, приглушённый шёпот, зажурчала вода, и снова всё стихло.

— Петлицы сегодня не главное, — недовольно пробурчал Чусов, — сегодня главное — партийная совесть!

— А-а, не скажи, Егор Палыч, — развязно ошерился Рагузин, — мы, старые большевики, друг друга всегда вытащим. Вон товарищ Долгих отправил телеграмму в центр напрямик Берману, мол, Сибирский край не может принять миллион деклассированных элементов. С другим бы за такое, знаешь, что сделали? Ты не знаешь ещё, зелёный! А товарищ Долгих жив-здоров! Ему из центра сам Берман ответил. Так и написал, мол, не можете принять миллион, значит, примите полмиллиона. А нам и эти полмиллиона девать некуда, но ведь полезное дело затеял товарищ Долгих! И целым остался. Товарищ Эйхе распорядился распределить спецконтингент по поселениям вдоль Оби.

— Где же нам взять столько сопровождающих? — заволновался Чусов, поглядывая в сторону спальни. Оттуда уже несколько раз выглядывала виноватая физиономия Фрола.

— Как это где взять? Из центра командированных прислали без счёта. ГУЛАГ заботится о нас. Тебя-то зачем откомандировали? Для усиления охраны. Вот и поезжай! Ты молодой, здоровый, а я в Томске останусь.

Чусов медленно и тяжело поднялся из-за стола. Наконец до него дошло, почему зачастил к нему Рагузин. Старый хи-

троплёт ловко придумал, как избавиться от молодого командира. Сам, прикрываясь старыми ранами, останется в городе, а с караваном отправят Чусова. Всю эту операцию Александр Николаевич проделал, используя надёжные партийные связи. Чусову стало понятно, на что намекал старый большевик. Партийная выручка превыше всего. После революции Рагузин и товарищ Долгих вместе на Алтае воевали, даже в плену у белых побывали, но потом отбились. Поговаривают, что товарищ Долгих лично отрубил голову белогвардейцу. О дружбе Рагузина и товарища Долгих многие в крае наслышаны.

— А вы меня не страшайте, товарищ Рагузин, я уже пуганный! Я тоже за советскую власть кровь проливал. С караваном вниз по реке пойдёте вы, товарищ Рагузин! Мои приказы не обсуждаются.

Чусов, сжимая кулаки, отошёл к окну. Егор Павлович пытался овладеть собой, но его трясло от гнева.

— Хочешь отсидеться в барской квартире? Пелёнками прикрываешься? — по-гадючьи прошипел Рагузин, хлопнув полкружки неразбавленного спирта, затем резко отодвинул кружку и закурил. Гостиная наполнилась клубами вонючего дыма.

— Не вашего ума дело! Эту барскую квартиру мне выделил жилкоммунхоз управления по указанию товарища Эйхе! И не вам обсуждать решения товарища начальника края, Александр Николаевич, — последние слова Чусов произнёс гораздо спокойнее. Его уже не трясло. Он уселся в кресло и возвёл глаза к потолку. Надо успокоиться и переждать. Сильный всегда перемолчит слабого. Этот страшный и назойливый человек когда-нибудь уйдёт, но, кажется, он уже в стельку пьян.

— Егор Палыч, не сердчай на старого каторжника, — подмигнул набрякшим веком Рагузин, — вы, молодёжь, должны учиться у нас, перенимать опыт. Я ведь тебе не помощник. Я тебе наставник!

— Да, я согласен с вами, товарищ Рагузин, — как можно мягче поддакнул Егор Павлович, слегка оттаивая.

В конце концов, старика Рагузина можно понять. Кому же добровольно захочется спуститься вниз по Оби на баржах? Там грязь, толкотня, холод и нервы. Со спецконтингентом не повезло. Это не уголовники, не каторжники, привычные к трудностям этапирования. Это даже не раскулаченные: те-то умеют жить и работать, они выносливые. А деклассированные элементы, как дети малые, постоянно болеют, поносят, кашляют. Намучаешься с ними, пока до спецпоселений доберёшься. О том, что старшим конвоя на баржи назначен Александр Николаевич, довёл до сведения оперсостава сам товарищ Долгих, а приказы руководства не принято обсуждать за вечерним чаем.

Чусов порадовался, что останется с семьёй в Томске, но Рагузин тайком всё переиначил. Он уже с кем-то договорился, кому протелефонировал, в результате приказ товарища Долгих будет отменён. В запасе есть один день, точнее, сутки. Целых двадцать четыре часа. Приказ есть приказ. Его не отменили. Пока не отменили. Рагузину устно пообещали всё устроить. Товарищ Долгих должен понимать серьёзность обстановки. С другой стороны, Александр Николаевич стар, но хитёр. Он делает вид, что напился, а сам проигрывает все ходы. Чусов медленно взвешивал ситуацию. Можно пожаловаться на Рагузина, но это значит самому себе подписать смертный приговор. Придётся действовать по-другому, без хитростей. Егор

Павлович подумал, как бы ни решили наверху, он вынужден будет подчиниться приказу. Если приказ товарища Долгих отменят и руководство отправит его в сопровождение, он пойдёт с баржами по Оби. Служба есть служба.

— Хорошая у тебя квартира, Чусов, хорошая, — мечтательно протянул Рагузин, — отсюда никуда выезжать не хочется. Ни за границу, ни вниз по реке. Сидел бы и сидел вот так, за кружкой спирта с самокруткой.

— Да, я и сам не понимаю, почему хозяева сбежали, — вырвалось у Чусова, но тут же прикусил язык. Слово вылетело случайно. Теперь не поймает. Хоть три капкана ставь.

— А за лучшей жизнью поехали, им здесь не понравилось, Егор Палыч, — хохотнул Рагузин, — таким, как они везде хорошо. Здесь раньше богатые евреи жили. Коммерсанты в трёх поколениях. Я знавал одного из них. Его в ГПУ допрашивали. После того допроса всей семьёй усвистали за границу.

— Как же их выпустили?

Егору Павловичу не понравилась двойственная характеристика бывших хозяев, словно Александр Николаевич на что-то намекал. Хитрый этот Рагузин, очень хитрый. Всё у него запутано, сложно, неясно, речь обрывистая, иносказательная. Слушаешь, слушаешь его, но не понимаешь, о чём говорит. Скажет слово, и только через неделю станет понятно, о чём хотел сказать.

— Евреи — народ смышлённый. Где жареным запахло, мигом с места снимаются — и только пятки засверкали, — закатился смехом Рагузин, — а ты что, жалеешь их, что ли? Этому еврею на допросе все зубы выбили, он сразу в штаны и наложил. Пу-гливый, хрен. Ну и ещё обиделись. Они церковь построили — евреи эти крещёные были — а наша родная власть ту церковь

порушила и теперь на этом месте будет проспект Сталина! А им не понравилось. Теперь ты живёшь в хорошей квартире!

— Товарищ Рагузин, не будет в Томске проспекта Сталина, на месте разрушенной церкви построят стадион, — сказал Чусов, сжимая кулаки. Рагузин ведёт себя, словно он председатель горсовета, не меньше, а сам ничего собой не представляет. Обычный горький пьяница. Сидит, хлещет спирт кружками, не закусывая.

— Как это не будет проспекта Сталина? Ты говори, да не заговаривайся, товарищ красный командир! В Томске обязательно построят проспект имени товарища Сталина!

Егор Павлович обречённо посмотрел в окно. Хотел наладить отношения, а вместо этого пришлось выслушать разные грубости. Бесполезно всё это. Вчера на совещании сказали, что в городе необходимо строить стадион и что это важнее проспекта. Рагузин присутствовал на этом совещании, но он спал, видимо, не слышал. Александр Николаевич всегда спит на совещаниях. Отсыпается после пьянки. Не объяснять же ему очевидное? Александр Николаевич не прав, но что с него взять, если он выпил две литровых кружки спирта в один присест и два захода. Какой с него спрос? Рагузин тоже замолчал.

Спирт закончился. Пустая бутылка одиноко высилась среди нарядных чашек. Егор Павлович с тоской прислушивался к шагам в спальне. Жена не спит, волнуется. Коренная москвичка Зоя не побоялась поехать за мужем на север, но в Томске растерялась. Незнакомый город, кругом чужие люди, на улицах беспокойно. Зоина беременность проходила с осложнениями, врачи ничем не могли помочь бедной женщине. И в Москву уже не вернуться, там сейчас тоже не сладко, и здесь тоскливо.

Зоя решила остаться в Томске; уж лучше быть рядом с мужем на севере, чем рожать в одиночку в Москве. Как-нибудь всё устроится, тем и успокаивала себя.

— Ну, я пошёл до дому, товарищ Чусов! — торжественно объявил Александр Николаевич и долго пытался подняться со стула, но все попытки остались безуспешными, он всё осаживал назад, как спутанная лошадь, промахиваясь, путался, падал. Наконец Чусов не выдержал и подал ему руку, но тут же отдёргнул её. Липкая ладонь Рагузина неловко повисла на весу. Александр Николаевич грузно осел обратно.

— Сейчас я вам помогу, — пробормотал Егор Павлович и бережно приподнял опьяневшего сослуживца.

— Да, ладно тебе, я сам!

Александр Николаевич сердито оттолкнул Егора Павловича, резко встал и, не пошатнувшись, прямым и твёрдым шагом проследовал в просторную прихожую с напольным зеркалом. Увидев себя во весь рост, Рагузин отшатнулся, приняв собственное отражение за постороннего человека. Он стукнул кулаком по отражению, расхохотался и, накинув кожанку, вышел, с силой отдёргнув дверную защёлку. Опасный подчинённый не счёл нужным даже попрощаться.

Егор Павлович смотрел на дверь, пытаясь понять, что это было — опьянение или намеренное издевательство? Рагузин слыл старым алкоголиком, но он никогда не терял разума от выпитого. Чусов посмотрел в зеркало. Лицо медленно меняло краски: из розового превращалось в белое, из белого в фиолетовое. Глядя на разноцветное отражение, Чусов понял, что это было издевательство. Рагузин явно угрожал, и его уход был вызовом. Раньше так бросали перчатку, вызывая на дуэль. Странно, что он не разбил зеркало. Удар был сильный, а зер-

кало даже не треснуло. Хорошие мастера трудились на мебельной фабрике в прежние времена. Это зеркало переживёт не одно поколение хозяев. Сделано на века. Чусов нежно погладил зеркальную гладь, взгляделся в себя и поморщился. Ему почудился чужой человек там, в глубине амальгамы.

Егор Павлович махнул рукой и пошёл в гостиную. Зоя убирала со стола, Фрол звенел чашками в тазу. Мирная обстановка успокоила его. На миг ему показалось, что все они вместе с зеркалом переживут и Рагузина, и спецпереселенцев, и даже товарища Эйхе. Впереди грезилась долгая и счастливая жизнь. Егор Павлович улыбнулся и прижался головой к округлившемуся Зоиному животу. Там изо всех сил бился новый человек, рвущийся на волю, в эти смутные и страшные времена.

Глава четвертая

Знойный весенний день сменился резким похолоданием. Рагузин зябко поёжился. Спирт успел перегореть в желудке. Организм требовал свежей дозы. Александр Николаевич резвым шагом направился в сторону старинного дома. Там обычно останавливался товарищ Долгих, когда приезжал в Томск. Может, примет по старой дружбе? Давно ведь не виделись. Без помощи товарища Долгих с Чусовым не разобраться. Надо наказать выскочку. Дверной звонок утробно задрезжал, но к двери никто не подошёл. Александр Николаевич застыл в растерянности; уходить страшновато, мало ли кто видел, как он по лестнице поднимался, а звонить второй раз вдвойне страшней. Пальцы подёргивало от судорог.

— Вы чего припёрлись-то, на ночь глядя, Лександра Николаич? — В затылок упёрлось что-то металлическое, кажется, ствол. Все давит и давит, проклятый.

Рагузин приник лицом к двери, постоял, подумал, и, набравшись храбрости, ответил, рассчитывая на везение: «Мишка, ты? А я к товарищу Долгих пришёл. По-свойски. Мне с ним поговорить надо!».

— Какие ночью разговоры? Добрые люди по ночам спят, — недовольно пробурчал Мишка и, убрав ствол с затылка Рагузина, с силой отодвинул его от двери, впрочем, пистолет не спрятал, по-прежнему держа его в правой руке.

— А когда его ловить? Товарищ Долгих днём занят, ночью отдыхает. Ты, Мишка, пистолет-то спрячь. Мало ли что!

— Сам знаю, чо мне делать! — отрезал Мишка, точнее, Михаил Сергеевич Логунов, младший помсостава, бывший каптенармус, служивший теперь денщиком у товарища Долгих. Впрочем, денщиков отменили сразу после революции. В советское время новая Мишкина должность никак не называется. Официально Логунов числится по хозяйственной службе нового управления лагерей. Каким-то образом Мишка втёрся в доверие к товарищу Долгих, он ему вместо сестры, матери и жены. Большое имеет влияние. Важным человеком стал лопух Мишка. Может пропустить к товарищу Долгих, а может и дверь захлопнуть. Всё зависит от Мишкиного настроения.

— Мишка, да ты мне голову-то не дури! Сам знаешь, как мы с товарищем Долгих шашками махали и белых рубили. Пусти, а?

— Да проходи-проходи, — сменил тон бывший каптенармус.

Михаил Сергеевич живо смекнул, что у бывшего каторжника есть доверительный разговор к высокому начальству. Если дело важное, то его по-всякому можно развернуть.

Мужчины долго путались в дверях, одному мешали пистолет и баул, второму выпитое накануне. Рагузин только сейчас почувствовал, как он пьян, но Логунов сделал вид, что не замечает странностей в поведении пришедшего.

В кухне было светло и чисто. Опрятная плита, горшки и кастрюли на полках, все до блеска вычищены, сияют, как зеркала.

— Тебе бы, Мишка, бабой родиться! — глубокомысленно изрёк Рагузин и осёкся. На него уставились два волчьих глаза, один жёлтый, весь в огне, второй карий, но с зеленцой. Глаза свирепо шурились, и из них змеилась лютая ненависть.

— Говори да не заговаривайся, пьянь каторжная!

Александр Николаевич опустил голову. С Мишкой Логуновым шутки плохи. Если возненавидит, то с корнем изведёт, и старые связи не помогут. К самому товарищу Долгих человек допущен, а это выше всякого звания.

— Да пошутил я, Миха, пошутил, — повинился Рагузин и уселся в неосвещённом углу, чтобы самому видеть все, а Логунову — только его ноги.

— За такие шутки вышка положена, — сердито пропыхтел Логунов и разложил поклажу по шкафам и полкам. Рагузин понял, что это спецпайки. Чего там только не насовано: и колбаса, и балыки, и всякая всячина, икра, грудинка, копчения. В голодные времена никто о таком и не мечтает. Александр Николаевич сглотнул слюну. Попросишь — не даст; Логунов жадный, не любит делиться.

— На, ешь, Лександра Николаич!

Прижимистый Логунов неожиданно расщедрился, выложив на тарелку ломоть пшеничного хлеба, сверху метнул кусок аппетитного балыка.

— А запить-то чем? — воскликнул Александр Николаевич, подсказывая к столу. — Балычок он, солёненький, жидкости просит. Горло бы смочить чем-нибудь.

— На вот, пей!

Михаил налил коньяк в алюминиевую кружку. Рагузин хотел возмутиться, мол, не уважаешь старую гвардию, мог бы и рюмки достать, вон их сколько, но промолчал, побоявшись, что Логунов передумает и отберёт коньяк.

— С бо..., ох, что-то поперхнулся я, — с трудом проговорил побледневший Рагузин, забыв, что божиться больше нельзя: мигом в ГПУ донесут, бога-то отменили, — Миша, спасибо тебе за доброту. Спасибо, что не пожалел казённого добра старому каторжанину.

— Да ладно уж, пей, не долдонь! — отмахнулся Логунов. Михаил деловито рассовывал продукты, засыпал крупы в банки, помыл фрукты и зелень.

— Не проснётся сам-то? — спросил Рагузин, набитым ртом, жадно жуя копчёный балык, хлеб остался на тарелке. Александр Николаевич не любил смешивать удовольствия. Балык так балык, спирт так спирт, коньяк так коньяк, нечего портить хороший продукт. Если смешаешь с чем-нибудь, вкуса не почувешь.

— Нет его! На совещании.

По сердитому выражению Мишкиного лица Рагузин понял, что большего не добьётся. Хоть пытай его, хоть иголки под ногти засовывай, Мишка ничего не скажет.

— Ох, вкуснотища! Балычок-то тает во рту, — причмокнул Александр Николаевич. У него мелькнула мысль, а что если попользоваться каптенармусом? Вот взять и попользоваться, как чайником. Не убудет Мишки-то, вон какая у него сытая

морда, купеческая, шире ворот управления будет. Наел на казённых харчах, рожа бесовская!

— Ешь, давай, — беззлобно буркнул Логунов, соображая, с какой стати так поздно припёрся вечно пьяный Рагузин. Что-то есть у него в загашнике, что-то такое, что спасёт Михаила Сергеевича Логунова от конвойной службы. Товарищ Долгих вчера грозился упечь всех томских каптенармусов и хозяйственников в речной конвой на баржи. Мишка категорически не хотел плыть по реке с деклассированными элементами. Там, говорят, тиф гуляет, дизентерия и туберкулёз. Логунов брезгливо передёрнулся. Даст бог, пронесёт грозовую тучу, и товарищ Долгих передумает. Куда же им без хозслужбы, пропадут же, сами ведь пропадут. Товарищ Долгих сам и чаю не вскипятит, и каши себе не сварит.

Без хозяйственников никуда: и сами запутаются, и людей запутают, и дизентерией заболеют. Кругом грязь и инфекция. От этой мысли Логунов сильно вспотел. Он до смерти боялся дизентерии. Однажды ему довелось увидеть, как умирают люди от этой страшной болезни. В пересыльной комендатуре двое умерло на его глазах. Привезли их с вокзала, бросили у ворот, они кровью изошли. Из носа кровавые струйки текли, а из заднего места фонтаном хлестало. Столько крови Логунов никогда не видел. Как она в человеке умещается? С той минуты Мишка решил для себя, что будет делать всё, что угодно, что прикажут, хоть пол станет мыть и бельё стирать, но в конвойную службу ни ногой. Там страшно и грязно.

— Я тут чо пришёл-то, Миха, — издалека начал Рагузин, ковыряя спичкой в зубах.

— Выпить зашёл, чо ли?

Александр Николаевич скорбно улыбнулся. Глупые люди думают, что он запойный, а он себе на уме. Сейчас этот «запойный» такое сотворит, что даже через сто лет правду не отыщут, потому что следов не останется. Нельзя оставлять следы от жизни. Это опасно. Сразу загонят в угол, если случайно наследил.

Рагузин отшвырнул спичку и приступил к делу.

— Не-а! Миха, у меня важное дело к товарищу Долгих, хотел ему наедине рассказать, но тебе тоже можно довериться. Ты ведь самый близкий ему человек, Михаил Сергеевич, с тебя у него день начинается. Ты его всяким видишь!

— Всяким, всяким вижу, — уныло подтвердил Логунов, покачивая ногой.

Михаил Сергеевич понимал, что его держат за дурака, но поделаться ничего не мог. «Пусть держат, — подумал он, — не смылюсь. Зато узнаю, за каким чёртом этот пьяница пришёл». Хоть и не нравилась ему присказка, но Мишка состроил умильные глаза и подпёр щёки руками; мол, весь внимание.

— Понимаешь, мне тут командира прислали из центра, — сказал Рагузин и замолчал, коротко сглотнув, будто бы пауза не запланированная, а так, случайно вышла.

— Знаю-знаю, Чусов Егор Палыч, красавец и форсун. Товарищ Долгих его хвалит, мол, всё у него поладится.

Мишка покосился на Рагузина. Так и есть, с подлым делом пришёл старый каторжник. На каждом слове всё ниже пригибается к полу, жевать перестал и дыхание затаил. Вместо балыка человека схарчить хочет. Глаза горят, уши торчком. Изготовился, будто напасть собирается.

— Тут повысили его, да заслуженно повысили, с порученным делом товарищ Чусов хорошо справляется, — добавил

Логунов и приготовился слушать. Сейчас Рагузин должен высказать всё, что он думает по поводу товарища Чусова. Всегда приятно слушать лестные характеристики сослуживцев. Вместе ведь строим ходят. Из одного котелка хлебают. Ложку друг другу передают. Значит, должны поддерживать один другого.

— Понимаешь, Миха, — выдохнул Александр Николаевич, — мне тоже нравится товарищ Чусов. Я полностью согласен с товарищем Долгих, что Егор Палыч преданный партии и правительству коммунист и с порученным ему делом отлично справляется. Чусов ответственный и совестливый работник. Ему можно доверить самый сложный участок на пересылке.

— Ему и так доверили самый сложный, куда уж сложнее, — ухмыльнулся Логунов, — ты-то чего так стараешься? Прямо из кожи вон лезешь...

— Понимаешь, Миха, всё бы ничего, но товарищ Чусов загордился малость, разговоры ведёт неправильные, про бывших господ в положительном тоне отзывается. А это уж последнее дело!

Логунов сердито замотал головой. Он был уверен, что Рагузин постарается свалить на молодого Чусова две баржи, чтобы тот отправился с конвоем вниз по Оби в спецпоселения, а оно вон что оказалось, Александр Николаевич хочет пригвоздить своего начальника. Да так, чтобы навечно, навсегда, чтобы втоптать его в мусор, в грязь, смешать с пылью. Чем же так насолил красавец Чусов старому каторжнику?

— Вряд ли, — пробормотал Логунов, и, рассеянно ухватившись за кипящий чайник, обжёгся. Схватив себя за ухо, он выматерился, одновременно соображая, как лучше поступить с неожиданным гостем.

— У него жена беременная, ребёнок, родители в Москве, с чего ему неправильные разговоры вести? Не до того ему.

Логунов понял, что Рагузин хочет известить Чусова, да не просто известить, а чтоб под корень, и теперь соображал, как половчее подобраться к этому делу как можно ближе, будто бы оно от него исходит. И это не Рагузин выявил врага партии и правительства, а он, Мишка Логунов, — верный подчинённый товарища Долгих. В этом случае и доверия от начальства больше будет, и премию дадут. Скоро майские, а на майские праздники всегда большие премии выписывают.

— О чём и речь. Ему о семье думать надо, а он вон чо удумал! — горячо поддержал Рагузин, протягивая пустую кружку. — Плесни-ка, Миха, будь братом!

— Так какие речи вёл товарищ Чусов? — Из бутылки полилась жгучая коньячная струя, как огнём полыхнула. По кухне разнёсся терпкий запах.

— А сказал мне в доверительной беседе, что не будет в Томске проспекта имени товарища Сталина! Вот так и сказал, мол, не быть в городе такому проспекту.

Рагузин залпом выпил коньяк и стукнул кулаком по столу. Пустая кружка подпрыгнула и завалилась набок.

— А чему быть в таком случае? — В глазах Логунова загорелся хищный огонёк.

— Стадиону быть! Вот так и сказал, мол, вместо проспекта имени товарища Сталина построим стадион. Для него стадион важнее, чем сам товарищ Сталин! Наберут в органы шалупонь разную, вот они и дуркуют. Абы что несут, что на языках повисло.

Оба помолчали, обдумывая последующие действия. Логунов продумывал хитроумный план, как довести до сведения товарища Долгих важную информацию, чтобы комар носу не

подточил, а Рагузин заметно скис, понимая, что прогадал, не нужно было доверяться Мишке. Поспешешь — людей насмешишь. Теперь Логунов сам попользуется важными сведениями, полученными от Александра Николаевича. Да, в таком деле всегда побеждает тот, кто первым пролезет в норку. Второму уже ничего не отломится. Александр Николаевич пьяно завозился, намекая, что не грех бы принять на грудь ещё полкружечки коньяка, но Мишка, заметив жадный взгляд Рагузина, спрятал бутылку в шкаф.

— Ты иди, Александра Николаич, иди, поспи малость! Тебе полезно поспать маненько.

В тоне Логунова было что-то такое, что объяснить невозможно, но ясно чувствовалась твёрдость и сталь. Рагузин нехотя поднялся. И хотя ему трудно было не то, что стоять, а даже сидеть, горячая внутренняя сила заставляла Александра Николаевича сжимать и разжимать пружину воли. Он мог рухнуть на пол в пьяном беспамьятстве, но мог и сидеть, идти или разговаривать, как вполне трезвый и нормальный человек. Алкоголь давно не пьянил Рагузина, его мозг постоянно оставался в лихорадочно-возбуждённом состоянии.

И хотя весь личный состав целиком и полностью жил этим двойственным состоянием, смешанным из страха и пьяного возбуждения, Александр Николаевич считал, что именно он один из всех умеет управлять собственным мозгом при любом раскладе и делает это лучше других. Уверенность в своих силах придавала ему осанку и высокомерный взгляд, которые он не хотел терять ни при каких обстоятельствах.

Логунов лихорадочно соображал, что бы такое сказать Рагузину на прощание, чтобы остаться с ним в добрых отношениях, но понял, что любые слова будут лишними. Мишка

вскочил, быстренько схватил котомку, бросил туда хлеб, бутылку с остатками коньяка, балык и две рыбины.

— Держи, Александра Николаич, пригодится! Ночью покушаете.

Рагузин тупо посмотрел на мешок с едой, потыкал рукой, понял, что там бутылка, и ослабился, мол, продешевил я, но вслух ничего не сказал. Взяв котомку и открыв дверь, он, твёрдой походкой спустившись по лестнице, вышел на улицу. Рагузин что-то бормотал, покачивая головой. Он понимал, что сильно продешевил. Комбинация не удалась. Свежий ветер немного остудил воспалённое лицо товарища Рагузина. Раздражение прошло. Александр Николаевич знал, что делал. Пережитые годы каторги сделали из него каменного человека. Он научился относиться к жизни свысока. Не особо-то ценил её, но и постоять за себя мог. Любого, кто покусится на его место, живым закопает. Чусов его бесил. Выскочка, из московских, из ранних, уверен, что способен переплюнуть старого каторжника. Нетушки, красный командир Чусов! Нет для тебя места на земле рядом со старым большевиком Рагузиным. Александр Николаевич сердито выдохнул перегоревший воздух. Резко запахло спиртным. Пора на боковую.

В центре Томска недавно снесли церковь. Разрушенное здание торчало кривыми обгоревшими обломками. Над пожарищем свирепо завывал студёный северный ветер. В этих краях по вёснам бывают сильные заморозки.

Глава пятая

Егора Павловича взяли на рассвете. Ещё было темно. В дверь позвонили, дребезжащий звонок быстро сгорел от напряжения. Сразу стало тревожно на душе. Чусов поднялся и, натянув

гимнастёрку, открыл дверь. Увидев, кто за дверью, понял, что пришли за ним. А от кого пришли — уже давно знал. В квартиру вошли два оперуполномоченных ГПУ и два охранника. Всего четверо. Александр Николаевич опередил. Первым успел написать донос. Чусов стал молча собираться. У дверного косяка застыла Зоя, обхватив живот руками, молча наблюдала за сборами.

— Вы, мадама, отойдите от двери!

Зою резко оттолкнули, она ойкнула и тихо заплакала. Чусов рванулся к ней, но его нагнули и вывели, полуодетого, без сапог.

— Сапоги, сапоги ему дайте, — простонала Зоя, сползая по стене.

Хмурый, не выспавшийся охранник нашёл сапоги Чусова и бросил за дверь. Сапоги скатились по лестничному маршу, кто-то их подхватил, передал Егору Павловичу. Тот взял их подмышку: на ходу не надеть, портянки и носки дома остались. Босого, в гимнастёрке, вывели во двор. «Сейчас пристрелят», — подумал Чусов, но его затолкали в деревянный фургон. Там уже сидели какие-то люди, многие босые, без пальто и шинелей. Судя по выправке, по запаху одеколona, все были военными из разных ведомств. «Лишь бы Зою не тронули, — тоскливо подумал Чусов и прикрыл глаза, — она не вынесет издевательств. Слабая она, как стебелёк, тронь — и порвётся». Автомобиль взревел и покатил в сторону спецкомендатуры.

Зоя, сидя на полу и держась за живот, прислушивалась к беспокойному биению ребёнка. И вдруг донёсся шум отъезжающей машины. Зоя громко разрыдалась.

— Гражданочка, вы встаньте, сейчас обыск будет!

Люди в серой форме рылись в бумагах, вещах, книгах, кругом валялись какие-то тряпки, полотенца, непонятные предметы. Зоя всматривалась, не понимая, откуда что взялось, что это? В квартире всегда поддерживался порядок. Каждая вещь знала своё место. Теперь всё валяется. Эта пустая коробочка из-под конфет осталась после гостей. Обрывок старого пальто припасён для кошки, которую собирались взять у соседей. Прежде всё это лежало в углу, а сейчас путается на полу, всем мешает, но убрать некому. Фрол на службе, ещё вчера утром отпросился. Наверное, он знал, что будет обыск. Фрол был преданным помощником, жаль его. Зоя обхватила себя руками и закачалась во все стороны.

— Что вы ищете? Скажите, я сама найду.

Она с трудом поднялась и села на стул, медленно осозная, что муж больше не вернётся. В Москве тоже многих арестовали. Чусовы полагали, что отсидаются в Томске, что их не тронут. Решили завести второго ребёнка. Ничего не помогло. В спальне захныкала дочка. Кто-то пытался разбудить девочку.

— Не трогайте ребёнка. Моя дочь спит. Она больна. Простудилась.

— Ничего, вылечим. Там разберутся!

Плачущего ребёнка вытащили из кровати. Зоя попыталась подняться, но не смогла. Живот скрутило, резкая боль пульсировала в пояснице и позвоночнике. Не нужно было решаться на второго ребенка, хотя уже поздно сожалеть. Зоя встала на четвереньки, затем, опершись о стену, поднялась и подошла к дочери, взяла Светланку на руки.

— Не плачь, солнышко! Не плачь!

Других слов не было. Она ничем не могла успокоить дочь. Зоя поняла, что спокойная семейная жизнь закончилась.

Больше ничего не будет. Никогда. И к этому нужно было привыкнуть.

* * *

Фрол вставил ключ, но дверь легко подалась внутрь. Оборвав с притолоки какую-то бумажку с печатями, он шагнул за порог. Прихожая ярко освещена, другие комнаты пугающе затемнены, чтобы свет не был виден с улицы. На низком диванчике дремали двое мужчин в затёртых кожанках. Увидев Фрола, незнакомцы угрожающе выставили стволы.

— Стоять!

Фрол бросил сумку со спецпайками на пол и вытянул руки. Продукты получены за два дня, хотел ужин приготовить. Хозяин просил тушёную капусту с мясом.

— Фрол Панин?

— Ну, я, а чо? Где хозяин-то?

Фрол уважал товарища Чусова за честность и прямоту. Ему нравилось, как Егор Павлович относился к нему, простому парню из деревни. И ещё Фрол был уверен, что с Чусовым ничего не случится, такая сила исходила от хозяина.

— Какой тебе тут хозяин нужен? Щас мы устроим! Пошли, деревня!

Фрол опустил руки и осторожно поднял котомку с продуктами. Он боялся, что еду отнимут, но его тут же подхватили под руки и выбросили на лестницу, а там погнали прикладами, чтобы шёл быстрее. На улице швырнули в «воронок».

— Вы кто? — закричал Фрол, вспомнив, что у Зои Сильвестровны вчера поднялась температура и девочка заболела. Где они? Где Егор Павлович?

— Гэпэу!

Дверь захлопнули и лязгнули засовом. Фрол присел на холдную скамейку, положив котомку на колени. Продукты надо беречь, пригодятся. Мало ли, как судьба сложится. Машина тряслась по ухабам, вдруг, резко затормозив, остановилась. Дверь распахнулась. Фрол не разглядел в темноте, кто выводил его из машины. В коридоре не было освещения, где-то вдали тускло мерцала лампочка. Фрола со всей силы втокнули в кабинет и закрыли за ним дверь.

— Ты чего? — раздалось в темноте.

— Я чо, я ничо! Ну это, ничего, я Фрол Панин. Младший помстава. У товарища Чусова служил. Вот, привезли к вам.

Фрол неловко переступил, стараясь сделать котомку незаметной.

— А-а, это ты, Фрол Панин, садись!

Неизвестный разговаривал почти полушёпотом, голос с клекочущей хрипотцой от непрерывного курения. В кабинете хоть топор вешай, так накурено. Фрол осторожно присел на стул, прижав котомку коленями.

— Ну, рассказывай, как ты докатился до жизни такой? — просипел голос и закашлялся.

— До какой такой? — прошептал Фрол, вглядываясь в темноту. На столе стояла настольная лампа с кругом тусклого света. За кругом была темнота.

— Ты, давай, не темни! Говори, как есть, — неожиданно взвизгнул голос, напугав Фрола до беспамятства.

— Да чо я темню-то? Не темню я, всё скажу, как есть! — затараторил Фрол и согнулся, пытаясь поймать под лампой лицо собеседника. — Только чо говорить-то? Вы уж подскажите.

Фрол вдруг понял, что если сказать правду, то и самого прихватят за шкуру, пристрелят сразу, мол, прислуживал

вредителю советского строя. Надо выгородить хозяина, тогда и своя шкура спасётся. Фрол перекинул котомку от волнения. Эх, кабы знать, куда хозяина увезли!

— Ладно тебе, деревня, «чо-чо», — устало передразнил голос и вдруг из круга света высунулся человек. — Так о чём говорил товарищ Чусов? Ты слышал?

— Слышал, — подтвердил Фрол, — часто слышал, о чём он говорил. Егор Палыч баил, что советская власть дала мне большие, эти, как их, забыл...

— Чего она тебе дала? Чего? Вспоминай, я сказал!

Теперь Фрол видел его лицо — обычное, очень молодое и простое, из деревенских, нос торчком. Свой, значит. Фрол обрадовался. С таким можно договориться.

— Возможности большие дала, вот чего! Слушай, а ты балык будешь? Я тут спецпаёк получил на Чусовых.

— Чего-о-о? — Круг света пересел на Фролово лицо. Собеседник направил лампу, чтобы получше рассмотреть нахала. Панин зажмурился. Свет не яркий, но глаз пробивает.

— Да я продукты получил в хозуправлении для товарища Чусова. Тут на два дня. Много всего напихано.

— А-а, понятно! Давай, давай, а то я тут сiju голодом трети сутки. Всё возят и возят ко мне разных вредителей, совсем замучился, — пожаловался парень и вышел из-за стола. — Давай «пять», я Алексей Роднин, уполномоченный ГПУ. Щас, только чайник поставлю.

Алексей загремел посудой и куда-то ушёл, оставив Фрола в состоянии полного изумления: «Вот это уполномоченный, возрастом-то, как я, а то и меньше будет. Простой, свой парень, из деревни, видать. Как же это он ушёл, и пистолет на

столе оставил? А мало ли что...» Впрочем, Алексей вскоре вернулся с кипятком.

— Ну, так, где твой балык?

Они долго пили чай вприкуску, по-деревенски, откусывая сахар по кусочку и щурясь от удовольствия.

— Так чего ещё говорил твой Чусов?

— Да он ничего такого не говорил, а вот товарищ Рагузин много чего наболтал, пьянь каторжная, пьёт он много, спирт прямо кружками в глотку заливает, — озираясь, прошептал Фрол.

— Как Рагузин? Александр Николаевич? — В голосе Роднина послышалось недоверие.

— Да, этот Рагузин много чего трепал языком. Сказал, что вместо проспекта Сталина будут строить стадион, мол, для города Томска это важнее. А как это может быть важнее, а? Для нас товарищ Сталин важнее жизни!

Роднин отложил кусок хлеба, отодвинул чашку и задумался.

— А ты ничего не перепутал? Это точно Рагузин сказал?

— Он! — воскликнул Панин. — Я, в спальне закрывшись, сидел, боялся нос высунуть. А он трепется и трепется. Трепло каторжное! Хозяйка от испуга в угол забила и просидела там весь вечер. Она тоже слышала.

— Это Зоя, что ли? — спросил Роднин, недоверчиво качая головой.

— Она самая, Зоя Сильвестровна Чусова, хозяйка. На сносях она. Ребёночка ждёт.

Роднин молча вертел пистолетом. Новенький вальтер крутился, как заведённый.

— Нарядный, и маслом от него за версту несёт, — с восхищением ткнул пальцем в пистолет Фрол, — а патроны в нём есть?

— Да, заряжен, всё, как положено! — отрезал Роднин и встал, чуть не опрокинув чайник с кипятком. Фрол сжался. Переход от мирной беседы был резким.

— Всё с тобой ясно! Будешь приходить ко мне по первому вызову, понял?

Алексей придвинул лампу и спрятался за кругом света, только длинные пальцы выбивали нервную дробь.

— Товарищ оперуполномоченный, а можно как-нибудь, того-этого, — закрутился Фрол перед настольной лампой.

— Чего — «того-этого»? Не хочешь приходить ко мне? А кто покрывал вредителей советского строя! Ты? Ты! Капуста тушёная! Теперь изволь отвечать за свои проступки перед Советским государством.

— Дык я, дык чо? Чо надо сделать, чтоб больше не таскали к вам?

Фрол, бормоча, скручивал котомку, а тем временем, в его голове крутилась коварная мыслишка, как бы отвертеться от постоянного надзора ГПУ, ведь замучают, жизни не дадут. Слежку установят, всю жизнь отравят.

— Слушай, земляк, а что если... — воскликнул Роднин и замолчал, видимо, обдумывая что-то важное.

— Чо — если? Да приду, как скажете. Чо ж делать-то?

Котомка осталась в углу, Фрол решил оставить продукты Роднину, а то ещё обидится.

— Да нет, а давай к нам? У нас щас набор идёт в органы! В ГПУ всегда недобор кадров.

— А разве так можно? — раздумчиво спросил Фрол. Неожиданное предложение вселило в него панику. А что будет, если он не справится? Он ведь кто? Да никто! Всего лишь младший помсостава, убери-принеси-налей, а тут вон, судьбы человеческие решаются. За кругом света лица не видно. Тут секретные дела творятся.

— Можно, у нас всё можно, когда кадров не хватает, — взмахнул рукой Роднин, — садись, давай, пиши заявление. Так, мол, и так, прошу принять меня на службу в органы ГПУ, обязуюсь исполнять долг перед родиной, ну, я тебе продиктую. У нас работать некому, понимаешь? Мы тут без отдыха горбатимся. В бумагах зарылись с головой. Я прям тут сплю, до дому не могу добраться который день. Пиши, давай!

Фрол испуганно схватился за карандаш, протянутый Родниным.

— Стой, вот, ручку держи, вот тебе чернильница. Макай перо и пиши!

Осторожно, буква за буквой, Фрол вывел первые слова. Пока перо чиркало бумагу, он пытался осознать, чем для него может закончиться неожиданное предложение. «А-а, — мысленно отмахнулся Фрол от гнетущих мыслей, — как-нибудь справлюсь. Может, Егор Палыча вытащу! А то хозяйка пропадёт без меня». Фрол написал заявление, поставил подпись и протянул Роднину.

— Ну, поздравляю тебя, Фрол Егорыч, с вступлением в наши справедливые ряды! Приступай к исполнению!

Через полчаса они приехали в пристройку за Рагузиным, но хозяин отсутствовал. Роднин и Панин долго стучались и в окно, и в дверь, но ответа не было. Пошли по соседям, те и подска-

зали, что Рагузин получил ордер на новую квартиру ещё днём, а вечером собрал вещи и уехал. Нового адреса они не знают.

— Вот, старый чёрт! Знать бы, куда он съехал? — огорчился Роднин, нервно покручивая вальтером.

— А я знаю куда! Знаю. Не промахнёмся. Поехали!

Александра Николаевича взяли из-за стола. Дверь была открытой. Рагузин поспешил расположиться в бывшей барской квартире, откуда утром забрали Зою с ребёнком. Несмотря на беспорядок, Рагузин чувствовал себя превосходно. Ему всё здесь нравилось — и кухня, и спальня, и мебель. Тепло в квартире, уютно. Как у Христа за пазухой. Никуда бы отсюда не уходил, так бы и сидел за круглым столом под огромной люстрой.

За задержание опасного вредителя социалистического строя Александра Николаевича Рагузина помощник уполномоченного ГПУ Фрол Панин получил первый квадрат в виде нашивки. Уполномоченного Алексея Михайловича Роднина повысили в должности до начальника оперативного отдела.

Глава шестая

На пересылке стало ещё тяжелее. Началась эпидемия дизентерии. Забитое до отказа помещение склада, больше похожего на амбар для скота, покрылось кровавыми испражнениями дизентериков, так называли больных лекпом и проверяющие. Воды не было. Переполненные параша никто не выносил. Измученные люди громко охали и стонали, валяясь в нечистотах. Изредка заглядывали конвойные, одной рукой зажимая носы, второй, не глядя, стреляли в потолок и исчезали. Галину обошла дизентерия, наверное, потому, что она почти ничего не ела. Те объедки, что иногда бросали уголовники, Галина отда-

вала Розе и Вяхиреву, они вяло жевали, смачивая сухие корки слюной.

От безысходности люди утратили остатки воли. Многие уже не вставали, просто лежали лицом вниз и тупо смотрели в земляной пол, словно хотели проникнуть туда, в сырую твердь, чтобы уже никогда больше не появляться на этой земле. Галина совсем перестала чувствовать свой организм, она не знала, жив ли зародыш в ней, замер ли — ни понять, ни проверить. Ещё она заметила, что давно не исправляла естественных надобностей, словно организм питался самим собой, перерабатывая то, что находилось в нём. Рот гноился, руки и тело покрылись язвами.

Галина пыталась посчитать, сколько дней она находится в аду, но сбивалась со счёта. Всё началось в день рождения Гриши, она вышла за хлебом, и её схватили. Дальше всё обрывалось. А когда это случилось, уже стёрлось из памяти. Остальные тоже утратили чувство реальности. В темноте не понимали, день ли настал, ночь ли пришла, словно время остановилось. Николай Петрович стал отказываться от хлеба, раздражённо отмахиваясь от подачек, ничего не ел, словно готовил себя к мучительной смерти.

Галина ещё надеялась, что муж найдёт её, она верила в своего Гришеньку и, прижимая к себе маленькую Розу, утешала себя тем, что совсем скоро приедет Григорий Алексеевич в белом обмундировании и всех призовет к ответу. Оглядывая лежавших людей, часто задумывалась, а верят ли они в своё спасение, но, вздыхая, отворачивалась. Никто не верил. Все переселенцы смирились со своей участью. Если в поезде ещё тлела надежда, что их куда-нибудь и когда-нибудь привезут, а там разберутся, как им обещали, то на пересылке все надежды исчезли сами со-

бой. Люди поняли, что все они умрут в этом амбаре для скота, а потом их сожгут, как особо опасных больных, чтобы не разнести заразу среди здорового населения. И когда смирились и приготовились умирать, пришли люди в военной форме.

— Колубаев? Где Колубаев? — послышалось во дворе комендатуры.

— Тут я, товарищ начальник конвоя! — звонким голосом отрапортовал кто-то жизнерадостный, и голос у него был сочный, до того наполненный жизнью, что пробуждал всё живое вокруг. Как будто утренний петух возвестил о начале следующего дня или с воли пришла добрая весточка. Истощённые люди зашевелились, радуясь пробуждению. Все подумали, что бодрый голос возвестил о начале другой, благополучной жизни, от которой их насильно отлучили.

— Твоя задача, Колубаев, собрать всю эту шушеру и погрузить на баржи! Считать по спискам, а не по головам!

— Товарищ Кузнецов, это же невозможно, они тут все больные, вон как несёт от склада, не продыхнуть, — заныл уже другой голос, не такой жизнелюбивый. Но было понятно, что говорит один и тот же человек.

— Колубаев, я тебе не «товарищ Кузнецов», я тебе «товарищ начальник конвоя»! Прошу обращаться ко мне по форме!

— Слушаюсь, товарищ начальник конвоя!

— Так вот, повторяю, соберёшь всю эту шалупонь и погрузишь на баржи. Они стоят у саймы. Пайки из расчёта 700 грамм хлеба на человека, вешёвку, воду, всё подготовь. Есть предписание товарища Эйхе, чтобы эти мазурики были обеспечены всем необходимым. А ты, Колубаев, назначен начальником каравана. Сам товарищ Долгих приказ подписал!

— А как же так, товарищ начальник конвоя, — осевшим голосом поинтересовался Колубаев, — разве не одна баржа будет?

— Две! Повезёшь четыре тысячи голов, следом пойдёт другая баржа, но поменьше, ещё на две тысячи. Она нагонит тебя. Там её и встретишь. Всё! Приказ ясен?

— Так точно, товарищ начальник конвоя! — почти прошептал Колубаев, но на складе его слышали и вздрогнули: лютая ненависть к переселенцам зазвенела в этом шёпоте. Словно они были виноваты в том, что Колубаева назначили начальником каравана.

— Увидимся на совещании у товарища Долгих!

Послышались шаги, разговоры отделились. Галина под села к бывшим раскулаченным, старики о чём-то шептались, молились, судя по монотонным звукам.

— Ильдар-абый, что это было? — прошептала Галина, косясь на Мизгиря. Тот зорко следил за переселенцами со своего насеста. Уголовники выбрали самый сухой угол, конвойные притащили им какой-то ящик, то ли из-под муки, то ли из-под зерна. На этом ящике они и кантовались, наблюдая за остальными переселенцами.

— Опять нас повезут куда-то, дочка, — заплакал старик, — боюсь, что мы со старухой уже не вернёмся оттуда.

— Мы все не вернёмся, — спокойно возразила Галина. В эту минуту она поняла, что муж Гриша никогда не найдёт её. Ему не по силам пройти этот путь. Каждый день из центра уходят составы с беспаспортными и деклассированными элементами, разъезжаясь в разные концы страны. Составов и концов много. Умом не понять, взглядом не объять. Если их пересадят на баржу, то это всё, конец, разлука навсегда. Мыслимое дело,

через всю страну, без документов, без учёта, конвойные считают по головам, как скот, нигде никаких следов, нет, Гриша не сможет найти иголку в стоге сена. А, может, он и не ищет? Он, поди, давно забыл, что у него когда-то была жена.

— Не надо так, дочка! Ты молодая, красивая, тебя всяко муж ищет, вон, говорят, будут списки составлять, — вздохнул Ильдар-абый и перестал плакать. Утёр слёзы и заботливо подвинул ведро с остатками воды. — На вот, попей немножко. Утром конвойный принёс. Я тебе оставил на дне.

— Что ж они воды-то нам жалеют? — невольно вырвалось у Галины. — Не помыться, не попить...

— Уморить нас хотят, видно, но ты не поддавайся, тебе жить надо. Бог дал жизнь, он и заберёт её. На барже тяжело будет, нас уже перевозили, но там всё же лучше, чем здесь, — сказал Ильдар-абый и устало махнул рукой. Галина сжала губы. Старик успокаивает себя, что где-то будет лучше. Человек живёт надеждой.

Галина вернулась к Розе и обмерла. Девочка держала на себе привалившегося к ней Николая Петровича. Открытые глаза Вяхирева уставились в пустоту, на что-то невидимое пустым взглядом. «Умер, вот и закончились твои муки, Николай Петрович, бедный ты мой человек!» — подумала Галина и попыталась позвать конвойных, но Мизгирь окриком остановил её, мол, не лезь не в своё дело. С ящика прибежал Комар и оттащил Вяхирева в общую кучу покойников, тех, что умерли в этот день. Куча незаметно подрастала. Со времени визита Кузнецова и Колубаева прошло уже несколько дней. Наконец послышались крики, смех, ругань, бряцание оружия.

— Выводи по одному!

— Как считать, по головам или посписочно?

— Сначала по головам! Потом сверим по спискам. Нам надо 4 тысячи. И две на вторую баржу. Вторая пойдёт днём позже. Успеем набрать!

— Так тут явная недостача. Много народу померло за неделю. Почти половина. Они же дизентерией болеют.

— Откуда хочешь, возьми, но на первой барже должно быть четыре тысячи человек. Возможно, приедет товарищ Долгих, как мы отчитаемся перед ним?

Во дворе долго молчали, даже оружием не брякали. Все затихли.

— Если не восполнишь состав, я тебя самого спецпереселенцем оформлю, понял, Колубаев?

— Так точно, товарищ начальник конвойной службы!

И забренчали, задёргали затворами, шумно посыпались брань, матерки и хохот. Мизгирь подглядывал в щель между досками. Неожиданно дверь распахнулась, полился яркий солнечный свет. Люди жмурились, прятали глаза, отворачивались, словно боялись, что солнце обнажит перед миром их душевные муки и тайны. Никто не хотел раскрываться даже перед солнцем. Людям было стыдно за себя, за свои унижения, за свой невольный позор.

Часть третья

БАРЖА

Глава первая

Сонный город готовился встретить новый день. Переселенцы шли мимо, по окраине, не веря, что совсем рядом течёт обычная, мирная жизнь, пусть сложная, полуголодная, но всё-таки

жизнь. Невдалеке слышались трамвайные звонки, скрежет рельсов, шум редких автомобилей. Люди проснулись, собираются на работу, пьют чай, завтракают. И никто из них не думает, что завтра их могут забрать, бросить в поезд и увезти на край света, чтобы не то что близкие и родные, а даже сам человек забыл о себе, кто он такой. Можно перетерпеть и нужду, и унижения, коли ты у себя дома, в тепле, в привычном месте. Но если сорвали с места, повезли куда-то в ночь, заставили забыть не только имя и фамилию, но и самого себя, то человеку не хочется жить. Нет тогда никакой жизни. Есть условное существование, тупое ожидание конца мучений. У каждого человека должна быть семья и фамилия, документы, а еще кровать и стол, чашка и ложка. И никто не имеет права отнять то, что положено человеку по закону жизни.

Весь день люди топтались во дворе комендатуры, боясь открыть широко глаза, а ночью всех повели к баржам, приказав идти тихо. За малейший шум били прикладами, ведь рядом находился жилой квартал. Живые не должны были слышать мёртвых. Колонна растянулась вдоль дороги, но конвойных прибавилось. Плотно оцепив процессию полумёртвых истощенных людей, конвоиры для порядка вздёргивали затворы, мол, не вздумайте заголосить, сразу ляжете в весеннюю грязь и в ней и останетесь. Нам формуляры заполнять некогда.

Шли всю ночь, к баржам подошли на исходе, когда темнота вплотную приблизилась к рассвету, попав во временной отрезок между поздней ночью и ранним утром. Вроде ещё темно, но уже можно понять, где находишься, чтобы двигаться, не спотыкаясь. У барж толпились какие-то люди, кое-где брезжили огоньки.

Если до этого Галина кое-как справлялась со страхом, то сейчас ей стало по-настоящему страшно до судорог, до трясучки, а когда спазмы скрутили живот, Галина перепугалась, что у неё тоже началась дизентерия. В этой сплошной грязи она ещё сохраняла женскую стыдливость, и даже в мыслях не допускала, что у неё может случиться произвольное калоиспускание, как у многих. Издалека было видно, как людей из первой колонны сбрасывают внутрь баржи, как мешки с картошкой. Галина инстинктивно прижала к себе Розу, и, забыв о физических муках, бросилась догонять бывших раскулаченных.

— Ильдар-абый, подождите, давайте вместе держаться! Я боюсь не за себя, за Розу. Она такая хрупкая! Ильдар-абый, а как вашу жену зовут? А то мало ли что, а я не знаю её имя...

— Рахима, дочка, Рахима-апа, так её зовут. Она по-русски не понимает. Совсем не понимает. Не знаю, как мы доедем. И куда нас повезут? Ты не слышала?

— Да слышала я, Ильдар-абый, слышала, Мизгирь сказал, что в Александро-Ваховскую комендатуру. Это где хоть?

Старик споткнулся, почти упал, но Рахима-апа подсунула мужу руку под живот и приподняла его.

— Это очень далеко, дочка, на самом краю света. Там земля кончается. Александро-Ваховская комендатура — самое страшное место на земле. Страшнее её ничего нет. Мы не доедем с Рахимой. Мы пропадём там.

Старик опёрся на жену, они пошли вперёд, и вскоре затерялись в толпе переселенцев. А ведь они не старики, им ещё к пятидесяти только, а выглядят совсем дряхлыми. Галина отстала от процессии. Столько горечи было в словах Ильдара-абья, что она разом ослабела. Роза плелась следом за ней, молча и терпе-

ливо. Галина подумала, что Роза на редкость выносливый ребенок — не хнычет, не жалуется, не просит есть и пить. Может, тоже смерть чувствует? Галина взгляделась в лицо девочки. Роза подняла глаза и мягко улыбнулась; волна нежности затопила Галину. Она забыла, где находится и что с ней происходит. «Неужели улыбка ребёнка может возродить надежду, — подумала она, — может. Надежда всегда есть. Мы спасёмся. Гриша меня любит. Гриша найдёт меня хоть на краю света!»

На обрыве стояли военные и шумно переругивались.

— Колубаев, у тебя недочёт, где ты возьмёшь ещё полторы тысячи народу? Товарищ Долгих приказал составить списки на всех лишенцев. Я не стану заниматься приписками! Сам выкручивайся!

— Так откуда недочёт? Эти переселенцы поумирали от дизентерии. Вон, на ходу сотнями мрут. На дороге их бросили. Формуляры не заполняем, лекпом акты на умерших в комендатуре общим списком составил. Там не полторы, а две тысячи трупов. Их тоже куда-то девать надо!

— Я ничего не знаю! — отрезал собеседник. — Я ничего не слышал. Достань полторы тыщи народу. Лучше две тыщи. А то тебя самого в баржу засунут. Понял?

Колубаев молчал. Ему хотелось выругаться, чтобы отбить натиск, но вдруг ощутил страх. С караваном идти долго и трудно, неизвестно, как дорога ляжет, да как бы самому не срубили головушку в начале пути.

— Есть, товарищ начальник конвойной службы! — нечеловеческим голосом выкрикнул Колубаев. Переселенцы, услышав крик, оцепенели, словно прозвучало что-то противоестественное, угрожающее всему миру. И с этим человеком им суждено

плыть вниз по реке. Отголоски ещё долго дрожали в сыром воздухе, тревожа водную гладь реки и души измученных людей.

— Чё встали? А ну, пошли, скоро рассветёт!

Посыпались тычки, лязг затворов, стук ударов. Люди послушно засемили, стараясь не сорваться с обрыва.

* * *

Чусов лежал на полу в карцере комендатуры. Его бросили на пол и, облив водой, ушли. Егора Павловича мучили недолго, но изуродовали навсегда, переломав суставы в локтях и коленях. Идти он не мог. Его принесли сюда. На допросе ни о чём не спрашивали, но и без того было ясно, что забрали по доносу Рагузина. Когда Чусов попытался объяснить, что решение о строительстве стадиона в Томске было принято в Москве и доведено до всех членов Томского горсовета на служебном совещании, на котором присутствовал Александр Николаевич, его не стали слушать, молча набросились и долго истязали, входя в раж. А когда устали, когда надоело молотить и выкручивать до хруста человеческие кости, бросили на холодный пол.

Егор Павлович посмотрел в потолок и ощутил ясность сознания, как будто его не истязали много часов, а он спокойно проспал добрую половину суток на чистой и удобной кровати. Чусов не знал, что человеческий организм не осознает предела своих возможностей, и чем больше его истязают, тем больше ему хочется жить. Ещё три дня назад Чусов кого-то допрашивал, расспрашивал, давал нагоняи, распекал, кому-то грозил расстрелом, но не думал, что сам попадёт в переделку.

Егор Павлович не верил в то, что случилось. Всю вину за свой арест он возложил на Рагузина, старого, завистливого человека. Доносительство обрело большую силу. Каждый

может написать о перегибах и ошибках на местах, и органы ГПУ должны немедленно отреагировать на сигнал. Егор Павлович по-прежнему верил в советскую власть и считал её самой справедливой на земном шаре. Не было у него сомнений в справедливости социалистического строя, не было. При большом строительстве случаются мелкие недочёты. Ни на миг он не усомнился в искренности своей веры, и она придавала ему сил. Егор Павлович заставил себя приподняться, долго стягивал с себя гимнастёрку, затем зубами и переломанными пальцами пытался наложить жгуты на колени. Главное, спасти ноги, с руками можно подождать. С грехом пополам что-то намотал, затянул уцелевшими зубами и вдруг почувствовал спасительное облегчение. Дикая, мучительная боль стала тише, прекратилась тошнота. «От боли тошнит, желудок-то пустой, — подумал Егор Павлович, — как там Зоя, как моя девочка? Где они?» И сразу пульсирующая боль вернулась. Тело задёргалось, будто его подключили к электрическому току.

— Алексей, да я тебя, как брата прошу! — послышалось у двери. Загрохотали сапоги, загремела связка ключей.

— Как я тебе их отдам? Они у меня все задокументированы и запротоколированы! Это же враги социалистического строя! Вредители. Протоколы допросов подшиты в делах. Все до единого. Суровыми нитками. Хочешь, чтобы я ради тебя нарушил революционную законность? Я не буду нарушать. Слушай, а хочешь, забирай инвалидов? Вот тут сидит один.

— Какой один? Мне полторы тыщи надо, — взвыл второй.

— Полторы тыщи не дам, а с тышонку наберём. Остальные полста найдёшь в управлении Рабоче-крестьянской милиции. У них там раскулаченных девать некуда.

— Алексей, родной, ты мне как кровный брат! Запомни, если чо, то я тебе завсегда!

— Да что мне твоё «завсегда», мне, что ли, жалко? У меня этого добра полно, сегодня ещё привезут. Забирай! — сказал Алексей и раскатился горошинами смеха.

Чусов вздрогнул. Егор Павлович познакомился с Алексеем Родниным на оперативном совещании. Этот улыбчивый парень понравился ему своей открытостью, раскатистым смехом и щедростью. Убеждённый коммунист, много и упорно учится, часто посещает партийные курсы. Алексей бывал у них однажды, как-то по-свойски зашёл на чай по пути со службы, Зое он тоже понравился.

Дверь камеры распахнулась, Чусов бросился к выходу, чтобы успеть сказать Алексею, что он здесь по ошибке, случайно, не так, как другие, чтобы Роднин разобрался с ним, ведь на совещаниях в одном ряду сидели и про строительство стадиона вместе слышали, но на голову обрушился сильный удар.

Колубаев, увидев, что арестант пытается подняться, ударил сапогом в лицо, кованой подмёткой угодив между глаз. Егор Павлович повалился навзничь. Роднин стоял сзади, слегка шурясь и часто моргая, будто ему соринка в глаз попала.

— Алексей, у тебя таких много? Мне бы хоть каких, хоть совсем безногих. Со счёта принимать будут.

— Наскребём, Колубаев! Пошли дальше!

Заколотили-застучали двери, послышались крики, возгласы, ругань. Всё это смешалось в беспорядочный шум, словно бурлит чайник, забытый на плите. Если вовремя не снять с огня, то сгорит дотла. Так и люди в камерах хотели сгореть заживо, лишь бы не думать о том, что с ними произойдёт, но их не сожгли, лишь на ходу попинали и поволокли к машинам.

Чтобы не привлекать внимания горожан, арестантов решили отвезти к реке транспортом. Руководство города приказало сформировать караван в условиях строжайшей секретности. Во дворе стояли «воронки-уазики» с брезентовыми пологам. Внутри кузова виднелись скамейки. Чусова бросили в машину, а следом пихали, засовывали, втискивали тела других арестантов, кузов был битком забит, но туда всё бросали и бросали избитых полуживых людей, словно это были уже трупы.

Когда количество арестантов превысило все допустимые нормы, брезентовый полог закрепили, и первая машина ушла в сторону саймы, где грузились баржи. Всю ночь провозились, но к утру освободили городские спецприёмники и изоляторы, отправив на баржи всех больных, немощных, избитых и изуверченных, затем, окончив тяжёлую работу, разошлись по домам. Колубаев чуть не танцевал от счастья, к тому же, к великой его радости, к нему вернулся голос, утраченный утром от невыносимого отчаяния.

Колубаеву было чему радоваться. В этот раз ему удалось обмануть судьбу. Ведь почти под расстрел шёл, уже петля на шее затягивалась. Он почти задыхался, путаясь в паутине интриг, даже голос от страха потерял, но Лёшка Роднин — брат и душа-человек — выручил. Да что там выручил, от неминуемой смерти спас! От душевной щедрости всех вредителей советского строя переоформил на спецпереселенцев, сделав их деклассированными элементами. И дела переписал, и фамилии подправил, а потом пошёл спать. Говорит, неделю без сна и отдыха отпахал. Ясное дело, устал человек.

— Лёша, а как бы мне ещё охранников в помощь, а? Сам понимаешь, четыре тысячи голов загрузить нелегко, может, подбросишь людишек?

— Ты! Колубаев! Говори да не заговаривайся. У меня нет людишек. У меня младший и средний оперсостав!

Колубаев поморщился: выделяется гэдэушник, цену себе набивает, но тут же вытянулся в струнку. Уполномоченные ГПУ любят, когда перед ними стелются.

— Впрочем, скажи Кузнецову, пусть попросит товарища Долгих. Если тот поставит резолюцию, пришлю людей на баржи. Есть у меня свежая кровь. Есть. Просится в бой!

— Слушаюсь, товарищ уполномоченный! — воскликнул Колубаев, понимая, что Роднин отказал ему, отшил за здорово живешь.

Товарищ Долгих, как настоящий коммунист, никогда не подпишет бумагу об укреплении караула вохровцев личным составом ГПУ. Пустое это занятие. Руководство не даст к баржам подкрепления. Колубаев покручинился, но и порадоваться не забыл. Как-нибудь, но баржи загрузятся, одна раньше, вторая чуть позже, а там можно будет отоспаться и отъестся за все дни и ночи, что работал без выходных, за то, что сутками не спал и не ел, выполняя указания партии и правительства. Теперь за всё отгуляет свою норму товарищ Колубаев.

Так, мысленно обращаясь к себе, без имени и должности, и даже без звания, он называл сам себя «товарищ Колубаев». Может быть, потому, что начальник конвойной службы Кузнецов не называл его товарищем, а просто орал, что есть мочи: «Колубаев!», не понимая, что безмерно ранит этим впечатлительную душу верного конвойного. А потом Колубаев привык и забыл, как его зовут, и мысленно обращался к себе исключительно по фамилии.

Глава вторая

Одна нога всё-таки уцелела. В толпе таких же изувеченных людей Чусов, опираясь на палку, подобранную на дороге, с трудом доковылял до обрыва. Сверху всё происходящее казалось фантастической картиной. Туда и сюда сновали маленькие люди, некоторые падали с трапа в холодную воду, другие доставали их баграми. Погрузка на баржи шла полным ходом, но отплытие каравана задерживалось по уважительным причинам. До заявленных шести тысяч не хватало каких-то пятидесяти человек. Это небольшая цифра, но наверху требовали отчитаться за количественную составляющую. За месяц в Томск должно было прийти несколько составов ещё с двадцатью пятью тысячами спецпереселенцев, их всех надо было отправить в спецпоселения. Первые шесть тысяч на двух баржах надлежало отправить сразу после ледохода. Баржи пойдут с небольшим перерывом.

Объ трудно расставалась с ледяным основанием. В верховьях реки вода уже вышла из берегов, и ледоход пошёл в низовья, а у Колпашева ещё стоял крепкий и основательный лёд. Тем временем на железнодорожных путях скопились вновь прибывшие составы со спецконтингентом, а первые баржи ещё не ушли. По плану, спущенному из центра, они уже должны были вернуться, чтобы забрать новое пополнение. К тому же катастрофически не хватало конвоя для охраны спецпереселенцев. Егор Павлович не понаслышке знал проблемы по погрузке и организации работы каравана.

Чусов стоял в толпе арестантов, пригнанных сюда по недоброй воле Алексея Роднина. Если до этого у Егора Павловича сохранялась надежда, что с ним разберутся, извинятся, отпустят, восстановят в правах и на службе, то здесь, стоя на об-

рыве, он понял, что обратного пути нет. Отсюда дорога только в одну сторону. Никто не станет исправлять ошибку. Нет такой силы, чтобы исправить её. Егор Павлович понимал, что и сам он мог допустить такую же ошибку в отношении другого человека. Теперь вот случилось с ним. Лес рубят — щепки летят. Стоять было тяжело, ноги не держали. Егор Павлович взглянул на конвойного, тот махнул рукой, мол, садись на землю.

Погрузка затянулась. Внутренности баржи были разделены перегородками. Кузнецов распорядился отделить мужчин от женщин, и это решение привело Колубаева в состояние полного изумления. Если весь путь эти мазурики ехали в поезде без всяких перегородок и пользовались одной парашей на всех, то какого чёрта надо разделять их на баржах? Где ум у начальства? Эти вопросы Колубаев задал самому себе, разумеется, мысленно, а вслух сказал Кузнецову, мол, «так точно» и лихо козырнул. Мигом распорядился поставить перегородки на баржах. Пусть деклассированные элементы едут отдельно, хотя вместе им было бы веселее. С этими мыслями Колубаев поднялся на обрыв, где увидел толпу сидящих и лежащих на земле людей.

— Отставить! Подъём! — проорал Колубаев, но люди не пошевелились. Это были арестованные по политическим мотивам. Их привезли из следственных изоляторов ГПУ под видом деклассированных переселенцев. Избитые, полуживые люди не могли встать; Колубаев знал, что они не встанут. Эти люди понимают, что их везут на смерть, и от этого им уже ничего не страшно. Колубаев развернулся и пошёл в другую сторону. Надо перетащить вредителей советского строя на баржи, пока не приехал Кузнецов. Сами они не дойдут. Вскоре подогнали свежую роту конвойных из подразделения ГПУ. Колубаев посмотрел на нашивки, но в рассветном мраке не понял, у кого и сколько ку-

барей на петлицах. Товарищ Долгих всё-таки поставил, хоть и с большой неохотой, резолюцию на запросе по откомандированию младшего оперсостава ГПУ с целью формирования каравана в установленные партией и правительством сроки.

— Кто у вас старший? — крикнул Колубаев, чувствуя налитый металлом голос. Впервые он командовал ротой из чекистского подразделения. Хоть в этом повезло, теперь будет о чём рассказать внукам.

— Помощник уполномоченного Фрол Панин, — сказал высокий румяный парень с русым чубчиком. Совсем малолетка, по виду ещё восемнадцати нет, но Колубаев присмотрелся и понял, что помощник уполномоченного значительно старше, чем выглядит.

— Ты, Панин, чё стоишь, как гопник у фонаря? — вздёнулся Колубаев, но Панин не дослушал, отвернулся и спрыгнул под обрыв, видимо, побежал делать рекогносцировку. Колубаев чуть не задохнулся от гнева, но сдержал себя, поняв, что переборщил с командой. Гэпэушникам не нравится, когда им отдают приказы. А этот молодой да ранний. Руководство края перебросило резервы ГПУ для организации работы со спецпереселенцами, Москва с нетерпением ждёт отчётов, здесь уж не до командного тона. Скорее бы первый караван ушёл, а дальше всё пойдёт как по маслу. Но дело по организации погрузки шло медленно; истощённые люди падали с трапов, их отлавливали баграми, далеко по реке разносились крики и стоны. На берегу лежали искалеченные арестанты, которые не могли без чужой помощи спуститься вниз по обрыву. Колубаев подогнал ещё одну роту конвойных, в этот раз из тех, кто выполнит любой приказ без оглядки на чужое начальство.

— Этих поднять, разбудить, хоть силком тащите к реке! — крикнул Колубаев и умчался вниз, а Фрол Панин, поднявшийся на берег, молча позвал своих. Приказ есть приказ. Надо выполнить, иначе этот караван останется в сайме до лета.

Вдруг его лицо передёрнулось, как оружейный затвор. Фрол увидел Чусова. Они посмотрели друг на друга и опустили глаза. Каждый знал, о чём думает другой. Чусов расшевелил остатки надежды на спасение, но понял, что не спасётся. И вдруг невыносимая боль перекорёжила душу и тело, заставив вздрогнуть стоявшего рядом Фрола. Егор Павлович вспомнил о жене и дочери. Боль о судьбе семьи заглушила надежду на собственное спасение. Чусов знал, что он сейчас сделает, чтобы спасти жену и дочь. И Фрол всё понял. Егора Павловича решили оформить как спецпереселенца и отправить на барже в Александро-Ваховскую комендатуру. Фрол покрутил вальтером. Эта привычка досталась ему от Алексея Роднина. Панин ещё не успел толком послужить, а чужие привычки уже въелись в него, как вторая кожа. Зоя Сильвестровна пропала, Чусов стал инвалидом. Одна нога переломана у бедра, вторая ещё двигается, на руках живого места нет, лицо опухшее, синее. Били со знанием дела, но разум не выбили, глаза у Чусова заплывшие, но ясные. Зато навсегда изувечили.

— Ты чего стоишь? Щас товарищ Долгих прибудет! Гони их к баржам!

Вернувшийся Колубаев с силой толкнул Панина, с радостью осознавая, что теперь-то рассчитается с чекистским выкорышом за пережитое унижение. Фрол взмахнул рукой, отталкивая коменданта каравана, незаметным жестом подзывая подмогу. Его тут же окружили свои, выстроившись полу-

кругом. Колубаев мигом скукожился и снова метнулся вниз, отчаянно маша руками. Панин проводил его взглядом, а сам незаметно подобрался к Чусову. Они были почти рядом: один полулежал, второй стоял над ним, поигрывая пистолетом.

— Пристрели меня, Фрол, пристрели, — почти прошептал Егор Павлович, искоса наблюдая за погрузкой. Чусов старался не смотреть на Панина, боясь, что тот испугается и всё испортит.

— Не могу, Егор Палыч, рука дрогнет, — ответил Фрол и убрал пистолет.

— Пристрели, прошу тебя, а Зою найди! Спаси её! Она где-то здесь.

Фрол молчал, глядя под обрыв. Зачем-то снова вытащил вальтер, покрутил в руках и застыл. Чусов прав. На барже ему не выжить. Много увечий, на бедре открытая рана, кто его будет перевязывать? Сгниёт он там. Зажив сгниёт.

— Да не могу я, Егор Палыч, не могу! — взмолился Фрол, опуская руку с пистолетом.

— Стреляй, гнида проклятая! — взревел Чусов из последних сил.

«Это он хочет меня спасти: мол, пристрелил за дело, за гниду!» — подумал Фрол и, вздёрнув руку, выстрелил. Попал с одного раза. Чусов повалился на спину. В утреннем сумраке не видно было крови, словно Егор Павлович просто упал, сидел-сидел и вдруг повалился. Синяя дымка медленно поползла по траве. Выстрела никто не услышал. Фрол прислушался к себе. Его не трясло, не знобило, рассудок не помутился, лишь появилась какая-то холодная отстранённость, словно это не он стрелял, а его самого застрелили.

— Ты чего? — прилетел снизу Колубаев. — Ты зачем его? Народу и так не хватает, а ты тут..

Колубаев сознательно не произнёс слова, определяющие действия Панина. Дело можно было повернуть и так и этак, если вовремя доложить куда положено, тогда от помощника уполномоченного мокрое место останется. С этим малолетком мигом расправятся.

— Да зарвался он, этот Чусов, пришлось уложить, — сказал Фрол и шагнул в сторону. Он испугался, что снова выстрелит — не в себя, а на сей раз в Колубаева.

— Ты чё, щенок, соотчётность нам портишь? Ты у себя в гэпэу распоряжайся, а тут мы из ГУЛАГа главные, — прошипел Колубаев, хватаясь за кобуру.

— Отставить! — рявкнул Панин, поражаясь силе прорезавшегося голоса. — Чусов опорочил советскую власть в моём лице. Гнидой обозвал. Товарищ Долгих рекомендовал разбираться с одиночками на местах. О случившемся мною лично будет доложено руководству ГПУ.

Колубаев прикусил нижнюю губу, чтобы не выматериться. Пришлют молокососов, а ты тут мучайся с ними.

— Разберитесь с этим! — добавил Панин, кивнув на мёртвого Чусова, и вприпрыжку спустился к баржам. Народу на берегу стало поменьше, основная часть спецконтингента уже сидела внутри. Люди выли от ужаса. Никто из спецпереселенцев не ожидал второго испытания. Всем было плохо в вагоне для перевозки скота; казалось, что люди попали в ад при жизни, но баржа оказалась ещё хуже. В прошлую навигацию на ней возили раскулаченных, после них остался удушливый запах, навечно въевшийся в деревянную обшивку скорбного судна.

Людам не выдали самого необходимого, ни у кого не было ни чашки, ни кружки, ни ложки. Внутри баржи стояла одна параша — и всё. Больше ничего не было. Даже ведра с водой не поставили. Поневоле испугавшиеся в ледяной воде люди тряслись от озноба. Просушить мокрую одежду не на чем и негде, в утробе баржи было холодно. Ни буржуйки, ни керосинки. Ничего. А людей всё толкали и толкали сверху, до основания закупоривая внутренности баржи.

Панин стоял недалеке от своих, зорко наблюдая за погрузкой. Время от времени он смотрел на свои руки. Нормальные руки: не трясутся, не дрожат, словно они только и делали всю сознательную жизнь, что стреляли и убивали живых людей. Панин понюхал ствол, вкусно запахло гарью. Пристрелянный пистолет, надёжный, с таким не страшно в жизни. Только что одним врагом стало меньше. Жаль, что первая жертва оказался хорошим человеком. А сколько их ещё будет?

Внезапно Фрол вздрогнул. Он увидел Зою Сильвестровну, она стояла у трапа, боясь ступить на него. Большой живот расплылся, отчего Зоя стала похожа на большую пузатую лягушку, сходства добавляла зелёная шаль. Фрол вспомнил эту шаль. Её прислали из Москвы потому, что Зоя Сильвестровна часто простужалась. Панин не подошёл к трапу. Он всё смотрел и боялся, что Зоя оступится и упадёт в ледяную Обь, и тогда ей не выжить. Фрол мысленно помогал Зое Сильвестровне пройти трудный путь. Охранник, стоявший сзади, подтолкнул Чусову, она ступила на трап и, балансируя руками, пошла наверх, на баржу, а затем вниз, прямо в преисподнюю.

Рассвет плавно перетекал в день. Помощник уполномоченного Фрол Панин убрал пистолет в кобуру: пора возвра-

щаться в управление. Помощь работникам ГУЛАГа оказана, служебный долг исполнен. Будет чем отчитаться.

— Колубаев, мы снимаемся! — крикнул Фрол и махнул рукой, мол, уходим, дальше сам справляйся, без нас.

На Панина не обратили внимания. Людская суতোлка проглотила слова Фрола, его никто не услышал. Вскоре командированные были далеко от реки. А через час Фрол сидел в кабинете Роднина и рассказывал анекдоты про Колубаева. Оба заливисто хохотали и крутили пистолетами, не замечая, что целятся друг в друга.

Глава третья

На погрузке больше всех суетился каптенармус Хромов. С вечера его обязали явиться на баржу в пять утра и с личными вещами. Матвей заискивал перед всеми: и перед Кузнецовым, и Колубаевым, и перед охранниками, надеясь избежать далёкого путешествия. Пока он занимался своей работой, из центра поступил приказ снабдить переселенцев по пути следования баржи всем необходимым. В управлении выписали хлеба на каждого переселенца по 700 грамм, сухарей, муки и крупы. И вещёвку выписали. Летние костюмы кипами лежали в холщовых мешках. Всё это добро Хромов грузил на катер, передавая охранникам, и сам таскал мешки и тюки, думая о том, чтобы караван ушёл как можно скорее и лучше без него, каптенармуса Хромова. Уж очень не хотелось плыть в барже вместе с переселенцами. Ему и в Томске неплохо живётся.

Довольствие уложили рядами в отдельном помещении на катере и частично на барже, там были устроены нары для охранников, отдельно от ссыльных. Для коменданта каравана

подготовили каюту на катере, в центре стояла ладная печка-буржуйка с кипящим чайником на плите.

— Отлично устроились, товарищ Колубаев! — польстил Хромов свежее испеченному коменданту.

— Тебе что за дело? Не лезь, куда не просят! — огрызнулся Колубаев и слегка замахнулся на капитанармуса. Судя по виду, явный ворюга; так и норовит зажать лишний мешок муки.

— Ты смотри по документам, чтобы всё сошлось, не хитри тут мне! — добавил Колубаев и посчитал количество мешков. По счёту совпадало, но мало ли, вдруг утаил что, рыжий пёс. Хромов слащаво улыбнулся, демонстрируя щербатый рот.

— Всё чётко, как на параде, товарищ комендант! Лично проверил.

— Смотри мне, — пробурчал Колубаев и пошёл встречать начальство.

Хромов осклабился и сплюнул. Не жизнь, а каторга. Все, поди, думают, что капитанармусы живут, как мироеды, а тут крутишься сутками, как юла на верёвочке. Матвей побежал на баржу, протиснулся в подсобку для охраны, но вдруг замер. С другой стороны подсобки, прикрыв глаза, лежал на полу его бывший начальник Александр Николаевич Рагузин. Старый большевик дремал или делал вид, что дремлет.

— Товарищ Рагузин, — прошептал Матвей, — чаю хотите? Я тут охране кипяток принёс с катера.

— Чиво? — закашлял, затрясся Рагузин, спросонья не понимая вопроса. — А-а-а, это ты, Матвей? Чё надо?

— Чаю, говорю, хотите? Вон кипяток принёс, охрана попросила, — засуетился Хромов и подал алюминиевую кружку с дымящимся чаем. — Чифирок, прям скажу, а не чай! Пейте, товарищ Рагузин! Намёрзлись, поди?

— Да, не жарко тут, — сморщился Александр Николаевич, — а ты, что, Матвей, тоже с караваном пойдёшь?

Матвея аж перекосило. С караваном пойти — назад дороги не будет. Это Матвей Хромов точно знал.

— Эх, Александр Николаевич, вы сами всё знаете, — с горечью сказал Матвей и сплюнул себе под ноги.

— А я как переселенец поеду, видишь, чо со мной сотворили?

Матвей взглянул и похолодел. Внутри баржи было темно, сальный огарок тускло мерцал где-то в углу. Рагузин лежал потому, что не мог подняться. Галифе разодраны, обе руки сломаны в предплечьях. На лице запёкшаяся кровь. Слипшиеся сгустки застыли в ушах и на затылке. То-то он за чаем не тянется — ему нечем взять, переломанные руки не удержат кружку.

— Как же вы так, Александр Николаевич?

— А вот так, Матвеюшка! — вздохнул Рагузин и добавил: — Ты кружку-то поставь рядом со мной, поставь! Пригодится.

Матвей поставил кружку на пол, двинув ногой ближе к Рагузину и побежал наверх, чтобы никто ненароком не увидел, как он беседует с арестантом-вредителем.

Первую баржу загрузили под завязку. В ней находились ровно три тысячи девятьсот человек. Остальные две сто будут догружены завтра. Вторая баржа тронется следом за первой, но партия и правительство поставили перед органами главную задачу, чтобы первая баржа была загружена вовремя. Колубаев ощущал себя героем: ведь именно он справился с погрузкой людей, о чём и не замедлил сообщить товарищу Кузнецову, прибывшему на сайму в окружении большой свиты. Товарища Долгих в толпе начальства не было.

— Товарищ Кузнецов, докладываю! — заорал Колубаев, как резаный.

— Да замолчи ты, Колубаев, чё орёшь, как корова при отёле? — Отмахнулся Кузнецов и повёл свиту на берег, прямо по обрыву. Высокие чины скользили по влажной от росы земле, бросая взгляды на начищенные сапоги, чертыхались, а некоторые сплёвывали от досады.

— Кузнецов, ты который день не можешь баржу отправить! Расскажи нам, по какой причине? — язвительно спросил пожилой мужчина в строгом френче. У него были самые шикарные сапоги — лайковые, форсистые, в гармошку. Кузнецов вытянулся по стойке «смирно».

— Товарищ проверяющий, разрешите объяснить суть причины, — начал Кузнецов, но мужчина во френче небрежно махнул рукой. Мол, что ты нам сказки рассказываешь.

— Формированием каравана по заданию партии и правительства занимались Чусов с Рагузиным, где они? Почему их нет? Я только что с самолёта, ещё не слышал докладов.

— Товарищ проверяющий, Чусов с Рагузиным оказались вредителями советского строя, вчерашним днём они были задержаны органами ГПУ! — лихорадочно отрапортовал Кузнецов, наблюдая за реакцией проверяющего.

Этот франтоватый мужчины прибыл утренним самолётом из Москвы. Говорят, что он помощник самого Ягоды, его даже товарищ Долгих побаивается. В Томске не ждали проверяющего; у него внеплановый визит, а к полудню должен прилететь из Новосибирска сам товарищ Эйхе, чтобы принять отчет за срыв сроков отправки первого каравана.

— Почему не доложили? — Засверкал золотой оправой проверяющий. — Почему я узнаю об этом в последнюю мину-

ту перед отплытием каравана? Кузнецов, твою бога душу мать, я тебя спрашиваю?

— Так точно, товарищ проверяющий!

— Что — «так точно», Кузнецов? Что? — взбесился проверяющий и застучал сапогом, но под ногами была глина. Он покачнулся, чуть не упал, но удержался, хоть и с большим трудом.

— Так точно! — мёртвыми губами прошелестел Кузнецов, не понимая, чего от него добивается высокий чин из Москвы.

— Не «такточно!»! Не при царском режиме! Где Рагузин, я спрашиваю? Где он?

Утренний ветерок разнёс визжащий голос по водной глади. Кузнецов, Колубаев, вся свита молча ждали, когда его отголоски затихнут.

— В органах ГПУ, товарищ проверяющий!

— Нет его там, Кузнецов, не ври, — выдвинулся из свиты кто-то из местных, — я сам проверил. Его сюда пригнали. Ночью.

«Это горсоветовский гад, подхалим, сволочь, уже подшустрил, проверил изоляторы, — подумал Кузнецов, — как же его фамилия? Надо хоть в лицо запомнить!»

— Вы хотите сказать, что старый большевик, коммунист, прошедший царскую тюрьму и каторгу, находится на барже среди уголовников и лишенцев? Так, Кузнецов? Отвечай, когда тебя спрашивают!

— Нет, товарищ проверяющий, да, товарищ проверяющий, не знаю, товарищ проверяющий, — захлёбывался от страха Кузнецов, мысленно проклиная тот день, когда ему предложили возглавить конвойную службу вместо Чусова.

Группа сопровождающих, состоявшая из местных руководителей разных служб, мысленно попрощалась с жизнью.

В сущности, каждый думал о собственном конце, но мысль была общей. Все уже знали, что произойдёт дальше. После начальственного распекаания наступит развязка и начнут искать виновных в задержании старого большевика Рагузина, затем выяснится, что виноваты все присутствующие.

Кузнецов замолчал. Пауза затянулась. Проверяющий из Москвы счищал грязь с одного сапога другим, франтоватое голенище задралось, шикарные галифе выпачкались, приведя в состояние ужаса всю группу начальственного состава, молча наблюдавших за нервными действиями комиссара.

— Хромов, где находится товарищ Рагузин? — рявкнул Кузнецов, высмотрев за спинами присутствующих расторопного каптенармуса. Комендант каравана решил переложить ответственность на крайнего, и хорошо, что под руку попался Матвей Хромов, он всегда всё знает. О чём ни спроси — мигом ответит, не дослушав. Пусть проверяющий переключится на Матвея, и тогда весь спрос с него будет. Если Хромов не дотумкает, как ответить начальству, то загремит по этапу или под расстрел пойдёт.

— А товарищ Рагузин на барже, чай пьёт, — выдвинулся вперёд Хромов, радуясь, что не обмишулился. Ведь как чувствовал, когда предложил чаю бывшему начальнику, что пригодится ещё чахоточный каторжник. Не промахнулся каптенармус Хромов, всё правильно рассчитал. Рагузин пригодился.

— Привести? — Матвей уже бежал к трапу.

— Пулей! — скомандовал проверяющий, засовывая грязные перчатки в карман френча. — Срочно доставить!

— Колубаев, доставить! — проревел счастливый Кузнецов. — Срочно, Колубаев!

Колубаев, спотыкаясь и падая в глину, побежал к барже, стремясь опередить выскочку Хромова, но тот успел раньше. Одним прыжком преодолев две ступеньки, Матвей стремительно взлетел вверх. Колубаев поскользнулся на мокром трапе и шумно обрушился в воду. Два охранника, путаясь в длиннополых шинелях, бросились вытаскивать Колубаева.

— Кузнецов, охрана экипирована безобразно! Сегодня поставлю вопрос на совещании! — продолжал злиться высокий чин, нервно похрустывая суставами пальцев.

— Вещёвка доставлена, товарищ проверяющий! Сегодня переоденем! — заикаясь от страха, едва выговорил побледневший Кузнецов.

По трапу уже спускался Хромов с лежащим на плече Рагузиным. Охранники, бросив мокрого Колубаева, принялись помогать Матвею. Проверяющий долго вглядывался в избитого Рагузина, затем негромко произнёс: «Как же ты, Сашка, смог допустить такое? Со всех шкуру спущу! В машину его!» Проходя мимо тела расстрелянного Чусова, проверяющий сказал: «А этот, почему валяется на виду у всех? Опять нарушаете?»

— Выкрикивал антиреволюционные лозунги, товарищ проверяющий! — натужно просипел окончательно потерявший голос Кузнецов.

— Немедленно оформите формуляр на умершего! Недопустимо нарушать ревзаконность! За отчетность строго спросим. Отправляйте первую баржу! Вторую оставьте на завтра!

Проверяющий не стал ждать, когда отправится в далёкий путь первая баржа. Вскоре машина с высокопоставленным лицом отбыла в сторону Томска. Остальная группа расселась по другим машинам, и вся процессия медленно двинулась сле-

дом, чтобы не обогнать первую, в которой находились высокий чин и Рагузин. Кузнецов вытирал пот со лба, но испарина всё проступала и проступала.

— Матвей, у тебя спирт есть?

— Есть, товарищ начальник конвойной службы!

Хромов вытащил из кармана медную фляжку с ловкостью фокусника и протянул Кузнецову, предварительно отвинтив крышечку. Кузнецов опрокинул фляжку в рот и залпом вылил в себя содержимое, затем бросил фляжку Хромову, и, выдохнув, сказал:

— Ты, Хромов, остаёшься здесь! В Томске. Будешь у меня помощником. Колубаев, пошёл!

Матвей, глядя на отплывающую баржу, потискал в руках фляжку. Знать бы, где упасть, две фляжки захватил бы. Выпить хочется, мочи нет. Хромов посмотрел на небо. Совсем светло стало. Радостный будет денёк. Сердце Хромова буйно билось от радости, и это буйство не залить спиртом. Нет, хорошо, что одну фляжку взял. Вторая была бы лишней.

Глава четвертая

Кузнецов жестом подозвал Колубаева. Молча смотрел, катая желваки, пока тот бежал, прижимая к боку кобуру. Мускулы на лице Кузнецова ходили ходуном. Ему неприятен был помощник, слишком расторопный, не в меру. Как бы не подвёл.

— Слышь, Колубаев, вот чо скажу, — начал Кузнецов, но Колубаев перебил его, брызгая слюной от нетерпения: «Знаю, знаю, баржу отправляем! Сейчас дам сигнал!»

— Да не семени ты, Колубаев, помолчи! — отрезал Кузнецов. — Тут вот какая беда, представитель края в Колпашево товарищ Белокобыльский прислал телеграмму, что у него нет

спецпоселений, готовых принять этих мазуриков, — кивнул Кузнецов в сторону барж. После недолгого молчания добавил: — Товарищ Белокобыльский готов нести ответственность за свои слова, о чём подчеркнул в телеграмме. Это плохо. Это значит, что край не готов принять спецпереселенцев. Нет там места для переселенцев. А нам их девать некуда!

— А что ж делать-то? Вроде край большой, — развёл руками Колубаев.

— Не знаю, что делать. Край большой, а кругом тайга, селить людей негде и некуда. Товарищ проверяющий из Москвы дал команду отправить первую баржу. Нам-то что — мы отправим! А вот что дальше будет делать товарищ Белокобыльский, это его личная ответственность перед партией и правительством.

С Оби прибежал весёлый весенний ветерок. Утро близилось к полдню. Баржа стояла на месте, издавая глухой тоскливый вой.

— Ты вот что, Колубаев, без лишней надобности нигде не останавливайся! Прямиком жми до Александро-Ваховской коммандатуры. Если товарищ Белокобыльский будет останавливать на пути, дуй дальше! Народ нигде не выпускай до места назначения. Нечего! Пусть сидят в трюмах. И не очень-то их корми. А то задрищут всю баржу, потом не отмоём. Всё понял?

— Понял, товарищ начальник конвоя! — звонко отрапортовал Колубаев. — Так точно!

— Ну, то-то же, — проворчал Кузнецов, — ты телеграфируй мне, если что. Сначала мне, а потом по инстанциям, понял?

— Так точно, товарищ начальник конвойной службы! Не впервой нам.

— Впервой, Колубаев, впервой! До этого одних раскулаченных возили. С ними тяжело, но всё-таки они народ к тяготам

привычный, а с этими, что прикажешь делать? Они и работать не умеют, и мыться не хотят, а чуть что, сразу болеют и мрут сотнями. Намучился я с ними, Колубаев, мочи нет! Иди, давай гудок. Отправляй баржу!

— Так точно! — проорал Колубаев и бросился вниз к реке.

Матвей Хромов стоял поодаль и мысленно молился неведомому богу, спасшему его от неминуемой доли. То, что он услышал сейчас, не лезло ни в какие ворота. Оказалось, что этих несчастных людей везут неизвестно куда. Край не готов принять даже четыре тысячи, а завтра вдогонку отправят ещё две, а за месяц должны принять ещё двадцать пять тысяч, и в течение года все полмиллиона. Куда ж денут этих людей, неужели, на берег выбросят? Так ведь не лето, ранняя весна ещё, холодная, до лета далеко. «У них запас на два месяца, — вдруг повеселел Хромов, — я ж им хлеба в расчёте 700 грамм на человека погрузил, там сухари, крупа, консервы. Вещёвкой обеспечил. Не пропадут!».

Успокоившись, он вприпрыжку побежал вслед за товарищем Кузнецовым. Того ждала машина под брезентовым верхом, надо было спешить на доклад к товарищу Эйхе. Единственный человек, которого в Томске иногда называли по имени-отчеству был Роберт Индрикович Эйхе, латыш и старый большевик. Именно он распоряжался всем и всеми в Сибирском крае. Это от него зависела судьба каждого и любого человека в Сибири, начиная от самого никудышнего, заканчивая ответственным партработником, включая самого товарища Долгих. Хромов сел на переднее сиденье, как и положено денщику. Главное, не лезть на глаза и всегда быть под рукой. Тогда всё будет хорошо. Хромов улыбнулся и полез в вещмешок. Там были наструганы куски хлеба с мясом. Самое время перекусить; начальник устал, пока загрузил баржу.

— Товарищ начальник конвоя, разрешите предложить?

Перед носом Кузнецова возник ноздреватый кусок хлеба, свежайшего, будто прямо сейчас из печи, с большим куском отварной говядины. Кузнецов сердито отмахнулся, но закуски взял. «Расторопный он, этот Матвей Хромов, не даст помереть с голоду. Надо поесть перед докладом, а то ещё на голодный желудок что-нибудь не то брякну!» — подумал Кузнецов и вонзил зубы в мясо, чуть не захлебнувшись от пряного аромата. В управлении Кузнецова ждали с докладом. В Москву уже отбили телеграмму с боевым рапортом, что первая партия переселенцев в полном составе отбыла в спецпоселения Александро-Ваховской комендатуры.

* * *

С этого дня начались тяготы нового похода. На барже было ещё хуже, чем в поезде. Женщины часто ругались между собой, понуждаемые изнурительным голодом. Истеричные голоса, не сдерживаемые присутствием мужчин, часто срывались на визг и кликушество. Галина старалась не обращать внимания на распустившихся женщин, понимая, что многие впали в болезненное состояние и это не женщины кричат, это голод в них беснуется. Многие утратили чувство реальности. Обезумевшие глаза горели, как уголья. Казалось, поднеси спичку — и вся баржа взорвётся, настолько сильным был стусок общей человеческой энергии, подпитываемой голодом. Галина стала бояться людей, приучилась спать чутко, сторожа каждый шорох. Кроме голода мучило отсутствие ёмкостей, у переселенцев не было ни кружек, ни чашек, ни ложек. Конвойные спускали ведро воды на верёвке, затем ждали, пока люди на-

пьются, и тянули ведро наверх. «Если бы хоть какая-нибудь посудина!» — изводилась Галина, мучаясь от жажды. Тогда можно было запастись глотком воды, чтобы смочить пересохшие губы. О мытье не было речи. Дизентерийные умирали ежедневно, трупы выбрасывали на берег. Нечистоты скопились на полу, на людях, засыхали коростами, которые безжалостно раздирались отросшими ногтями, похожими на когти.

Галина заметила её сразу. Кружка лежала на боку, немного помятая с одного бока, но в целом изумительно хороша, ни одна расписная чашка тончайшего фарфора не могла сравниться с ней. Галина осторожно присела рядом, и, прикрыв телом бесценный подарок судьбы, обвела взглядом помещение женской половины баржи. Лишь бы никто не увидел, что она прячет. Мизгирь со своей свитой остался на мужской половине. Здесь поселили одних женщин, разлучив семейных. Жёны тосковали по брошенным мужьям, многие выли, другие молча плакали, но все смотрели в одну точку. Рахима тихо скулила неподалёку, тревожась о судьбе мужа. Галина, припрятав кружку под дерюжкой, обняла плачущую женщину.

— Рахима-апа, не плачь! Ничего с Ильдаром-абыем не случится, — шептала она, поглаживая Рахиму-апу, но та ожесточённо мотала головой, мол, случится. Никогда они не разлучались, всегда были вместе, Ильдар-абый, что малое дитя. За ним уход нужен. Рахима не понимала по-русски ни одного слова, но в трудную минуту всё было понятно без перевода. Галина беспомощно оглянулась. Лекпома бы позвать, но все женщины заняты своими страданиями, на чужую беду ни у кого не осталось сил. Места на барже не было. Женщины сидели и лежали одна на одной, чтобы пройти небольшое рас-

стояние, нужно было протискиваться сквозь тела или идти по головам. Галине и Розе досталось хорошее место, рядом с помещением для охраны. Вход был заколочен, зато сквозь доски виднелись узкие щели. В случае чего можно достучаться до них. Вдруг Галина заметила беременную женщину, лежавшую между рядами тел, она была без сознания. Галина, не слушая ругательства, сыпавшиеся на неё со всех сторон, перетащила бесчувственную женщину к стене. Рахима-апа охнула и, причитая, принялась приводить незнакомку в чувство.

Вскоре выяснилось, что Зоя Сильвестровна Чусова, жена вредителя социалистического строя, находится на восьмом месяце беременности и у неё сильный токсикоз. Галина прислушалась к себе, может быть, чужая беременность поможет определить, что стало с её собственным ребёнком. Но нет, всё было спокойно. Никаких признаков беременности. Внутри Галины было сухо и натянуто, как обледеневшее бельё, вывешенное на просушку в сильный мороз. Может быть, именно поэтому Галина все оставшиеся силы принялась тратить на Зою. Роза была рядом, исхудавшая девочка не плакала, не жаловалась и, как могла, помогала ухаживать за беременной женщиной.

Отчалившая баржа тихо поскрипывала на обских просторах, иногда её заносило, и тогда хрусткие льдины бились об обшивку, словно стремились проникнуть в нутро каждого, кто находился на ней. Днём всё внимание Галины было поглощено Зоей, настолько невыносимыми были страдания несчастной женщины. Вдвоём с Розой они ворочали бесчувственное Зоино тело, не позволяя ей умереть. Зоя на некоторое время оживала, двигала онемевшими руками и ногами, вяло улыбалась, но не понимала, где находится. Часто звала мужа, какого-то Фрола, Свет-

ланку. «Светланка, это дочка, наверное, Егор муж, а кто такой Фрол? — мучилась догадками Галина, поглаживая разбухший Зоин живот. — Хоть бы она очнулась на минутку, да рассказала, кто такая и откуда. Сразу видно, что птица высокого полёта. Ногти чистые, кожа белая, холёная, волосы густые. Как её занесло на баржу к спецпереселенцам?» Так они и сидели почти друг на друге, связанные одним дыханием на четверых. Рахима-апа, Зоя Сильвестровна, Галина и Роза, маленькая девочка, которую мама легкомысленно отправила за кипятком на узловой станции. От сильнейшего голода сводило скулы и мышцы, кожа закручивалась стружками, в глотке скрипело и сдавливало. Воды и хлеба не давали со времени отплытия баржи.

Охранники коротали время наверху, а впереди тужился небольшой катерок с комендантом на борту. Вся охрана находилась на катере. Галина не понимала, когда они менялись и каким образом, но потом догадалась, что охранники были одни и те же — двое немолодых крестьян с ружьями — остальные веселились на катере. Баржа словно отделилась не только от катера, но и от всего мира. Всем на барже заправляли два охранника, они жгли костёр наверху, часто разговаривали с уголовниками, решая с ними какие-то дела. Хлеб выдавали лично Мизгирю, а воду переселенцам передавали в ведре, зачерпывая её ведром из Оби. Воды не хватало. Всем хотелось пить. Хотя сырая вода губительно действовала на истощённых людей, переселенцев как косой косила дизентерия, но и не пить было нельзя, тогда умирали от обезвоживания. Галина весь день молилась, чтобы не заболеть, иногда она слышала, как Рахима-апа и Роза молятся на татарском, и только Зоя молчала.

Чусова очнулась и лежала на боку, прижав живот к стенке, удивляясь, как она могла себя плохо чувствовать в обжитой ухоженной квартире. Там были все условия для беременности, вода, горячая и кипячёная, здоровая и сытная еда, тепло и уют. Рядом заботливый муж. Куда всё делось? Хватило трёх дней, чтобы вся благополучная, годами выпестованная жизнь рассыпалась под напором политических обстоятельств.

— Зоинька, попей водицы, — уговаривала Галина, подсовывая кружку к пересохшим губам беременной женщины.

— Не хочу, — прошелестела Зоя и так же сухо заплакала, без слёз, но надрывно, словно прощалась с жизнью.

Галина уже знала судьбу несчастной Зои, и как забрали мужа, босого, в одной гимнастёрке, и что дочку куда-то увезли, куда — не сказали, может, прибили, и про Фрола — верного слугу и друга семьи. Зоя сокрушалась, что, скорее всего, их сдал Фрол, но до конца не верила в это: слишком хороший человек был мужнин денщик. Фрол Панин не мог написать донос на Егор Палыча. Это невозможно. Теперь за Зою заступиться некому, в Москве у неё никого нет, все умерли. Галина слушала и вздыхала — у неё-то муж живой, значит, есть, кому за неё заступиться, но больно уж далеко увезли её, даже на карте не отыскать это место.

Вода плескалась за деревянной обшивкой, напоминая женщинам, что природа жива, она разлита везде — в воздухе, в воде, в тайге. Слушая мирный всплеск за бортом, Галина начинала верить, что всё как-то устроится, не могут же люди быть друг другу врагами? Но хорошее настроение мигом улетучивалось, как только женщины начинали драку из-за кусков хлеба, швыряемых сверху уголовниками. Те развлекались, отламывая куски от пайков и бросая в трюм, чтобы вдоволь посмеяться над изголо-

давшимися людьми. Галина тоже вставала в очередь и пыталась поймать куски побольше. Дважды ей перепало при раздаче, разгорячённые женщины ударили в спину и несколько раз по голове. Спина надломилась от ударов, теперь позвоночник не выдерживал долгого сидения на полу, да и лежать было тяжело, но Галина вставала на четвереньки, затем заставляла себя разогнуться, чтобы продолжать бороться за кусок хлеба. У неё был смысл для борьбы, она была не одна. Если бы не она, Рахима, Роза и Зоя давно бы умерли от истощения.

Ещё Галина заметила, что давно не мечтает о нормальной жизни. Она поняла, что нет её, той нормальной жизни, а есть только та, где надо бороться за каждый глоток воздуха, за каплю речной воды, за корку хлеба, за право остаться человеком. В памяти смазались мелочи быта, те самые, которые когда-то составляли для неё полноценную картину жизни. Забылись шторы, которые она подшивала, ползая по полу с иголкой и ножницами, кухня, чисто вымытая и вкусно пахнущая, весёлые оборки на летнем платье, небольшой парк в центре Ленинграда, где они гуляли с Гришей по вечерам. Всё забылось. Осталось лишь жгучее желание выбраться из баржи, добраться до любого населённого пункта, чтобы увидеть хотя бы одно человеческое лицо. Желание выжигало душу, доводя до исступления. Мыслей не было. Иногда казалось, что она утратила способность думать. И ещё ни на минуту не отпускало ощущение, что она находится среди зверей, хотя, они не виноваты, что стали такими. Они не могут помочь друг другу, ничем, у них ничего нет. А ведь способность помочь другому делает человека человеком. Лишенцев заставили забыть, что они люди, отняв возможность сострадать ближнему. Галина при-

жималась губами к мягкому Зоиному животу и слушала, как бьётся внутри маленький человек.

— Слышишь её? — шелестела Зоя распухшими губами. — Это девочка. Дочка. Любонька.

— Красивое имя, — кивнула Галина. — Любовь! Люба. Любочка. Давно выбрали?

— Сразу, как только поняла, что беременна. Муж хотел ещё одну девочку. И обязательно Любочку.

— А как узнали, что у вас будет девочка? — Станный вопрос. С первого дня беременности Галина тоже знала, что у неё родится дочка. Женщина всегда чувствует, кто лежит у неё под сердцем.

— Кто ж это знает, как-то само собой узнаётся, — вздохнула Зоя и снова заплакала. — Как же я рожать буду? Здесь даже воды нет. Кругом грязь. Ни пелёнок, ни одеяла. Кто роды у меня примет? Страшно мне, Галя, очень страшно!

Галина смотрела перед собой, думая, что стала, как те, другие женщины. Они тоже смотрят в одну точку, пытаясь разглядеть в ней что-то важное.

— Зоя, я попрошу охранников. Они за стенкой ночуют. Ночью меняются, наверху-то спать холодно. Это же север. Днём жара несусветная, а ночи ледяные. На реке ледоход. Кто-то говорил, что в Колпашево ещё навигация не началась. Нас рано отправили. Ты не плачь, Зоя! Все мы здесь обездоленные. Как-нибудь...

На этом «как-нибудь» они задремали, но всё-таки прислушивались к шорохам в подсобке охранников. Когда там шумно завозились, устраиваясь на ночлег, Галина робко постучала в щелястую стену.

— Эй, вы там, послушайте, у нас тут женщина на сносях! Ей скоро рожать. Вода нужна, марля, бинты, одеяло. Дайте хоть что-нибудь! Лекпома пришлите. На катере фельдшер есть.

В подсобке притихли, затем шуганули Галину отборной руганью:

— Щас как дам тебе бинты, сразу за лекпомом побежишь! Спице, давайте! А то сверху конвоир придёт и сам роды примет! — заржал мужчина, грохнув для остротки ружьём. С катера послышалась песня: «Крутится-вертится шар голубой, крутится-вертится над головой!». От голода ли, от чужого веселья ли, Галине показалось, что её закрутило по барже, но она крутилась внутри себя, в голове всё смешалось, лица плясали, подпрыгивая в лихорадочном вихре, стены уплотнялись и сжимались, затягиваясь в плотный узел. Она догадалась, что умирает, что из этого узла нет выхода. Сейчас петля затянет-ся. Туже, ещё туже. Все здесь умрут. На одной барже. В разных трюмах. А рядом будут петь песни и веселиться. И вдруг что-то дёрнулось под рукой, ещё и ещё раз, Галина приподняла ладонь: да это же чужой росток рвётся к жизни, на волю просится. Усилием воли она вырвала себя из тесного зажима стен, и голова перестала кружиться, сознание обрело ясность.

— Эй, воды давай! Ребёнок на подходе!

Галина изо всей силы грохнула кулаком по обшивке, но удар получился слабый, тогда она приникла к стене и завывла так, что вся баржа вздрогнула, а на катере подозрительно притихли.

— Вот чума! Кончай выть! — проревел конвойный. Голос донёсся откуда-то издалёка. Галина приникла ухом и поняла, что щели несквозные, доски набиты друг на друга. «Боятся нас, закрылись, — подумала она, — набили досок в пять рядов. С ружьём-то все смелые!»

— Щас, спустят вам воду. Нет на вас Мизгирия, дуры-бабы! Конвойный ещё долго ворчал, сетуя, что на женской половине нет жоака вроде Мизгирия.

— С ним вон как спокойно, мужики от одного взгляда мрут, и ружьёв не надо!

Ведро с водой спустили на верёвке. Как ни странно, но обезумевшие от голода женщины спокойно пропустили мимо себя драгоценную влагу. Никто не дёрнулся. Все нашли в себе силы сострадать Зое Сильвестровне, истощённые измученные женщины ещё сохранили в себе частицу материнского инстинкта. Каждая вспомнила, как рожала, нерожавшие прощались с мечтой о ребёнке, пожилые жалели Зою, а те, что помоложе, качали головами — что-то будет с ребёнком. В грязи и нечистотах, на залитом кровью и испражнениями полу родится новая жизнь, но зачем? Для чего? Женщины старались не смотреть друг на друга. Они знали ответ. И было страшно от того, что они всё знают, и что станет с Зоей, и с ребёнком, и с ними, и со всеми, даже теми, кто поёт сейчас песни на катере.

На какое-то время Галина забыла, где находится, настолько поглотили её Зоины роды. Роженица страшно мучилась, но не кричала, не стонала, стойко терпела мучения и лишь смотрела на Галину молящим взглядом, как на бога. Зоя знала, что умрёт, и очень хотела умереть, но зов другой жизни был сильнее, и она мужественно боролась с собой, чтобы не умереть раньше, чем ребёнок появится на свет. Крупный пот катился по нежному красивому лицу, спутанные волосы превратились в лохмы, рот безобразно корчился от судорог.

— Потерпи, миленькая, потерпи, она уже идёт, дочка твоя, — шептала Галина, трясясь от страха. Она впервые столкнулась

с родами, толком не знала, что делать, как поступить, но поступала и делала всё правильно, повинувшись древнему инстинкту самосохранения. Наконец в трюме раздался детский плач.

— Ну вот, слава богу, — сказала Галина и завернула ребёнка в платок, потом легла ничком и перегрызла зубами пуповину, понимая, что после этого ни мать, ни ребёнок не выживут. Под руками ни спирта, ни водки, одна речная вода. Галина отёрла слизь с новорождённой, прикрыла Зою и огляделась. Никто не спал, было темно, в сумраке погасшими углями тлели глаза женщин, с тоской наблюдавших за родами.

— Люба родилась у нас, Любочка — Любовь наша! — сказала Галина и разрыдалась. Она плакала громко, навзрыд, сотрясаясь от ужаса и понимая, что её собственная беременность замерла навсегда, зародыш там, внутри неё, но его уже нет. Когда-нибудь он выйдет наружу, но позже, а сейчас организм скрутило, как тугую пружину: не разжать, не сломать, ни выпустить. Галина плакала, удивляясь, откуда столько слёз в её обезвоженном теле. А когда выплакалась вволю, сразу взяла младенца на руки, чтобы понять, что с ним, как он? Девочка едва дышала. Галина растерялась. Может, к Зоиной груди приложить? Всё легче будет и матери, и ребёнку. Галина взглянула на Зою и охнула. Зоя Сильвестровна была жива, но вся пылала. Адский огонь пожирал Зою изнутри, доводя её тело до состояния кипящего самовара. «Инфекция попала, у неё воспаление, — заплакала Галина без звука и слёз. — Долго умирать будет. Намучается теперь».

Она ошиблась. Зоя и новорождённая недолго промучились. Сначала умерла девочка, и конвойные выбросили младенца на берег, в дрова, заготовленные местными остяками. Зоя умерла позже, через три дня после родов. Несчастную женщину

тоже выбросили, но в реку, ночью, тайком, чтобы на катере не заметили, Колубаев приказал учитывать каждого умершего. Ему нельзя было нарушать отчётность. Необходимо было доставить в спецпоселение ровно три тысячи девятьсот человек. Для сохранения численности спецпереселенцев на всех умерших стали составлять акты. Только в этом случае отчётная цифра не расходилась с реальной. Можно было и отчитаться, но баржа ночью не могла пристать к берегу. Конвойные пошущукались, мол, что делать-то будем, но ничего не придумали, а после сбросили Зою Сильвестровну в оттаявшую Обь.

— Рыбы склюют, — скупно посмеялся один из охранников.

— У них клюва нет, как же они это склюют? — не поддержал шутку второй.

— Ну, птицы склюют! — настаивал первый. — Никаких следов не останется. Весна же! У птиц голод.

— А-а, ну тебя! — В сердцах махнул рукой напарник и ушёл на мужскую половину. Под тяжестью тела Зоя Сильвестровна, неумело растопырив руки, плавно ушла вглубь, стремясь на дно, но течение подхватило её и понесло вниз, по реке, вслед за баржей, унося всё дальше и дальше от новорождённой дочери.

Глава пятая

В отсеке, где находились мужчины, главенствовал Мизгирь. Конвойные полностью доверились ему, он был самым незаменимым человеком на барже. Охранники почти не заходили в трюм, где сидели переселенцы. Те же держались обособленно: одиночки каждый сам по себе, а семейные, разлучённые с жёнами, старались жить ячейками, объединяясь с другими обездоленными. Впрочем, их было не так много. Больше все-

го было одиночек и штрафников, задержанных во время облав в центральных городах. Из-за разного социального уровня и положения эти люди никак не могли сойтись вместе и терпели лишения каждый сам по себе.

Мизгирь пользовался беспомощностью разнородного люда. Сам он втихаря бесился, что ГПУ его обмануло. Мизгирь надеялся отсидеться в Томской тюрьме, а его обманом уpekли сначала на пересылку, а после отправили в спецпоселение вместе с деклассированными элементами. Тот вес и авторитет, которым наделили его конвоиры, не устраивали Мизгиря. Он постоянно скучал. Крупный сорокалетний мужчина, побывавший за годы советской власти во всех мыслимых и немыслимых тюрьмах и зонах, прошедший лагерную закалку с детства среди беспризорников, знавший в совершенстве блатной жаргон, обладавший замашками блатаря и жигана, Мизгирь глубоко презирал беспаспортных мазуриков. Именно этим словом он окрестил переселенцев поневоле. Уголовники, составлявшие свиту Мизгиря, поддерживали все безумные начинания своего начальника. Особенно раздражали Мизгиря дизентерики. Его мучила вонь, исходящая от больных и параша. Именно вонь, доводившая его до бешенства, и стала источником психического расстройства Мизгиря.

В трюме от духоты никуда не деться. В углу, где уголовники устроили себе лежбище, было довольно сносно, конвойные принесли с катера суконные одеяла, карболку и спирт. Лекпом выдал жизненно необходимые товары по накладной, под роспись. На первый взгляд жаловаться не на что, с лежбищем проблем не было, с пропитанием тоже, но переселенцы постоянно мозолили Мизгирю глаза: то умрёт кто-нибудь, то за-

болеет. Да и свои тоже покоя не давали. Китаец вечно скулил, жалуясь на жизнь по-своему, по-китайски. Прижмёт свои ручки к груди и скулит, как заяц — раскосый, хлипкий, разболтанный. Казалось, тронь его хоть пальцем, и он тут же распадётся на мелкие кусочки. Однажды китаец до того надоел Мизгирию своим хныканьем, что тот палкой загнал его под нары.

— Высунешься — убью!

Послышались всхлипывания, охи, ахи, тонкий плач. Мизгирь ткнул палкой в угол, нащупал хлипкое тельце и несколько раз торкнул китайца.

— Не скули, китаёза! Убью.

Мизгирь залез на нары, чувствуя себя уставшим. В голову полезли разные думы, хотелось к своим, на зону, а его везли на принудительные работы на пользу советской власти. Хотя и в поезде, и на барже Мизгирь ощущал себя королём среди человеческого сброда, всё-таки будущее пугало своей непредсказуемостью. Так получилось, что сегодня он в милости у Колубаева, а завтра маятник возьмёт да и качнется в другую сторону. И что тогда делать? Корчевать пни вместе с переселенцами? Было о чём задуматься.

— Нанархосю! Каманарыхоросё, комунизиплехо! — слышалось снизу.

— Ах ты, китаёза поганая! — вскинулся Мизгирь и вдруг закатился от хохота. — Узкоплёночная твоя душонка! Коммунисты тебе не по душе?

Уголовники покатались по нарам, держась за животы, явно переигрывая в подражании блатарю. Мизгирь нахмурился. Надо бы пошабашить немножко. Скоро ужин, а хлеб ещё не распределяли. Мизгирь решительно взялся за дело.

— Ну чё, до восьми ваше, с восьми наше! Комар, дай сюда пайку, делить будем. Бабам отдельно, мужикам отдельно. После восьми наша власть настанет, а до восьми дадим им чего-нибудь. Ну чё там у тебя?

— Вот, принесли два мешка с хлебом. Чё с ними делать-то?

— Один мешок оставь, пригодится. Второй давай сюда!

Мизгирь преобразился. На красном воспалённом лице появилось выражение озабоченности. Больше всего Мизгирь боялся просчитаться. Авторитету ничего не прощают, даже мелких ошибок, а несправедливая делёжка хлеба относится к особо крупным недочётам. Делить надо по-честному, но Мизгирь по-своему понимал честность и справедливость. Беспризорное детство научило его выбирать между правдой и ложью, между чёрным и белым. К белому он относил себя и свою жизнь, а к чёрному всё остальное, включая других людей. Правдой являлась его конкретная жизнь, а ложью жизнь всего человечества. Всё было просто, как в аптеке. Здесь он, Мизгирь, а там, за чертой, остальные. Главное в этой жизни остаться в живых самому, другие пусть заботятся о себе сами.

Мизгирь подумал и отделил из второго мешка ещё половину хлеба. И даже оставшуюся часть ему было жаль тратить на переселенцев. По совести говоря, он не хотел заморить людей голодом, просто каждый должен думать только о себе. Человек добывает себе пропитание, заботится, чтобы не заболеть дизентерией, хлопот о постельных принадлежностях. Если же не смог добыть еду и одежду, сам виноват, тогда и сиди голый и голодный.

Такая простая логика умиляла Мизгира. Он искренне считал себя самым мудрым среди живущих на земле людей. «Если бы я умел писать и читать, то стал бы великим учёным», — да-

леко и высоко уносился Мизгирь в своих заносчивых мечтаниях. Свита была ему под стать. Комар, который уголовную карьеру начал с детских лет, когда беспризорничал, всегда имел бодрый вид и всегда был под рукой. Мизгирь был уверен в нём, как в самом себе. Пёстрый часто задумывался, обычно молчал. Все думали, что он тугоухий. Сивый получил кличку по имени жеребца, когда работал в конюшне. А ведь было такое время, когда человек имел собственное имя и даже работу, но всё давно кануло в прошлое.

Работал Сивый недолго. Заезжие молодцы уговорили его увести лошадей, свалив кражу на цыган. Банду конокрадов задержали вместе с жеребцами на железнодорожном перегоне. Сивый сразу во всё сознался и с тех пор мыкается по тюрьмам и поселениям. На одной из пересылок Сивый приглянулся Мизгирию, с тех пор они вместе кочуют по тюремной Стране Советов. Китаец, несмотря на невзрачную внешность, характер имел скверный, во всё влезал, часто скандалил, и ел за троих. Иногда воровал еду у своих, за что его нещадно били.

К банде примыкало ещё несколько мелких уголовников, исполнявшие роль подручных. В дороге им поручали самую чёрную работу, которую никто не хотел делать: выбросить трупы, почистить парашаи. При делёжке хлеба подручные вели себя смирно, но умильно заглядывали в глаза Мизгирию, и тогда он с ворчанием подбрасывал им добавочные куски. Хлеб, украденный у переселенцев, уголовники, как и в поезде, меняли на табак, спирт или самогонку у конвоиров, те, в свою очередь, меняли хлеб на золото. Все были довольны друг другом. Конвойные не утруждали себя присмотром за переселенцами, а уголовники жили в своё удовольствие.

Лишь на барже Мизгирь понял, что попал в переделку. Он не рассчитывал загреметь в спецпоселение. Мизгирь боялся тайги. Поэтому он озлобился и стал ещё больше третировать ссыльных. Мучения придумывал Комар, он был мастером на изощрённые издевательства. Сначала посвящал в свои затеи Мизгирия, и, получив одобрение, бросался исполнять задуманное. Если бы переселенцы объединились и дали отпор уголовникам, их мучения не были бы такими нечеловеческими, но люди не стремились к объединению. Терпеливо страдая, переселенцы все как один погружались в безысходность. Ещё в поезде все научились смотреть в одну точку. Что они там видели, никто и никогда не узнает. Они унесли эту тайну с собой.

Люди, попавшие в переселенцы по воле недобросовестных исполнителей в центре страны, медленно шли на дно человеческого бытия. Они умирали ещё до наступления смерти. Люди постепенно становились животными. Все инстинкты и отправления, обычно скрывааемые человеком, приходилось проявлять на виду у всех. Так постепенно отпало чувство стыда. Никто и никого не стеснялся. Одежда пришла в негодность, на ней топтались, ею укрывались, на ней ели то, что бросал Мизгирь. Вода была редким благом. Все знали, что вода превращается в яд, попав в организм, она заносит инфекцию, но все пили, потому что другой воды не было. Комар, видя, что Мизгирь скучает, выдумал новую забаву. Уголовники решили измерить длину половых членов у переселенцев. Полуголодных поникших людей заставили встать в две шеренги. Измученные люди, плотно стиснутые друг другом, с тоской смотрели на ухмылки и оскалы вызверившихся палачей. В глазах у людей не было страха, только тоска. Вероятно, благодаря мучитель-

ной тоске люди не взбунтовались, не набросились на горстку мучителей, а покорно ждали своей участи. Китаец и Комар заставили мужчин раздеться ниже пояса, потом долго ходили и топырили пальцы, измеряя и демонстрируя величину и размер детородных органов. Когда Мизгирю надоело смеяться, он дал знак, чтобы переселенцы легли на пол. Полураздетые люди послушно исполнили его волю, а когда они легли, уголовники помочились на них.

Забава Мизгирю понравилась, она его развлекла, но вскоре он снова заскучал. Ему хотелось на катер. Там песни и хорошая еда, приятные беседы в хорошей компании, анекдоты и байки. Уж он-то смог бы развеселить Колубаева. Мизгирь стиснул зубы. Как же добраться до него? От этого человека зависела его собственная судьба. Либо Мизгирь сгниёт на лесоповале вместе с беспаспортными, либо Колубаев отправит его на зону. Там Мизгиря встретят правильно, он станет авторитетом. Только вот, как добиться того, чтобы Колубаев не воспротивился отправке? Мизгирь ломал голову над такой сложной задачей.

Катер весело приплясывал на Обских просторах, и ему не было дела до мучительных раздумий Мизгиря, а баржа погрузилась в дрему. Никто не понимал, что там, за бортом. Время определяли по пересменке конвоя: если охранники меняются, значит, наступила ночь, или уже рассвело. Погоду тоже определяли по температуре — если начинали задыхаться и кто-нибудь умирал от удушья, значит, распогодилось, весна в разгаре, солнце в зените. Баржа напоминала газовую камеру, люди умирали от собственных испарений. Выходить наверх имели право только Мизгирь и его свита, охранники не противились, если они вылезали из трюма. Остальные знали,

что их пристрелят, как только они появятся наверху. Никто не протестовал, не требовал бумаги, чтобы написать жалобу, не ругался; все смиренно терпели и так же смиренно умирали, чего и добивался Колубаев. Кузнецов разрешил ему нарушить соотчётность во время путешествия. По умершим в дороге лекпом составит акты общим списком, а выживших доставят в спецпоселения по счёту. Колубаева устраивало такое положение дела. Это ведь не озвучивать поимённый список, вызывая пофамильно, а всего лишь доставить в пункт назначения тот материал, который доживёт до выгрузки в спецпоселения.

* * *

В небольшой комнатке густыми клубами вился папиросный дым. В сизом тумане виднелись два распаренных лица. Мужчины о чём-то ожесточённо спорили, не забывая подливать друг другу в стаканы. Они часто чокались, стекло звенело, угрожая рассыпаться от соприкосновения в прах.

— Ты, Лёха, скажи мне, где справедливость? Где она?

— А на хрена тебе справедливость? Её на хлеб не намажешь. И в карман не засунешь. Врагу ей не пригрозишь! — убеждал Роднин, приставив холодный ствол к щеке напарника. Фрол сдёргивал сталь с лица, словно сбивал с себя паутину, и снова кричал, приближая покрасневшее лицо впритык к Алексею.

— Вот, скажи мне, почему Чусова расстреляли, а Рагузина в Москву увезли? За какие заслуги? Чусов был честный партизнец, а Рагузин пьянь чахоточная! Вот и вся разница.

— Один смеётся, другой дразнится, — обозлился Роднин, — ты не разводи тут контрреволюцию! Рагузин старый большевик, а Чусова застрелили втихаря. Неизвестно кто, на пересылке.

— Да, я, — всхлипнул Панин и умолк.

— Чего — я, чего — ты? — встревожился Роднин и подлил в стакан Фрола мутной жидкости с резким запахом.

— Да не могу я уже пить! Не лезет! — Фрол отодвинул стакан, самогонка выплеснулась на газету.

Роднин долго не мог сообразить, как это не хотеть пить, часто моргая, он пытался обдумать пьяной головой создавшееся положение.

— Ты чего, Фрол, а? Пей, давай! — Алексей поднёс стакан ко рту Панина, но тот резко оттолкнул его руку.

— погоди, Лёха, покурю. — Фрол долго шарил по столу, отыскивая пачку с папиросами.

Потом сидели молча, курили, Алексей прихлёбывал из стакана. Он давно пил самогонку, как воду, потягивая мелкими глотками. На столе, застеленном газетой, стояла бутылка с самогоном, тарелка с окурками, и вторая, поменьше, с хлебом. В углу темнела узкая кровать, на двери скособочилось потемневшее зеркало, два стула выстроились у стены, да с потолка свисала тусклая лампочка. То ли от тусклого света, то ли от чёрной кровати, то ли от сильного перекура, но Фрола раздирало на части от глубокой душашей тоски. Он чесал грудь, раздирая кожу ногтями.

— Фрол, отставить! — рявкнул Роднин и стукнул пистолетом по столу.

— Есть отставить! — легко согласился Панин и перестал чесаться. — Ну, я пошёл?

— Ты тут контрреволюцию не разводи! Пошёл он... Лучше выпьем! — в голосе Роднина звучал приказ. Фрол выдавил подобие улыбки.

— Выпьем!

Снова чокнулись, заскрежетало сдавленное одеревеневшими пальцами стекло, послышалось бульканье.

— Ты, Фрол, не паникуй! Всё херня по сравнению с мировой революцией. Мы все работаем на благо мировой революции, понял? Пока ты этого не поймёшь — будешь мучиться. А мучиться в нашем деле нельзя. Пропадём! Ты пропадёшь! Ты прочитал книжку, которую я тебе дал? Про этого, как его, Томаса Мора?

— Прочитал!

— Чё-нить понял?

— Понял! Этот Мор пишет, что работать на благо коммунизма должны только преступники и энтузиасты.

— Во-о-о-т! Только преступники и энтузиасты! Вот мы и везём деклассированных элементов в тайгу, чтобы они научились работать, а потом стали создавать на благо общества полезный продукт! Мы — настоящие коммунисты, как этот самый Томас Мор! — воскликнул Алексей и налил ещё, со звоном сдвинув стаканы.

— И фамилия у него чумовая, Мор! Заморить всех на хрен, — сказал Панин и осёкся. Фрол смотрел на пистолет и чувствовал, как предательски трезвеет. Он давно заметил, что самогон, спирт и водка действуют на него отрезвляюще. Чем больше он пьёт, тем больше трезвеет, но утром голова раскалывается от невыносимой боли. Алексей пьянел быстро, но пил, не чувствуя крепости напитка. Но даже сильно пьяный, он продолжал трезво оценивать обстановку, находясь в своём привычном мире. Панин боялся Алексея. Роднин славился в органах взрывным характером: сначала натворит дел, потом разгребает. Вот и сейчас сверлит взглядом, словно собирается допрашивать. Опасный он, этот уполномоченный Алексей Роднин.

— Ну, пошёл я, Лёха? — Поднялся Панин, но Роднин осадил его.

— Ты сиди, я сам скажу, когда ты «пошёл»! — скаламбурил Роднин и весело заржал, словно и не вылил в себя полбутылки самогона.

— А чего сидеть-то? Завтра рано вставать!

— У меня есть задание для тебя, Фрол, — помрачнел Алексей и выпил один, не предлагая Панину.

— Какое задание? — насторожился Панин. Он достаточно изучил Алексея Роднина. Если тот не хотел исполнять какое-нибудь неприятное дело сам, то всегда поручал его Панину, а неприятных поручений в последнее время накопилось много. До сих пор не решён вопрос с детьми вредителей советского строя. Никто не знает, куда их девать. Приюты и детдома не справляются с нагрузкой. Дети болеют, умирают, начальство ругается. Проблема давно вышла за пределы ведомства. О ней, явно, уже судачат в очередях, шепчутся на кухнях, обсуждают на домашних посиделках.

— Надо что-то делать, мне тут из детдома звонили, там мест нет, все дети плачут, болеют, спят вповалку, заведующая грозит заявить куда следует, — посетовал Роднин, рассматривая закопчённый потолок, боясь посмотреть другу в глаза.

— Ты что? Я не могу! — Приподнялся Фрол, но Алексей резко осадил его.

— Да я не об этом, — хлопнул по плечу, улыбнулся, — в расход пускать не надо. Распределишь детишек по приютам. В область куда-нибудь отправь. В райцентрах тоже есть детдома. Займись, Фрол! Прямо с утра и займись. На сходку можешь не приходиться. Сразу иди в детдом.

— Так точно, товарищ уполномоченный!

Фрол поднялся, Алексей его не удерживал. Уходя, Панин увидел в зеркале, как Роднин наливает себе самогон. Панин юркнул за дверь, опасаясь, что Алексей окликнет его, чтобы составить компанию, и, пробравшись по длинному коридору, заставленному разной рухлядью, вышел на улицу. Панин всей грудью вдохнул свежий воздух, уловив острый запах весны. Пахло свежестью и новизной, предвещая перемены к лучшему. Фрол усмехнулся. Роднин перевалил на его плечи ответственное задание, с которым не каждый может справиться. Партия и правительство прилагают огромные усилия, чтобы решить проблему с детьми вредителей и врагов социалистического государства. В Томске ещё не построены детские приёмники-распределители, нет воспитателей, нет нянечек, но в будущем всё это будет, а пока придётся поработать.

Фрол заторопился. Надо успеть немного поспать, что-то засиделся у Роднина. Алексей любит выпить. А что ему? Живёт в коммуналке. Семьи нет. Да кто пойдёт замуж за такого пьяницу? Фрол, которому выделили койко-место в общежитии, но в комнату никого не подселили, предлагал ему поселиться вместе, но Роднин отказался. Панину обещали выдать ордер на комнату в коммунальной квартире. Холостым отдельная квартира не положена.

Разгорячённый свежим воздухом, выпитым алкоголем, молодостью и весной, Панин весело подпрыгнул и схватился за ветку тополя. Старое дерево, налитое будоражащими соками, весело спружинило и оттолкнуло Фрола: мол, иди своей дорогой, не трогай меня. Впереди грезилась мировая революция и стройные ряды коммунистов, которые займутся строитель-

ством светлого будущего, а на тяжёлых работах будут трудиться исключительно преступники и энтузиасты. И когда наступит это счастливое время, тогда весь земной шар станет общим домом. Не будет наций и народностей, не будет больных и калеков, все будут молоды и счастливы, как Фрол в эту минуту. Он бежал по улице, торопясь в общежитие и искренне веря, что всего лишь через несколько лет на планете установится эра всеобщего человеческого счастья.

Глава шестая

Это был не совсем детдом, а приют для детей; официально он назывался Домом ребёнка. Сюда доставляли детей родителей-лишенцев, тех, кого арестовали, расстреляли, выслали, переселили. Ведь только раскулаченных высылали вместе с детьми, а об остальных детях, оставшихся без родителей, должно было заботиться государство. Официально детских приёмников-распределителей ещё не создали, но детей, осиротевших по воле Советского государства, всё прибывало. В январе вышло постановление о борьбе с беспризорниками, в котором основная работа по борьбе с этим злом была возложена на органы ГПУ и являлась одной из первоочередных ведомственных задач.

Фрол свернул на Барнаульскую улицу; здесь, в одноэтажных деревянных корпусах, скопилось много детей-сирот. Вечера заведующая звонила начальству и жаловалась, что навезли детей сверх нормы, кормить их нечем, нянечек не хватает. Начальство приказало уполномоченному Роднину разобраться с сиротами и беспризорниками, но тот перепоручил задание Панину, а Фролу не трудно. «Лучше детьми заниматься, чем производить обыски да сопровождать арестованных до ма-

шины», — думал он, огибая свежую лужу. Ярко начищенные сапоги блестели на утреннем солнце. Фрол любил во всём порядок, на службу ходил аккуратно, стрелочка к стрелочке, козырёк к переносице, всё ровненько.

В том, что в Доме ребёнка творится беда, понял сразу, как только поднялся на шаткое крыльцо. Детский плач разных тембров и тональностей, от визгливого и протяжного, до требовательного и пронзительного, пробирал до нутра. Фрол поморщился, но справился с раздражением. Дети на то и дети, чтобы плакать и жаловаться на ранние горести. В приёмном покое повсюду сидели, лежали, валялись, спали дети. Полная женщина в белом халате едва успевала подойти к одному, как тут же разревелся тот, кого она только что оставила. Увидев человека в гимнастёрке, женщина заплакала:

— Наконец-то! Я уж думала, никто не придёт. Посмотрите, что наделали ваши люди. Привезли детей, оставили, а мне что делать? У меня питания нет, белья тоже, кровати все заняты. Что мне делать, а?

Женщина схватила Фрола за рукав гимнастёрки и разрыдалась.

— Да что вы, да ладно вам, да щас всё устроим! — забормотал Фрол, пытаясь отцепить женскую руку от рукава гимнастёрки.

— Куда вы их увезёте? — взвизгнула женщина — В детдоме тоже нет мест. Я уже всем позвонила. У них то же самое творится. Вы чем там думаете в органах? Это же дети!

— А вы чем думаете? — зло прищурился Панин, и женщина сникла. — Поосторожнее на поворотах! Как звать-то?

— Нина Яковлевна я, — женщина поняла, что сморозила страшную глупость. — Простите меня, пожалуйста! Я устала. Уже неделю не сплю. Не знаю, что делать с этими.

Нина Яковлевна кивнула на копошащихся у ног детей. Фрол тоже посмотрел под ноги. Все дошкольного возраста, начиная от младенцев, и все не кормлены, хотят пить и спать. И у всех без исключения усталый вид, как у старичков. Фрол вздохнул. Что с ними делать-то? Куда такую ораву девать?

— Нина Яковлевна, у вас есть на примете здание, куда бы могли переместить всех детишек? В городе много заколоченных домов. Я сам видел.

— Наши корпуса все заняты, — со вздохом сказала Нина Яковлевна, — но в конце улицы есть брошенный дом, вот бы нам его отдали! Впрочем, дом надо отапливать дня три, пока нагреется. Промёрз за зиму-то. Деревянный, чай, но печи там исправные. Эх, если бы туда всех переселить, так у нас лишних кроватей нет.

— Об этом не беспокойтесь. Кровати, мебель, питание и вещёвку достанем. А вот истопника где взять? Нужен опытный.

— А с этим проблем нет, — всплеснула руками Нина Яковлевна, — у нас конюх есть, он умеет с печками обращаться.

— Тогда ищите нянечек, а я с конюхом поговорю, — сказал Фрол и осторожно, отдирая от ног прилипших детей, медленно направился к выходу.

— Флолфлолфлол, а де мама, де мама, де мама? — раздалось откуда-то сбоку. Панин взглянул и обмер. У стены на корточках сидела Светланка Чусова, трёхлетняя дочка Егор Палыча, чумазая, заплаканная, голодная. Панин бросился к ней, поднял на руки, посмотрел в голубые глазёнки и прижал к себе, стараясь скрыть слёзы от Нины Яковлевны. Девочка цепко обхватила его за шею. Не оторвать.

— Светланка, мама потом придёт, потом, — пробормотал Фрол, с трудом сдерживая рыдания. До сих пор он и не знал, что может расплакаться от сострадания.

— Товарищ уполномоченный, а кто вам эта девочка? — строго спросила Нина Яковлевна, протягивая руки, чтобы забрать Светланку.

— Она моя, моя Светлана, это Светлана Панина! Она тут случайно. Я её с собой заберу. Где пальтишко?

— Нет у неё пальтишка! У неё ничего нет, прямо раздетую привезли, — проворчала Нина Яковлевна, снимая с плеч пуховый платок, — на вот, укрой девочку. Простудится!

Фрол закутал Светланку в платок и вышел на улицу. Так они и ходили весь день по учреждениям, помощник уполномоченного в гимнастёрке с девочкой на руках. За день Фрол успел много: и помещение выхлопотал, и телефон там успели установить, и мебель привезли, и печи растопили. К вечеру брошенный дом прогрелся, к тому же весь день с неба лилось щедрое солнечное тепло, внутри дома пылали печи, на кухне готовилась детская еда. К вечеру на телегах перевезли детей из Дома ребёнка, расселили по палатам. Нина Яковлевна протянула руки, чтобы забрать девочку у Фрола, но Светланка крепко вцепилась в него, троим не отодрать.

— Она моя, Нина Яковлевна, она Панина! Света Панина, — сказал Фрол, и они ушли, оставив Нину Яковлевну в полном недоумении. Как же это, уполномоченный ушёл и ребёнка забрал. Она долго думала, как поступить, несколько раз бралась за телефонную трубку, чтобы позвонить, куда следует, но, услышав гудки, клала её обратно. Уполномоченные всегда привозили детей без документов, привезут малы-

шей и оставят, а там трава не расти. Учёт детей не вёлся, а как его вести, если детских документов не предоставлено? Нина Яковлевна достала новую амбарную книгу и вписала первую фамилию: Панина Светлана, 3 года, светлые волосы, практически здорова, забрана отцом.

* * *

Вода поднялась и подошла к обрыву, угрожая унести его с собой по течению, глыбы льда стремились вниз по реке, унося за собой подмытые деревья, лесины, ветки. Скоро вода спадёт, и начнётся навигация. Обь заполнится пароходами, баржами, лодками и паузками. Товарищ Белокобыльский стоял на берегу и смотрел на быструю воду, уносясь мыслями в партийный спор, разросшийся корнями по всей стране. Речь шла о спецпереселенцах. Партия и правительство обязало руководство СибЛАГа принять в спецпоселения первую волну спецконтингента, высланного из центра в процессе всеобщей паспортизации. Только за месяц край должен принять двадцать пять тысяч голов, но спецпоселения не готовы принять даже тысячи. Раскулаченные, прибывшие в ссылку прошлой осенью, только-только приступили к раскорчёвке леса. Несмотря на весну, земля до сих пор скована льдом, кругом вода и болота. Смертность среди раскулаченных высокая, в спецпоселениях вымирают не только старики и дети, но и трудоспособные лишенцы. Особенно страдают люди от дизентерии. Бараки ещё не построены, пока одни землянки. Все раскулаченные ночуют в шалашах и времянках. Фельдшерская помощь отсутствует, лекарств нет.

Край не может принять дополнительных переселенцев. Ни одного человека. Уполномоченный от СибЛАГа товарищ Белокобыльский пристукнул ногой от раздражения. Как не мо-

гут понять этого товарищи из центра? Может, они не доверяют его докладам об истинном положении дел в крае? Обь пока не готова к навигации, ледоход ещё не закончился. Баржа не сможет пристать к берегу. Товарищ Белокобыльский заметно нервничал. Утром пришла телеграмма, что мимо Колпашева к вечеру должна пройти баржа с первыми спецпереселенцами. Сейчас подойдут местные товарищи, и товарищ Белокобыльский в их присутствии попытается остановить караван, чтобы вернуть его назад по назначению. Пусть товарищи в Томске перенаправят караван в готовые спецпоселения вверх по Оби, нельзя же выгружать людей в необитаемую тайгу!

— Здравствуйтесь, товарищ Белокобыльский! Давно на берегу?

— Давненько, да что-то не видно каравана, — проворчал товарищ Белокобыльский. Уполномоченный открыто недолюбливал первого секретаря Колпашевского райкома партии. Слишком двуличен, не понять, где у него правда, а где кривда. Говорит быстро, но без смысла. Постоянно льёт воду на троцкистскую мельницу.

— Сейчас появятся, вон там за поворотом что-то показалось, — льстиво улыбаясь, сказал секретарь райкома, кряжистый, грузный мужчина с красным лицом, лет шестидесяти.

Товарищ Белокобыльский неприязненно покосился на него. Откуда взялся этот старик в Колпашево? Он не из местных, какой-то приезжий.

— Иван Петрович, вы рупор взяли?

— А как же, товарищ Белокобыльский, вот он. — Иван Петрович с готовностью вытащил оцинкованный рупор из объёмного портфеля.

Подошли ещё двое, оба среднего роста, в кожаных плащах, галстуках и шляпах, как близнецы-братья. Товарищ Белокобыльский отвернулся. Эти люди должны были подготовить спецпоселения, а они палец о палец не ударили, чтобы выполнить указание партии и правительства. Теперь прячут глаза от представителя СибЛАГа, боятся, что он назовет их виновными в срыве кампании. Из-за поворота вынырнул катер, за ним потянулась широкодонная баржа. Товарищ Белокобыльский вырвал рупор из рук Ивана Петровича и стал кричать, надрывая голос:

— Товарищ Колубаев, немедленно пришвартуйтесь к берегу! Немедленно! Вам необходимо вернуться в Томск! Остановитесь!

Ещё долго надрывался товарищ Белокобыльский, приплясывая от нетерпения, когда же Колубаев выполнит его приказ, но на катере так никто и не появился. На барже торчали два охранника, ритмично пристукивая прикладами ружей. На товарища Белокобыльского они не смотрели, словно его и не было на берегу. Колубаев приник к иллюминатору и наблюдал, как пританцовывает товарищ Белокобыльский.

— Щас, всё брошу и пришвартуюсь, как же! Вы, товарищ Белокобыльский, своей женой командуйте, и то больше проку будет, а у меня своё начальство имеется — товарищ Кузнецов. Он мне приказал доставить спецпереселенцев в Александрово-Ваховскую комендатуру. Вот туда я их, мазуриков, и доставлю! А вы попрыгайте тут на бережку. Да смотрите, как бы с обрыва вам не свалиться. Берега тут зыбучие, ненадежные.

Колубаев отвалился от иллюминатора и уселся за стол, щедро уставленный различной снедью, покопался в тарелке, выуживая куски осетрины пожирнее, заел жир хлебом, от-

хлебнул полстакана спирта. Насытившись, отвалился к стенке и закурил.

— А ничего мы идём, по плану. Время точное, хоть часы сверяй. Даже товарищ Белокобыльский сверился. Как по часам явился, жук навозный!

Лекпом нахмурился. Ему не нравился Колубаев: ненадёжный он, под пьяную руку замахнуться может, а как совсем напётся, то вредные разговоры заводит.

— Ты, лекпом, чего вздыхаешь? Твоё дело составлять акты на мертвяков. Одним экземпляром на сто человек!

Колубаев захохотал, довольный своей шуткой. Лекпом прикусил губу. Он уже слышал, как одного фельдшера засудили и приговорили к расстрелу за липовые акты. Лекпом потрянул русой чёлкой и махом выпил стакан спирта. В этом краю не найти правды. Здесь всё наоборот, не по-людски как-то. Одни люди едят других. Заживо съедают. Вот и Колубаев постоянно смехом изводит, шутками своими дурацкими. А сам всё шуруется, наверное, что-то задумал. Суровый край. Безбожный. Товарищ Белокобыльский не простит Колубаеву личного позора. Баржа должна вернуться назад. Спецпоселения не готовы к приёму большого количества людей. Лекпом резко опустил голову на сложенные руки и заснул прямо за столом среди закусок и выпивки. Колубаев зло усмехнулся. Ему нечего бояться. На барже везут лишенцев. Это человеческое отребье. Так товарищ Кузнецов сказал. В этом месте Колубаев довольно хехекнул, а ведь товарища Кузнецова тоже никто не называет по имени-отчеству. Только «товарищем» кличут, словно отняли у человека его родное имя. Так что нечего на жизнь обижаться. Вон полный стол еды и выпивки, живи да радуйся. И всё

это богатство советская власть дала по накладной ведомости, в полном соответствии с революционным законом. Преисполнившись чувством гордости за благополучно устроенную жизнь, Колубаев взглянул в иллюминатор. Колпашево осталось позади. Катер упорно стремился вниз по реке, на север, к Александровскому району.

Глава седьмая

Под ногами зашуршала земля. Товарищ Белокобыльский остутился и, взглянув вниз, понял, что берег осыпается под напором поднимающейся воды. Отойдя на безопасное расстояние, уполномоченный СибЛАГа зло крикнул на весь берег: «Вы, товарищ Левиц, о чём думаете в вашем окружке?».

— Я, товарищ Белокобыльский, ещё вчера направил телеграмму в СибЛАГ о нецелесообразности направления каравана в Александрово-Ваховскую комендатуру в связи с тем, что она абсолютно не готова к приёму большого количества деклассированного элемента. Телеграмма составлена в форме протеста. Больше я ничего не смог сделать.

Товарищ Левиц опустил голову в знак мнимого покаяния. За спиной шумела вода, сталкивались глыбы льда, рассыпаясь под палящим солнцем. В этом году весна ранняя, но студёная, дни жаркие, а ночи холодные, от того и лёд долго не тает.

— Что вам ответили из СибЛАГа? — спросил Белокобыльский, заранее предполагая ответ.

— Представитель СибЛАГа товарищ Горшков отправил ответную телеграмму, в которой указал, что сведения о неподготовленности Александрово-Ваховской комендатуры являются неточными. Он так же отметил в телеграмме, что дал указание

коменданту Александро-Ваховской комендатуры Цепковулично встретить караван и разместить людей в спецпоселениях.

— А товарищу Горшкову известно, что как таковых спецпоселений нет даже на бумаге? — взревел товарищ Белокобыльский и затих, поняв, что перебрал с тональностью.

Левиц ещё больше побагровел, от чего его лицо приняло лиловый оттенок. «Его сейчас кондрашка хватит!» — подумал товарищ Белокобыльский и отвернулся.

— Что известно товарищу Горшкову, мне не известно, товарищ Белокобыльский, — сказал товарищ Левиц и тоже отвернулся.

— Новгородцев! — крикнул товарищ Белокобыльский, подзывая одного из мужчин в кожаном плаще.

— Новгородцев, баржа пойдёт кругом, а ты беги вниз, по этой тропинке, здесь можно сократить дорогу, постарайся там перехватить Колубаева. Скажи ему, что он под трибунал пойдёт, чтобы не зарывался, пусть поворачивает назад. В крае нет возможности принять деклассированный элемент в таком количестве! У нас нет спецпоселений. Даже на карте.

Новгородцев взглянул на секретаря Нарымского окружкома Левица и тоже побагровел. Все поняли, что хотел сказать Новгородцев, мол, Колубаев меня не слушает и не повернёт караван обратно, Кузнецов наделил его обширными полномочиями, и отказываться от них Колубаев явно не испытывает желания. Но ничего не сказал уполномоченный Новгородцев, красноречиво промолчал, а после долгой паузы, произнёс: «Есть, товарищ уполномоченный СибЛАГа товарищ Белокобыльский!» — и вприпрыжку побежал по тропинке, стремясь сократить путь до следующего перегона.

Мужчины молча направились в окружном. Впереди широким шагом шёл Белокобыльский, уже зная, чем закончится история с телеграммами. «Надо срочно телеграфировать в СибЛАГ, что Колубаев не остановил караван по моему приказу, а самовольно повёл баржу на Верх-Вартовскую пристань. Колубаев не слушает Новгородцева. Людей везут на явную гибель!»

— Товарищ Левиц, собирайте срочное заседание окружкома! Необходимо обсудить создавшееся положение!

— Есть, товарищ Белокобыльский!

Новгородцев стоял на берегу и думал, что никто из товарищей уполномоченных не обращается друг к другу по имени-отчеству, словно у них совсем нет имён, а, обращаясь к нему, приставку «товарищ» опускают, окрикая лишь по фамилии. Новгородцев с грустью смотрел, как мимо проплывает баржа. Ему показалось, что в иллюминаторе он видит ухмыляющуюся физиономию Колубаева. Новгородцев взмахнул правой рукой, прощаясь с путешественниками, в левой руке он держал оцинкованный рупор.

* * *

Колубаев приподнял за волосы опьяневшего лекпома, тот взглянул дикими спросонья глазами, но ничего не увидел, и снова уронил голову на стол.

— Спишь? Вот ты спишь, а тут начальство бежит по берегу, — заскрежетал от злости зубами Колубаев, — но у меня своё начальство имеется! Товарищ Кузнецов приказал, чтобы я не останавливался без причины. Нигде не останавливался. И народ наверх не выпускал, чтобы деклассированные элементы не сбежали. Остановку разрешил сделать, если только дрова за-

кончатся. А у нас дров запасено, на две зимовки хватит. У меня на всё есть инструкции. Вот они у меня где, эти инструкции! — Колубаев сжал кулак и грохнул по столу.

В каюту заглянул матрос, мол, не надо ли чего, но Колубаев показал ему кулак, и тот исчез. В каюте было жарко. Крупный пот градом лился по красному лицу Колубаева; от длительного пьянства, неуёмного обжорства и ощущения полноты власти помощник коменданта оплыл и погрузнел. Баржа шла по Оби уже вторую неделю. В каюте стояла кадка с питьевой водой, точно такие должны были стоять на барже, но Колубаев распорядился по-своему. Все кадки погрузили на катер, а на баржу доставали воду из реки ведром. Месячный запас муки, крупы, соли и сахара, предназначенный для переселенцев, тоже погрузили на катер. Колубаев собирался весь продовольственный запас обменять на золото. Ещё в Томске он услышал, что в Александровском открылся «Торгсин», и там можно на продукты обменять и золото, и пушнину. Колубаев смотрел на лекпома и курил. В голове роились заманчивые мысли. Он представлял себя самым важным человеком в Томске, важнее его разве что только товарищ Эйхе. При воспоминании о товарище Эйхе Колубаев вскочил, вспомнив, что за перегонном ниже Колпашева к каравану должна присоединиться вторая баржа. За хлопотами и беготнёй Колубаев не заметил, как прошли больше половины пути.

— Эй вы там, наверх никого не выпускайте! Идём на Верх-Вартовскую пристань. Нигде не останавливаемся! — прокричал Колубаев охранникам, и те покорно взяли под козырёк.

Галина всё слышала, она сидела у стены и задыхалась. Люди умирали каждый день, но их уже не выносили наружу, караван

шёл без остановок. Изредка Колубаев выскакивал с рупором и орал конвоирам, чтобы никого не выпускали наверх, мол, пусть задыхаются. Видимо, Колубаев хотел доказать людям, что он здесь царь и бог. Наверное, так оно и было. Для людей на барже краснорожий пьяница стал богом. Именно он решал, кому из них жить, а кому умереть. И от этого становилось ещё страшнее.

Рахима совсем ослабела, но держалась, не умирала, всё ещё верила, что её муж жив, и надеялась увидеть его. Роза стала похожей на увядший цветочек, хлипкий и бесцветный росток. Девочка лежала на руках у Галины, слабая и молчаливая. Галина пыталась достать хлеба, но охранники давно не заглядывали в трюм, словно забыли о них. Духота и вонь от испражнений, голод и жажда довели женщин до молчаливого иступления. Каждая мечтала умереть, но все ждали, когда умрёт другая, словно именно в этом заключалась загадка жизни. Если умрёт кто-то, может быть, я спасусь. Эта навязчивая мысль согревала всякий раз, когда очередная жертва издавала предсмертный хрип. Галина не знала, что можно предпринять в этом хаосе. Охранники заложили щели одеялами, до них невозможно было докричаться. Как только они слышат её голос, сразу затихают, словно их нет, или делают вид, что ушли. Она пробовала стучать, кричать, стонать, всё бесполезно.

Обнимая Рахиму и Розу, Галина думала о будущем. Ведь когда-нибудь и куда-нибудь их привезут, и тогда спасение станет реальностью, а не блуждающим призраком. Галина верила в спасение не только для себя, но и для Розы, и для Рахимы, и для других женщин. Она посмотрела дальше и, мысленно перешагнув перегородку, пожелала спасения мужчинам, затем решила спасти охранников от грехопадения,

и даже Колубаева. Галина сочувствовала всем потому, что все — абсолютно все — маялись от неприкрытой, оголённой безысходности. Обострённый от длительной голодовки слух улавливал малейшие колебания воздуха. Галина слышала всё, даже то, что творилось на катере.

За Колпашевом сделали остановку, но наверх никого не выпустили, люди продолжали мучиться в трюмах. На приколе постояли два дня, и вскоре к каравану присоединилась вторая баржа, деклассированных прибавилось. На баржах стонали, а на катере бурлила праздничная жизнь. Колубаев поторапливал рулевого, тормозил матросов, прикрикивал на конвойных, всю дорогу суетился без продыху, лишь бы баржи прибыли в срок.

Галина вспоминала лицо Колубаева и представляла его жену, детей, родителей. Неужели у этого выроodka есть дети? И её сердце переворачивалось от боли за людей. Вражда живёт в человеческом сердце. Не зная друг друга, люди становятся врагами, изводя один другого голодом, властью, силой, оружием. Голод стал наваждением для нескольких тысяч человек, а Колубаев постоянно кричал, зазывая кого-нибудь из команды то на обед, то на ужин. С катера лились помои, кто-то блевал с перепоя в пенящуюся обскую воду, другие затягивали разудалую песню. И лились над Обью старинные мотивы, прославляющие молодецкую удадь. Галину трясло от песен, от блевотины, она ощущала тошнотворный запах чужой, непереважившейся пищи. Лишь однажды она почувствовала умиротворение.

Голодание перевалило за второй месяц, истощённый организм переродился благодаря отсутствию пищи. «Все святые

изнуряли себя голодом», — успокаивала себя Галина, обводя просветлевшим взглядом зачумлённый трюм. Она перестала замечать сонмища мух, клопов и вшей, облепивших исхудавшие тела переселенок, а в жаркие дни к привычным насекомым прибавились мошка и комары. Обтянутое восковой кожей когда-то круглое лицо Галины, мертвенно поблескивало в сумраке трюма, пугая оставшихся в живых женщин. Некоторые молились, взглянув на неё, многие крестились, а были и такие, что проклинали эту иконописную мертвенность. И самой Галине казалось, что она переселилась на тот свет, а на этом задержалась по ошибке.

Роза что-то шептала ей на татарском языке, и Галина думала, что девочка уговаривает её умереть, чтобы избавиться от мучений. Тогда она выхватывала свою руку из детской ручонки и горячо убеждала Розу, что грешно уходить из жизни, не выпив чашу жизни до доньшка. Так и говорила: «До доньшка испить надо!» Умирающие от голода и жажды женщины смотрели на Галину ненавидящими глазами и молились, чтобы она умерла. Они завидовали ей, желая иметь такую же силу, как у неё, и всячески проклинали её, чтобы не слышать её страстные слова.

А Галина с каждым словом всё больше верила, что спасётся и спасёт многих, кто пожелает спастись. Она вкладывала самую искреннюю веру в свои слова, в свои мольбы, в свои надежды. И хотя рядом кричал пьяный Колубаев, изошрённо матерились его приспешники, Галина верила, что есть наверху какая-то всеохватная сила, и эта сила когда-нибудь накроет своей тяжестью великих грешников, безудержных в своей алчности.

Глава восьмая

Заседание окружкома, на котором рассматривался вопрос о прибытии каравана, длилось более четырёх часов. Постоянно звучали фамилии товарищей Долгих, Белокобыльского, Левица, Цепкова и реже товарища Эйхе. Фамилии были говорящими. На протяжении прошлого и текущего годов эти люди отвечали своими должностями и жизнями за пребывание на земле многих тысяч и миллионов людей, высланных из центра в процессе паспортизации и коллективизации. С коллективизацией с грехом пополам разобрались. Раскулаченным разрешили брать в ссылку носильные вещи и предметы первой необходимости. Бывшие кулаки и подкулачники умудрялись захватить в тяжёлую дорогу не только чашки, ложки, полушубки, но и орудия производства в виде лопат и вил, а некоторые даже припрятавали кое-какие ценности, чем впоследствии спасли жизни не только себе, но и своим детям.

Раскулаченных выбрасывали на необжитые берега Оби, на Васюганские болота, оставляя зимовать на снегу, а когда приезжали учитывать оставшихся в живых, то лишь удивлялись. За зиму бывшие кулаки успевали построить немудрёные жилища из сырого дерева, сложить глинобитные печки, по чести похоронить умерших, а некоторые умудрялись пополнить семейный состав, чем удивляли товарищей из окружкома. Учётчики в скором порядке слюнявили карандаши и вписывали новых жителей в разлинованные тетрадки, умерших же вычёркивали. Учёт есть учёт! Не так успешно обстояли дела с деклассированным элементом. Социально вредный элемент не был приучен к тяжёлому физическому труду, он вообще не умел работать в полевых условиях. Если крестьянин, причисленный советской вла-

стью к злостному отряду кулаков, умел и поголодать, и досыта поесть, то есть физически был подготовлен к испытаниям, то деклассированные умирали от лёгкого недомогания, включая обычную простуду. Раскулаченные умирали в больших количествах, при этом сильнейшие из них выживали, давая жизнь ещё более устойчивому потомству. А вот с жертвами паспортизации всё было по-другому: вместе с ними в ссылку отправляли бывших уголовников, инвалидов, детей, домохозяек. Волна высокой смертности накрыла кампанию по очистке крупных городов. За цифры кому-то надо было ответить.

Первым взял слово секретарь райкома Александровского района товарищ Перепелицын:

— Товарищи! В нашем районе десять трудпосёлков на три тысячи спецпереселенцев из числа репрессированного крестьянства, так как Александровская комендатура является штрафной, к нам направляются спецпереселенцы, нарушившие трудовой распорядок. К тому же в районе около тысячи уголовного элемента. Их завезли ещё год назад, многие сбежали, похитив лодки и другое имущество у местного населения, оставшиеся продолжают грабить домохозяйства. Район не сможет принять дополнительное количество социально вредного элемента. Ни одного человека! У нас нет условий, при которых возможно развернуть полноценные хозяйства, здесь можно заниматься только охотой и рыболовством. В двух поселковых комендатурах проживают 667 семей, это около двух тысяч человек, не считая уголовного элемента в остальных комендатурах.

На это товарищ Белокобыльский заметил товарищу Перепелицыну, что, несмотря на протесты СибЛАГа, руководство ГУЛАГа обязало край принять дополнительные полмиллиона

деклассированных переселенцев. При этом товарищ Белокобыльский предъявил копии телеграмм в СибЛАГ, а товарищ Левиц потрясал ответами из центра. И хотя на бумаге всё было расписано, сколько хлеба выделить на питание, сколько белья и одежды выписать на каждого ссыльного, все понимали, что отсутствует главное, в крае катастрофически не хватает спецпоселений. Раскулаченные живут в землянках, на строительство бараков средства до сих пор не отпущены. Вполне возможно, что за летний период ссыльные что-нибудь себе построят, но пока нет никакого жилья. Территория края огромна, а разместить дополнительные шесть тысяч человек нигде. Любое решение проблемы вызовет негативные последствия. Расселять спецконтингент некуда. И это только начало, дальше будут поступать ещё и ещё, составы идут со всей страны, а тут и эти шесть тысяч повисли в воздухе.

Вяло переругиваясь, товарищи приняли постановление обязать коменданта Цепкова организовать встречу первого каравана. А это означало, что Цепкова назначили крайним и последним в высших инстанциях. Теперь все шишки из СибЛАГа и ГУЛАГа повалятся на коменданта. Цепков ответит и за высокую смертность, и за отсутствие бараков, горячей пищи и медицинской помощи. Комендант Цепков попытался отговориться общими фразами, чтобы в резолютивной части протокола всю ответственность возложить на окружком, но ему не позволили запротоколировать коллективную вину. На заседании окружкома единым голосованием постановили отправить коменданта Цепкова на встречу каравана. На том и порешили. Секретарь напечатал протокол, присутствующие, включая Цепкова, расписались.

Утром следующего дня комендант Цепков на катере выехал в сторону села Назина. Река почти очистилась от ледового покрова. Свежий ветер разгулялся по очистившимся обским просторам. Цепков подставил разгорячённое лицо майскому тёплому ветру, пытаясь успокоиться. Мысленно он уговаривал себя, что всё устроится и все тоже. Как-нибудь все устроятся. Как-нибудь всё устроится. Как-нибудь.

* * *

Караван ещё не дошёл до Верх-Вартовской пристани, видимо, застрял где-то на реке Ваха. Комендант Цепков постоял у пустой пристани и вернулся в райцентр, чтобы собрать одежду для спецпереселенцев. В телеграмме СибЛАГа говорилось, что деклассированные элементы едут разутые и раздетые. Первым делом комендант посетил Сибторг и Рыбтрест, где получил клятвенные заверения в том, что по первому требованию, комендант получит необходимую спецодежду для нуждающихся переселенцев. Получив устное согласие заинтересованных лиц, Цепков направился в райком партии к товарищу Перепелицыну.

— Товарищ секретарь, мне необходимо получить документ для предъявления в Рыбтрест и Сибторг! — торжественно объявил Цепков, пожимая руку Перепелицыну.

— Это для какой цели, позвольте узнать? — подозрительно вежливо ответил секретарь райкома.

— Директора Рыбтреста и Сибторга обещали выдать мне под ваше поручительство необходимое обмундирование для нуждающихся переселенцев. На первое время их нужно одеть! Они едут в том, в чём их забрали на улице.

— Не только одеть, но ещё обусть! — осклабился секретарь райкома, потирая правую руку, словно собирался ударить Цепкова.

— Да, и обусть надо. Многие разуты и раздеты. Их брали прямо на улицах, на вокзалах, на узловых станциях. В чём шли, ехали, в том и забрали. В чём же они ходить будут? У нас север, а не юг! Кругом тайга.

Товарищ Перепелицын отошёл к окну, обдумывая ответ Цепкову. Приподняв маркизу из плотной ткани, долго всматривался в пыльную улицу. Голые деревья, никакой зелени. Сегодня хороший день, солнечный, как летом. На календаре май месяц, а жара, как в июле.

— Я в курсе, что у нас не юга, — желчно сказал товарищ Перепелицын, — и я в курсе, что у нас север! Но я не позволю тратить народные средства на социально-вредный элемент. Не для того его везут к нам, чтобы мы здесь их обували-одевали и нянчились с ним! Партия и правительство избавляются от спецконтингента в центре, а мы тут разводим турусы на колёсах. Да, мы должны выполнить постановление партии и правительства и выделить средства на одежду, но такую одежду, чтобы уголовный элемент мёрз в этой одежде. Не для того партия и правительство отправляет деклассированных к нам, чтобы мы их наряжали на народные деньги. А вы, товарищ Цепков, сделайте так, чтобы они и одеты были, но и без излишеств, чтобы голод и холод подгоняли их в работе, а не нежили. Партия и правительство присылает их, чтобы спецконтингент работал на пользу советского народа, и вы должны помнить это, товарищ Цепков!

— Что ж, по-вашему, получается, товарищ Перепелицын, что я их заморить должен!

— Заморить не заморить, но и на поводу у них не идти. Выполняйте поручение окружкома, товарищ Цепков!

Уже на улице комендант понял, что спецодежду ему не выдадут. Сибторг и Рыбтрест не наделены полномочиями, чтобы выдавать казённое имущество под честное слово коменданта. Они могут выполнить указание секретаря райкома, но оно должно быть письменное, заверенное гербовой печатью.

— Товарищ комендант, подождите!

Цепков оглянулся. Из райкома выскочил шустрый парнишка, помощник секретаря райкома.

— Вам телеграмма, распишитесь!

Цепков прочитал шифрограмму и похолодел. Баржи остановились между рекой Паней и Верх-Вартовской пристанью. Колубаев придержал ход и ждёт дальнейших указаний. Комендант Цепков бросился к катеру. Вскоре моторка вспенила полноводные обские просторы. Цепков спешил навстречу каравану.

Часть четвертая ГОЛОДНЫЙ ОСТРОВ

Глава первая

Колубаев не спешил выводить людей на остров, что-то останавливало его. Назино — необитаемый, заросший буреломом, совершенно дикий остров, названный по наименованию посёлка Назино. В этот день, несмотря на хорошую и ясную погоду, остров выглядел негостеприимно. Колубаев чертыхнулся и посмотрел на Цепкова.

— Выводи! — Тот взмахнул рукой, как маршалским жезлом. — Пусть пасутся!

— Да куда же.... Тут даже шалаш не построишь, не то, что барак.

Цепков усмехнулся. Он-то понимает, что к чему. Товарищ Перепелицын доходчиво объяснил политику партии и правительства, этих людей отправили не в санаторий, а в ссылку, в спецпоселения, значит, было за что ссылать. Пусть терпят. Колубаев прошёл по песчаному берегу и остановился. Через несколько шагов начинались густые заросли кустарника, за ним высился девственный лес, а справа зияло непролазное болото. За спиной ядрёно матерился Цепков. Колубаев поморщился, сплюнул, подумал о том, что его уже ждут в Александровском Торгсине, и тоже взмахнул рукой.

Выгрузка спецпереселенцев началась. Сначала стали выносить умерших. Весёлый майский денёк выдался на редкость погожим. На чистом и прозрачном небе сияло ослепительное солнце. Те, кто вышел из трюмов первым, ослепли от дневного света, умершие скользили и выпадали из ослабевших рук. Их складывали на песке перед кустарником. Колубаев принялся считать, сбился, сплюнул и махнул рукой, мол, потом сосчитаем. Цепков раздражённо посматривал на карманные часы, крутил цепочку, засовывал её в нагрудный карман гимнастёрки, снова вытаскивал, видимо, куда-то спешил. После умерших стали выгружать мужчин. Некоторые бросились в воду, спеша смыть с себя накопившийся слой пота и грязи. Свалка у трапов превратилась в кутерьму. Кто-то кричал, кто-то рассматривал трупы, кто-то купался, громко фыркая. Последним выкатился Мизгирь, обороняемый со всех сторон бессменной свитой. Группа верховодов бросилась к начальству, интуитивно выбрав Цепкова. Уголовники поняли, что перешли из

одних рук в другие, и, вероятнее всего, эти другие руки будут более хваткими. Цепков хмуρο взглянул на Мизгирия, измерил его взглядом и молча кивнул, мол, сойдёмся.

После выгрузки мужской половины переселенцев принялись за женскую. Сразу стало понятно, что женщин больше, чем мужчин, и гораздо больше, чем указано в отчётах. Цепков пытался сверить бумажки, что-то сравнивал, но понял, что бесполезно, и стал ждать окончания выгрузки. Женщины сходили с трапа смелее, чем мужчины, многие бросились в реку, смывая налипшую за месяц грязь. Цепков махнул рукой и два охранника сбросили с подошедшего паузка мешки с мукой. Дальше началось нечто невообразимое. Люди, забыв обо всём, бросились к мешкам и, разрывая узлы зубами и ногтями, совали в рот муку, при этом задыхались и сгибались в удушье. Кашель, чиханье, крики, стоны и мольбы наполнили прежде необитаемый остров. На крики слетелись птицы и тоже устроили дикий грой. Цепков схватился за голову. Охранники выстрелили в воздух, но никто не услышал выстрелов. Люди задыхались от удушья, заглушая птичий гомон кашлем и криком.

В это время зашевелились умершие. Цепков оцепенел. Он видел, как охранники пересчитывали умерших и складывали их штабелями. Все они были мертвы, о чём лекпом составил акт, мол, спецпереселенцы в количестве семидесяти восьми человек умерли от поноса. И вдруг умершие ожили. Трупы поднимали головы и прислушивались к шуму, стараясь понять, где они находятся, на том или этом свете. Некоторые догадались, что всё-таки на этом, и стали приподниматься. Цепкова затоснило, а Колубаев прыгнул на трап и скрылся на катере. Там он приложился к фляжке и одним махом влил

в себя почти пол-литра чистого спирта. Затем отёр усы и долго тряс головой, стараясь забыть страшное зрелище. Прибежавший матрос вылил на Колубаева ведро воды, и только после этого помощник коменданта пришёл в себя.

А на берегу, у мешков с мукой, тем временем продолжалась свалка. Люди бились до смерти, сражаясь за пригоршню муки. Так как ни у кого не было ни чашки, ни кружки, то муку цепляли руками, хватали ртом, рассыпали в воздухе, а те, кто успел схватить в обе руки, бежали к реке, чтобы смочить сухой порошок. Мука в реке растекалась мутной слизью. Колубаев смотрел на людскую свалку с катера, спуститься вниз он не мог по причине сильного опьянения. Матрос держал его за ремень, не давая упасть на палубу. Цепков ухмыльнулся, подмигнул охранникам и шукой сиганул к катеру, обогнув гору из мешков и дикое побоище. Пока охранники крутили головами, Цепков умчался вниз по реке, а следом за ним отбыл катер с Колубаевым. Люди продолжали биться за горсть муки, давя друг друга и хватая за горло любого, кто оказывался рядом. Хищные птицы, потревоженные людским гомоном, кружили над островом в ожидании большого пиршества. Короткие загнутые клювы издавали лающее «Кра-кра-кра». И это зловещее «кра» перекликалось с людскими воплями, образуя общий хор вселенского отчаяния.

* * *

Галина с трудом тащила на себе ослабевшую, но ещё живую Рахиму. Ноги скользили по мокрому трапу. Шедшая сзади Роза, держала Рахиму за ноги. Они шли последними. Галина надеялась, что им достанется муки, но у мешков началась настоящая схватка. Посадив Рахиму на песок, Галина бросилась к охранникам, те кивнули ей, хватай, если сможешь что отхватить. Галина

подкралась сзади, где было меньше дерущихся людей, и набрала в платок целую порцию муки, затем подошла к реке и смочила водой. Пальцами вымешала тесто, посматривая на толпу, рассчитывая, что кто-нибудь одумается и разожжёт костёр.

Первым опомнился охранник. Сплюнув в сторону сплётённых тел, он отошёл в сторону и развёл огонь. Повеяло дымом, в пламени весело потрескивали сухие прутья. К костру стали приближаться люди, протягивая онемевшие от холода руки. Одурев от долгого пребывания в тесном трюме без воздуха и пищи, а зачастую и без воды, люди, сойдя на остров, словно сошли с ума, но, увидев костёр, опомнились и потянулись к теплу. На острове было холодно, несмотря на пылающее солнце, пронзительно дул сквозной ветер, и вскоре всех зазнобило. Трясущиеся руки и озлобленные глаза окружили кострище. Галина поняла, что с тестом лучше подождать, пока у людей не пройдёт первый морок от осознания, что их выгрузили на необжитое место, где никаких условий для жизни. Здесь негде спать и нечего есть, и это не только конец мучительного путешествия, это конец всему. Внизу нет жизни, а наверху одни орланы, издающие зловещие звуки.

Вскоре развели ещё один костёр, и Галина переместилась к нему, подсунув под горячие угли кусок теста. Пока охранники разбираются с переселенцами, в сотый раз пересчитывают их, распределяют муку и раздают вёдра, тесто превратится в съедобную пищу. Те, кто попытался насытиться сухой мукой, корчились от смертельных судорог. Единственный фельдшер, которого охранники называли лекпомом, бегал от одной группы к другой, но помочь ничем не мог. Лекарств не было. Бесплезная аптечка болталась у него на поясе, всё,

что там было, давно опустело. Люди, искупавшиеся в реке, мёрзли и тянулись к кострам, но согреться не могли, с севера подул ещё более студёный ветер. Арктический холод окутал остров. Охранники выстроились вдоль берега и передёрнули затворы, что означало: первый, кто бросится в реку, будет безжалостно застрелен. В охране произошла рокировка. Пятеро собрались вернуться в посёлок, шестеро должны были караулить остров. Один катер уволок пустую баржу в комендатуру, затем вернулся и оттащил вторую баржу подальше от острова. У берега покачивались две лодки и паузок. Уголовники со скучающим видом посматривали на берег, рассчитывая, что охранники возьмут их с собой в посёлок, но те и не думали этого делать.

У охранников были другие виды на команду Мизгиря. Они собирались переложить ответственность за сохранность переселенцев на уголовников. Мизгирь о чём-то пошептался со старшим конвойным и на какое-то время присмирел. За примерную службу Мизгирию пообещали скостить срок. Один день на острове приравнивался к трём, тут было о чём задуматься.

Оставшиеся в живых люди бродили по острову в поисках удобного места для ночлега, но везде было сыро, вода с острова только что ушла, от земли несло могильным холодом. Мужчины покрепче отправились за хворостом и прутьями, чтобы устроить шалаши, но у них не было ни топоров, ни ножей, пришлось рвать ветки с деревьев голыми руками. К вечеру совсем похолодало. Охранники ёжились, зябли, кутались в шинели, мечтая о ночлеге на паузке, а когда костров стало больше, уплыли на лодках, оставив на острове почти шесть тысяч голодных и раздетых людей. Старшим над ними назначили

Мизгиря с его приспешниками. Шестеро охранников торчали на паузке, позвякивая ружьями.

К ночи пошёл густой снег. Орланы перестали кричать, перелетев на северную часть острова. Белохвостые птицы любят тишину, им не нравится, когда люди их беспокоят. Белоснежные хлопья медленно покрывали остров вместе с людьми. Вместе со снегом стихли крики и стоны. В поезде и на баржах было страшно, но оставалась надежда, что кто-нибудь их выручит и когда-нибудь всех привезут в нормальную жизнь, но на острове люди поняли, что жизнь закончилась. Именно здесь суждено всем умереть медленной и мучительной смертью от голода и холода. Не было больше надежды на лучшую жизнь. Она умерла. Необитаемый остров оказался могилой без креста.

Глава вторая

Ушлый китаец носился по острову в поисках съестного, но ничего не нашёл. Снег растаял, оставив после себя лужи и проледи. Шалаши, устроенные неумелыми руками, разъехались в разные стороны, голые прутья устрашающе торчали, пугая людей и особенно детей. При пересчёте переселенцев после выгрузки выяснилось, что на острове много детей подросткового возраста. Здесь были десятилетние и четырнадцатилетние, задержанные сотрудниками органов во время облав. Никто из них не был беспризорником, у многих были живы родители, некоторых опекали родственники. Дети были растеряны. Оглушённые переселением на север, лишённые родительской опеки, подростки бродили по острову, не понимая, где находятся. Китаец цокал, покачивал головой, но подростки не заинтересовали его. Китаец по-заячьи попрыгал на мокрой земле и пристал к группе

утрюмых мужчин, которые всю дорогу держались вместе. Бывшие дворяне, чиновники, инженеры, учителя. Многие из них до революции жили обеспеченно, у них виднелись зубные протезы из золота. Китаец долго тёрся среди представителей бывших, внимательно присматриваясь к каждому, затем помчался к Мизгирию докладывать о результатах разведки.

Их было много, «бывших» людей. Ветер истории отнял у них всё. Когда-то каждый из «бывших» имел семью, дом, постоянный источник дохода, все они соблюдали нравственные законы, к тому же привыкли жить на широкую ногу. После прихода к власти пролетариата «бывшие» утратили всё или почти всё. Прежняя жизнь и идеалы утратили значение. Некоторым повезло — они устроились во вновь созданные конторы, где благодаря образованию, полученному при царском режиме, получили смехотворные должности. Они работали, получали жалованье, но документов им не дали потому, что до революции они служили империи. Многим выдали справки, но в выдаче паспортов отказали. Какое-то время их держали в конторах без документов, но в процессе всеобщей паспортизации все «бывшие» попали в списки социально-вредных элементов.

Эта группа была самой многочисленной на переселении и выглядела вполне пристойно. Все мужчины были одеты в добротную одежду хорошего покроя, многие в шляпах и гетрах, на ногах кожаная обувь. И хотя вещи были основательно поношены, извалялись в долгой дороге, но имели огромную ценность. В Стране Советов давно ничего не шили и не выпускали, кустарная промышленность не справлялась с обеспечением нужд населения. Другая часть переселенцев состояла из беглых крестьян, бывших раскулаченных, их членов семей,

и все они были одеты в драные полушубки с вывалившимися наружу клоками овчины, на ногах у всех лапти и башмаки, выношенные до последней степени, но особенно плохо выглядели женщины, обмотанные старыми платками и шальями, в дырявых юбках. Глядя на эти юбки, можно было составить географическую карту скитаний, на которые обрекла людей советская власть.

Страна безжалостно избавлялась от балласта, от «бывших» людей, от всех, кто не хотел или не мог принять новую действительность. Или, по мнению власть предержащих, не соответствовал ей. Такие люди мешали новой державе. Их нужно было уничтожить, вырвать с корнем, чтобы ни одного ростка не осталось. Пайки и вещевое довольствие не доставались спецпереселенцам. Исполнители правительственных решений щедро тратили продовольствие, выделенное для нужд спецконтингента, на личные прихоти и повышение благосостояния.

Китаец вприпрыжку добежал до Мизгиря и довёл до его сведения все новости, которыми успел разжиться. Главварь с довольной усмешкой покачал головой. Уголовники устроили сходку, на которой едва не поубивали друг друга. Всех мучил голод, а продуктов, кроме промокшей муки, не было. Мешки с мукой пропали. Снег и сырость сгубили единственный продукт, который местные власти завезли на остров. Мокрая жижа текла между пальцев, непригодная ни для какой цели, её нельзя было съесть, из неё невозможно было испечь лепёшку. Шёл третий день обитания на необитаемом острове. Все мёрзли. Какой-то несчастный — никто так и не понял, кто это был, не разглядели в сумерках, — спасаясь от холода, залез в дупло

старого дерева, под которым горел костёр. Дерево загорелось. Мужчина изжарился заживо.

Запах горелого мяса долго витал на острове, будоража обоняние изголодавшихся людей, и даже сквозной ветер не мог прогнать его. На четвёртый день у молодой девушки срезали икры на ногах. Она долго кричала от боли, потом затихла. Юркий китаец нашёл её на полянке, на сухом бугорке. Обескровленная девушка тихо застыла, глядя на небо широко открытыми глазами ярко-синего цвета. Китаец отшатнулся и убежал, оставив девушку на пригорке. Утром её уже не было, и никто не понял, куда она исчезла. Мизгирь сыто чавкал и шумно рыгал, переваривая человеческое мясо. С этого дня люди стали бояться друг друга. До сих пор они не ожидали открытой опасности от других, теперь же от каждого можно было получить удар из-за угла. Любого человека могли убить палкой, камнем, куском дерева. Ножей и топоров не было, но могли разорвать руками.

Граница поведения, отличающая человека от животного, была перейдена, подстёгнутая мучительным голодом. Люди обезумели, а что можно ожидать от безумного? Человек больше не был человеком. Основной инстинкт победил чувство разума. Охранники не вмешивались в дела переселенцев, они торчали на паузке, иногда на лодке объезжая территорию по периметру, чтобы ни один социально вредный элемент не смог уплыть с проклятого острова.

* * *

Охранники снабдили переселенцев спичками и разрешили жечь костры. Их было несколько, у каждого сидели люди. По-прежнему никто не двигался, не перемещался по острову, люди грелись у костров, не делая попыток обжиться. Переселенцы не

могли разговаривать, настолько сильной была усталость, накопившаяся во время долгого пути. Голод, болезни, изматывающий понос превратили людей в безвольных созданий, потерявших смысл существования. Человек стал не нужен самому себе. Главной заботой было перемочь чувство голода, и эта забота отнимала все силы. Смерть превратилась в спасение. Галина, как могла, спасалась от людоедов, пряча Рахиму и Розу от чужих недобрых взглядов. Они старались не смотреть на других поселенцев; все люди на острове казались им чужими.

Рахима никак не могла отыскать своего Ильдара. Вроде и остров небольшой, и переселенцы разместились на узком пятачке — на берегу перед лодками — но муж Рахимы нигде не объявлялся. Женщины боялись подходить к группам спецконтингента, от всех исходила опасность. В поезде ещё были живы интеллигентные люди, выдержанные, стойчески переносившие тяготы и унижения, но к концу пути выжили более наглые и циничные, старавшиеся взять в оборот группу из «бывших» людей. Сначала Галина не понимала, почему «бывшие» привлекают внимание уголовников. Ведут себя тихо, муки голода переживают в одиночку, каждый сам по себе. «Бывшие» не кричат, не протестуют, не требуют прокурора. Потом поняла, когда увидела, как уголовники повалили одного почтенного отца семейства и выломали из его рта золотой протез, а затем придушили и сбросили в низину. Там он и лежал, на спине с откинутыми руками, обращаясь к небу широко открытым ртом, словно взывая к самому богу или проклиная его.

Галина охнула и закрыла лицо Розы, чтобы девочка не увидела страшного зрелища. Рахима что-то тихо пробормотала на татарском, низко опустив голову, иногда из-под низко

надвинутого платка выглядывали плачущие глаза, наполненные болью. Галина чувствовала свою вину перед ней и ходила вдоль костров, надеясь найти Ильдара-абыя, а когда надежда исчезла, старик сам пришёл, увидев женщин под деревом. Оказалось, он давно искал их, но народу на острове много, а у Ильдара-абыя плохие глаза, старик почти ничего не видел. Рахима расплакалась, обняв мужа, но Ильдар-абый строго прикрикнул на жену, и она мигом успокоилась.

Теперь им было легче, вроде уже не одни, с мужчиной. Галина тайком подходила к мешкам, вылавливала жижу, комкала её, сцеживая воду, затем совала под угли, чтобы испечь подобие лепёшки. Всё это приходилось делать исподтишка, чтобы другие голодные не заметили, как она вытаскивает из костра маленькие кусочки испечённого теста, но спрятаться от хищников не удалось. Однажды Галину подкараулили уголовники и, привязав её к дереву, быстрыми движениями срезали ей груди и икры. Острые лезвия ловко чиркали по телу, словно свеживали барана. Всё случилось неожиданно, Галина едва успела что-то крикнуть, но тут же потеряла сознание. Провисела она недолго, её обнаружила Роза. Заплаканная девочка прибежала к Ильдару-абыю и громко прочирикала что-то на татарском, старик живо поднялся и побежал к перелеску. Там, на молодом и стройном тополе, обвязанная по поясу, свисала с верёвок обескровленная, но ещё живая Галина. Две раны зияли на груди, ноги были залиты кровью.

Старик прокричал что-то, подняв голову и руки к небу, но Рахима схватила его за рукав, и Ильдар-абый успокоился. Развязав верёвки и сняв Галину с дерева, старик уложил её на землю, затем развёл костёр, дождался, когда огонь разойдётся, и куда-то ушёл ненадолго, потом вернулся с ведром, долго на-

каливал днище, а когда оно стало огненно-красным, быстрым и точным движением приложил к груди Галины, затем таким же образом прижёт раны на ногах. Запах горелого мяса медленно поплыл над островом, но к костру никто не подошёл. Рахима и Роза молча помогли Ильдару-абыю.

Галина не стонала, не кричала, словно уже умерла, но она была жива, в уголках глаз иногда мелькал проблеск живого сознания, при этом она ничего не чувствовала, словно оказалась уже на том свете. Когда все раны были притравлены, Ильдар-абый снял с себя последнюю рубаху и, разорвав её на узкие полосы, туго перетянул грудь и ноги Галины. Ильдар-абый перенёс стоянку на другое место, подальше от любопытных и голодных глаз. Потянулись томительные дни и ночи. Они втроём ухаживали за израненной Галиной, надеясь, что выйдут её. Ильдар-абый принёс из леса сухие лесины, устроил что-то вроде помоста, по бокам поставил колья, а наверх бросил сплетённые прутья. Снег сошёл, но холода продолжали держаться. От сырой земли исходил могильный холод, но тепло костра и желание помочь друг другу удерживало этих людей от желания умереть. Ильдар-абый, поняв, что в перелесок никто не придёт, успокоился, сам ходил к мешкам с мукой, набирал полное ведро и кружку, а затем потихоньку, не привлекая внимания, уходил к перелеску. Роза научилась сцеживать воду из промокшей и заплесневелой муки и печь лепёшки. Рахима немного ожила и тоже пекла лепёшки, которые были похожи на каменные катышки, кипятила воду, заваривала берёзовую чагу. Через неделю Галина очнулась. От потери крови голос у неё стал тихим, каким-то прозрачным. Она долго пыталась понять, где находится, потом, осознав, что с нею случилось, заплакала.

— Зачем вы это сделали? — прошептала Галина, глядя сверкающими глазами на Ильдара-абыя и Рахиму-апу. Роза стояла в стороне, боясь пошевелиться. Девочка поняла, что происходит что-то страшное, что-то такое, чего она никогда не поймёт.

— Что, дочка, что мы сделали? — спросил после долгой паузы Ильдар-абый. — Ты была при смерти. Мы спасли тебя.

— Зачем вы это сделали? Зачем спасли меня? Это безбожно! — прозрачный голос обрёл внутреннюю силу, звучал тихо, но проникновенно, так, что у Ильдара-абыя зашевелились остатки волос на голове.

— Дочка, мы хотели тебя спасти, это по-божески. Не ругайся! Тебе нужны силы.

Мужчина слабел на глазах от чувства вины, от безнадёжности, от отчаяния. Рахима-апа прислонилась к нему, пытаясь защитить его от гнева Галины.

— Ваш бог Мизгирь! Ему молитесь! — прокричала Галина что есть мочи и заплакала. Следом за ней разрыдалась Роза, потом Рахима-апа. Ильдар-абый тоже заплакал. Они плакали и чувствовали, как очищаются от гнева и раздражения, от голода и унижений. Первым пришёл в себя Ильдар-абый.

— Дочка, не ругайся, тебе надо жить! Бог дал, бог взял. Ему решать, кому жить на белом свете, а кому умереть. На вот, поешь, Роза лепёшек напекла.

Галина молча отвернулась, тогда Ильдар-абый дал ей воды. Галина оттолкнула кружку, но, взглянув в страдающие подслеповатые глаза Ильдара-абыя, отпила глоток. Раны заживали долго. Галина мучилась от того, что вынуждена принимать помощь от Рахимы и Розы. Они поднимали её, переносили чуть подальше, чтобы она справила нужду, и приносили обратно.

За время болезни Галина стала легче птичьего пёрышка. Однажды она почувствовала внутреннее кровотечение, и вначале испугалась, но позже поняла, что это запоздалый выкидыш. Замершая беременность вышла из неё с кровью. Когда Галине стало чуть полегче, она попросила прощения у Ильдара-абыя, но тот отмахнулся, дав понять, что и не таил на неё зла.

Они простили всех. Они уже не ждали перемен. Просто жили. Через три недели холода отступили. Весна взяла своё: распустились почки, зазеленела листва, земля немного подсохла. Лепёшки из прогорклой муки не насыщали желудок, они его обманывали, но чувство голода перестало быть мучительным. Первый шаг Галина сделала, когда увидела, как Рахимапа ослабела. Тонкие руки не держали даже платок, он падал, а женщина не могла нагнуться, чтобы поднять его. Тогда Галина заставила себя подняться и стала привыкать к новой жизни. Грудь болела, ноги с трудом поворачивались, но ходили, и уже через несколько дней Галина научилась обходиться без постоянной помощи.

Глава третья

Золота всё прибавлялось. Зубные протезы, кольца, перстни, часы с цепочками лежали кучкой и ждали своего часа. Колубаев обещал ему, что возьмёт с собой в Томск и сдаст в пересыльную тюрьму. Мизгирь всеми силами стремился туда, понимая, что власти не отпустят его на волю. А купить хорошие условия на зоне вполне можно. Но Колубаев куда-то пропал. Охранники донесли, что он ещё в посёлке, собирает баржу в дальний путь, чистит, моет, заправляет. Не сам, разумеется, чёрную работу делают матросы, а в помощь им дали ссыльных уголовни-

ков. Мизгирь передал через охрану, что у него всё есть, о чём они договаривались с Колубаевым. Охранник ухмыльнулся и ничего не ответил, чем не на шутку насторожил Мизгирия. А вдруг он не так донесёт Колубаеву, скажет не то, а Колубаев ничего и не поймёт? Свою голову не поставишь. Человек человека не слышит, всё о своём думает, и из-за этого не может понять. Мизгирь нахмурился и повернул голову китайца против часовой стрелки.

— Ну, чего, китаёза, приуныл?

— Холнно! — Зябко дёрнул плечом китаец. Он давно натужно и с надрывом кашлял, видимо, простудился во время холодов.

— Тут тебе не озеро Рица, это остров Назино! — пробасил Мизгирь и повернулся боком, демонстрируя крючковатый нос. Китаец вздрогнул. Изредка с северной части острова прилетали орланы с такими же клювами, оглашая реку пронзительным криком.

— Жрать будешь? — спросил Мизгирь, кивая на котелок с мясом. Китаец заколотился в трясучке, замахал кривыми ручками.

— Брезгуешь? А я жру. Помирать не хочется.

Мизгирь припал к котелку и жадно выпил бульон, потом вытащил кусок мяса и долго жевал, наслаждаясь вкусом.

— Человечинка, она сладенькая! — смачно прошамкал Мизгирь и пристально посмотрел на китайца. — А ведь не жилец ты на белом свете, китаёза, не жилец. Кашляешь, чихаешь, кровью харкаешь. Помрёшь скоро!

— Не хоцица, — пробормотал китаец и сморщился, видимо, боялся прокашляться.

— Никому не «хоица», — передразнил Мизгирь и бросил котелок на землю. Мясо вывалилось и смешалось с глиной. Китаец отвернулся.

— А мы тебя органам сдадим, — ухмыльнулся Мизгирь, — тогда и Колубаев заявится. Он тебя на части покромсает. Острым ножичком. Любит Колубаев прогнуться перед начальством. Согласен, китаёза?

Китаец долго силился понять, о чём говорит Мизгирь, но ничего не понял, лишь утвердительно кивнул головой и позаячы сложил худые костистые ручки.

— Согласен, значит! — Мизгирь стукнул воздух крепко сжатым кулаком. — Щас мы доведём до сведения охраны. Пусть вызывают Колубаева. Эй, на палубе! Ходь сюды!

Охрана всполошилась. На острове установился негласный порядок. Переселенцам было запрещено кричать и обращаться к охране, пока их не спросят, но, увидев, что Мизгирь приставил ладони ко рту, выстроив их в виде рупора, нехотя спустили лодку. Двое охранников подошли к Мизгирию и сурово приставили ружья, но он шепнул что-то, они разом присмирели и уселись на лесину. Потом долго разговаривали с Мизгирём наедине, о чём-то шептались, оглядываясь по сторонам, не подслушивает ли кто. Вскоре одна из лодок ушла в посёлок. Повеселевший Мизгирь, отхлебнув добрую порцию самогона, шатался по острову, выбирая себе очередную жертву. На еду выбирали женщин помоложе, вырезая из них, ещё живых и трепещущих, куски мяса из груди и бедёр. Мужчин не трогали.

— В женских титьках жиру много, они самые вкусные, — приговаривал Мизгирь, облизывая пальцы после трапезы.

В этот раз Мизгирь присмотрел себе на ужин юную девушку из колхозниц. Всей деревней собрали деньги и отправили Катю

в Москву за хлебом, а взяли её на вокзале. Деньги отобрали при задержании. В Москву Катя приехала в летнем платье. В дороге очень нуждалась, но сообразила, что нужно позаботиться о себе. На ноги подобрала опорки с умершего, нашла в вагоне дерюжку, чтобы укрываться в холода, так и дотянула до острова. И теперь не унывала. Симпатичная Катя приглянулась молодому охраннику, он с неё глаз не спускал. Вчера уехал в посёлок, наказал товарищам, чтобы берегли Катю; те посмеялись, но обещали, что будут присматривать за ней. Мизгирь не знал, что охранник присмотрел себе симпатичную девушку, она ему нравилась свежестью и молодостью, несмотря на истошённость. Мизгирь негромко свистнул и указал на девушку. Пёстрый и Комар незаметно подкрались к Кате, схватили и уволокли в густые заросли. Послышался глухой вскрик, и всё стихло. Катю обнаружили через два дня. Вернувшийся ухажёр долго бродил по острову, пока не наткнулся на бездыханное изуродованное тело. Охранник долго смотрел на залитую кровью полянку в зарослях, затем опомнился и закопал Катинo тело тут же, в зарослях кустарника. После этого он исчез. Уголовники проговорились, что охранник уволился и уехал из посёлка.

* * *

Широко разлившаяся Обь угрожала снести песчаный обрыв, на котором уютно устроился небольшой домик. Хозяин, опасаясь, что река смое лодку и обласок, подтащил их к самому дому.

— Егор! — воскликнул женский голос, хозяин испуганно оглянулся. Обычно жена не кричит, всегда разговаривает тихим голосом.

— Чевой-то, Зин?

Егор побежал за угол дома, откуда раздался крик. Зина стояла в огороде, держа лопату в вытянутой руке. Вскопанные грядки были истоптаны.

— Смотри, Егор!

За частоколом лежали люди, вспугнутые Зиной, двое парней и девушка, все исхудавшие, в истрёпанной одежде.

— Давай сюды! — сказал Егор и выдернул лопату из рук Зины.

Осторожно ступая по вскопанной земле, подошёл к частоколу. Разглядев лежащих людей, сообразил, что они не представляют опасности, сами напуганы до смерти.

— Чиво разлеглись, а ну, вставай!

Люди послушно поднялись, отряхивая с себя землю.

— Егор, они всю картошку вытаскали из огорода, — пожаловалась Зина, показывая на ямки в земле.

— Откуда явились? — сурово спросил Егор. — Чиво в чужой огород влезли?

— Нам бы хлеба, — заплакала девушка с измученным лицом. — Мы голодные. Дайте хлеба, пожалуйста.

Парни молчали. Всем лет по двадцать с небольшим гаком. Голодные, но безоружные. Эти не людоеды. По всем окрестным деревням и сёлам разнеслась весть, что на острове Назино лютуют людоеды. Они хватают людей и едят заживо. Участковый объехал весь район и строго-настрого приказал местным жителям: мол, кого чужих увидите, всех в органы ведите. Власть о них позаботится. Егор махнул рукой, приглашая незваных гостей в дом.

— Садитесь, — не меняя тона, сказал Егор, налив каждому по миске похлёбки. Семья давно сидела без хлеба, питаясь про-

шлогодной картошкой да мелкой дичью, попавшей в силки. Птицы были худые, жилистые, весь жир потратили на перелёт. Весной корм из дичи никудышный, одно название, а не пища.

Люди с острова жадно накинулись на еду, захлёбываясь, давясь и кашляя.

— Чиво давитесь? Ещё налью!

Егор поставил чугунок на стол, чтобы люди не боялись, что им не хватит похлёбки. Вошедшая в дом Зина с укором смотрела на мужа. Скоро должны вернуться сын с дочерью, а вся еда ушла на пришлых. Егор старался не замечать укоризненного взгляда жены.

— Давно с голодного острова? — спросил Егор, подливая похлёбки.

— Неделю уже, — сказал самый старший из гостей, светловолосый, со свежим шрамом на щеке. — Ищем железную дорогу. Гудки слышали. Вон там!

Парень махнул в сторону тайги. Егор усмехнулся. Это им от голода дорога мерещится. В той стороне такая глухомань, что ни один опытный охотник до неё не добрался.

— Помогите дойти до дороги, — робко улыбаясь, попросила девушка. — У нас документы есть. Вот, смотрите!

Она вытащила из котомки маленький свёрток с бумажками. Егор обратил внимание на её руки, исцарапанные, в коростах, но нежные, не знающие тяжёлой работы.

— Нас забрали у театра. Мы в театр пошли, а у входа бригадильцы дежурили, схватили — и в машину. Мы им документы показываем, они нас не слушают. Привезли, в состав посадили, и вот на острове выгрузили. Там страшно, дяденька! Помогите нам.

Девушка заплакала, следом заплакали остальные.

— Мама не знает, где я, она же с ума сходит, — сквозь рыдания проговорила девушка. — Меня Таней звать. Таня Березина. А это Коля и Вася. Мы в техникуме учимся. Помогите нам, пожалуйста!

— Поможем! — коротко бросил Егор и поднялся с лавки, незаметно кивнув Зине. Она мигом исчезла. Егор убрал миски, налил гостям чаю из березовой чаги.

— Пейте, пользительный чай, он силы добавляет.

Егор удивился, что гости пьют чай из стаканов, хотя он подал им блюдечки. Постоял, подумал и расщедрился, вытащив из тайника горстку сахара. Этот тайник придумала Зина, чтобы дети сахар не таскали. Там оставалось немножко, на Троицу. Теперь ничего сладкого в доме нет. Всё на гостей ушло. Люди с острова откусывали по кусочку, наслаждаясь забытым вкусом. Егор подумывал, чем бы ещё угостить, но в это время открылась дверь, и в избу вошёл участковый. Из-за его спины выглядывала Зина.

— Ну чё, мазурики, думаете, обманули советскую власть? — набросился на гостей участковый. Те испуганно вскочили, с недоумением поглядывая на хозяина. Егор отошёл в сторону, чтобы не мешать участковому при исполнении.

— Как же так? Как же вы это? Это же не по-советски, — растерянно пробормотала Таня, обращаясь к Егору, но тот отвёл взгляд, словно что-то в окне увидел.

— Не родился ещё тот человек, который сможет обмануть советскую власть! — торжественно провозгласил участковый и уселся за стол. — Фамилия?

— Березина, — рыдая, прошептала Таня, — только у нас фамилии не записывают. Мы на острове все бесфамильные.

— Оформить надо, — скупно бросил участковый, доставая кожаный планшет. Он долго писал, коверкая фамилии, ломая карандаш, размазывая химическую краску по бумаге. Когда с оформлением было закончено, все четверо направились к машине.

— Повезло нам, Егор, что участковый здесь был. Он к Ворониным приезжал. У них вчера курей украли. Уголовники с острова. Две несушки были, и тех теперь нету. Воронина нам яйцо давала для Мишки, а теперь кончилось яйцо. Совсем без ничего остались. А чо, ты им сахар скормил, чо ли? — Зина набросилась на Егора чуть не с кулаками. — А чем мы Троицу будем праздновать?

— Не ори, Зина, перетерпим. Скоро ягода пойдёт, птица потяжелет. Проживём!

Зина успокоилась и пошла в огород, мысленно проклиная мазуриков с голодного острова.

Участковый привёз беглецов в Александрово и посадил в карцер, а на следующий день их на лодке отвезли на остров. Документы участковый отобрал и положил в сейф.

Глава четвертая

Колубаев лежал на кровати в доме для приезжих. Небольшой деревянный дом с рядом комнат, отхожим местом во дворе, плитой в конце коридора радовал чистотой и опрятностью. За домом следила местная жительница хантыйка Настасья. Поначалу Колубаев задирали хантыйку, потом она ему надоела. В посёлке делать нечего, никаких развлечений, сплошная скукота. День за днём слал Колубаев телеграммы в Томск, но в ответ ничего не получал. Периодически Колубаев вскакивал

с постели, приоткрывая дверь, ему всё казалось, что стучится нарочный или почтальон, но в коридорчике было пусто, только Настасья дремала в углу на диванчике.

— Эй, узкоплёнка! — рявкал Колубаев, хантыйка пугалась, вздрагивала, чем доставляла временную радость беспокойному постояльцу.

В дверь постучали. Колубаев приоткрыл правый глаз, неужели опять показалось? Постучали чуть громче. Не показалось.

— Входите!

Колубаев вскочил и одёрнул гимнастёрку, вдруг кто из районного начальства пожаловал? В дверь заглянул охранник с острова Назино.

— Товарищ Колубаев, разрешите?

— Да входи ты! — Рубанул воздух Колубаев, не скрывая разочарования. Сейчас охранник начнёт жаловаться на тяжёлые условия труда, надеясь, что жалобы услышат в Томске, в самом управлении лагерей. Не услышат. Колубаев не допустит. С этими мыслями помощник коменданта грузно обрушился на стул.

— Товарищ Колубаев, тут такое дело, — прошептал охранник, оглядываясь на закрытую дверь.

— Там никого, одна хантыйка, так она по-русски ни бельмеса, — скупно бросил Колубаев, искоса изучая охранника. Ничего примечательного, рябое лицо, оспины щедро засыпали грудь и шею, задранный нос, редкие соломенные волосы, ружьё за плечом. Гимнастёрка не стирана месяца два. Колубаев потянул носом и чихнул.

— Меня Мизгирь послал, он на острове контрреволюцию поймал!

Конвойный с торжествующим видом перекинул ружьё на левое плечо.

— Поймал, говоришь? На острове, в Назино? Да какая там контрреволюция, — пробурчал Колубаев, покусывая нижнюю губу. — Ну, ладно, рассказывай!

— Там, на острове, товарищ Колубаев, китаец из уголовного элемента чистую контрреволюцию развёл.

— Да ну! — не поверил Колубаев и махнул рукой, мол, будет байки травить.

— Точно, товарищ Колубаев! В поезде сказал, и Мизгирь может подтвердить, что «коммунары — это хорошо, а коммунизм хреново!» Вот!

— Да ты что! Это же точно контрреволюция в чистом виде, — согласился Колубаев, поглаживая больное колено, простреленное в боях за освобождение Алтайского края от колчаковской своры.

— Вот-вот, и я то же самое говорю! — Конвойный гневно пристукнул прикладом об пол.

— Тихо ты! — прикрикнул Колубаев и крикнул, приоткрыв дверь: — Настасья, принеси-ка самовар да поить собери!

В комнате с голыми стенами, кроме кровати с байковым одеялом, стола, да двух кривоногих стульев, не было ничего — ни коврика на полу, ни занавесок на окнах. Вскоре Настасья притащила пыхтящий самовар и сама пыхтела, как паровоз, со свистом и бульканьем, потом натаскала тарелок с рыбой, солониной, хлебом. Колубаев подумал и вытащил из-под кровати бутылку с самогоном.

— Пей, охрана!

Забулькала ядрёная жидкость, в комнате запахло вяленой рыбой, копчёным мясом и луком. Напились быстро, и часа не

прошло. Конвойный хлопал носом, тыкая пальцем в тарелки, выбирая закуску повкуснее.

— Ты, охрана, забудь, с чем приходил. — Колубаев взял палец конвойного и ткнул в тарелку с мясом. — Из головы выбрось. А то пожалеешь.

— Пожалею, — согласился конвойный, — там это, товарищ Колубаев, там людей на острове жрут. Баб, девок режут, как баранов.

— Не может быть! — Колубаева перекосило, затрясло, трясушимися руками отодвинув тарелку с мясом, он вскочил со стула, закрыл дверь и ключ в замке повернул.

— Точно, товарищ Колубаев! Жрут девок. Голодуют люди.

Конвойный жадно припал к тарелке с мясом. Колубаев сжал голову руками. За такое дело можно под расстрел пойти, скажут, привёз баржу, выгрузил народ, а людишек пожрали. Колубаев долго тискал голову, стараясь выжать из неё хоть какой-нибудь выход, он очнулся от сильного храпа. Конвойный уснул за столом, подложив обе руки под помятое лицо. Ружьё прислонил к стулу.

— Охрана! Оставить!

Охранник вскочил, руки прижал, при этом опрокинув стул, ружьё грохнулось на пол.

— Возьми с собой, на дорожку. — Колубаев протянул котомку с едой. — Будешь молчать, помощником возьму!

— Слушаюсь, товарищ Колубаев!

Охранник пошатнулся, но удержался, повернув кругом, строевым шагом направился к выходу. Так же протопал по коридору, так же прошагал мимо окна. А Колубаев, очистив стол, закрыл дверь на ключ и уселся писать очередную телеграмму.

* * *

Утро выдалось ясное, почти летнее. Конец мая за окном, а солнце печёт, как в июле. Северная погода переменчива, то холодом подует, то жарой разморит. Колубаев посмотрел на карманные часы с золотой цепочкой: уже шесть, пора вставать. Часы придавали Колубаеву уверенность, он с детства мечтал о таких. Чтобы и с цепочкой, и с многозначительным шелчком, и с серебряным звоном. Мечта детства сбылась.

Колубаев ещё раз щёлкнул крышкой часов и задумался. Давно пора возвращаться в Томск. Секретное донесение, поданное им в ОГПУ, оказалось ко времени. Сработало, как часы. Мигом откликнулся затаившийся Кузнецов, кругами забегало местное начальство. Китайца-контрреволюционера забрали сразу, а заодно выявили все недостатки на острове. Мизгирь отдал всё золото, что добыл на острове, но об этом никто не знает. Теперь в Назино работает районная комиссия, партработники выявляют недоработки, вылавливая социально вредный элемент. За добросовестную работу Кузнецов обещал наградить Колубаева орденом. Осталось попрощаться с Цепковым и можно поворачивать баржи на Томск. Катера проверены и заправлены, стоят на парах. Баржи вымыты, очищены, щедро политы карболкой во избежание эпидемии сыпного тифа. Лекпомы выявили в Назино несколько тифозных вспышек.

Послышался стук в дверь, и на пороге возник комендант Цепков.

— Что ж ты, товарищ Колубаев, своих сдаёшь? Ты мне кого привёз? Тифозных больных, разутых, раздетых, а я отвечай теперь за них? Со счёту все сбились, не могут докопаться, сколько ты вывез из Томска: ни списков, ни формуляров, ни

журналов учёта, ничего! А какие есть списки, то все перепутаны, в одном столько, в другом ни сколько. А сам на меня стучишь?

Колубаев отступил на шаг от разъярённого коменданта. Цепков был сам не свой от ярости. Его разоблачили на служебном совещании в районе, обязав в срочном порядке устранить недостатки в работе по созданию спецпоселения на острове Назино. Вzbесишься тут!

— Ты, товарищ Цепков, не кипятись! Тут такое дело: я привёз, а ты должен обеспечивать людей всем необходимым!

— А ты, товарищ Колубаев, должен был снабдить людей необходимым ещё на месте погрузки в пересыльной комендатуре! Ты на меня не вали всю беду. Она и без тебя свалится.

— Уже свалилась, товарищ Цепков! Уже. Ты бы успокоился, что ли? Выпить хочешь? У меня самогонка осталась.

— Да ну тебя, — отмахнулся Цепков, — а где? Где самогонка-то?

— Да вон, на столе, — кивнул Колубаев. — Выпей, оно и полегчает.

Забулькала жидкость, Цепков выпил махом, не моргнув, не охнув, словно сладким морсом угостился. Колубаеву не предложил составить компанию, а тот и рад: не до пьянства сейчас.

— Товарищ Цепков, а ты хорошо знаком с председателем Торгсина?

— А к чему ты клонишь, товарищ Колубаев? Зачем тебе председатель Торгсина?

— Да вот часы хочу сдать, — завертелся Колубаев, вытаскивая из кармана цепочку.

— А-а, понятно, у Лукоморья дуб срубили, золотую цепь в Торгсин снесли, кха-кха, — хрипло прокаркал Цепков, изображая веселье. — Там всё есть — кофе, какао, примусы, ликёры разные. За золото и пушнину меняют. Ты им мех, они тебе пачку какао. Ты им часы, они тебе примус! Такой вот у нас Торгсин. Будешь на примусе какаву варить. Председателем там латыш. Приезжий, из Томска. Его ещё до революции туда сослали, вот он и прижился в Сибири. Хочешь познакомлю? Отличный мужик!

— Отличный, говоришь? Ну, подумаю, — снова завертелся Колубаев. Ему и хотелось познакомиться с латышом, и в то же время боязно, как бы чего не вышло. И без того беда пришла в Александрово. Сейчас как зачатят комиссии из Томска, всем достанется на орехи. Вдруг Мизгирь проговорится?

— Ну, ладно, я пошёл, — заторопился Цепков, — меня сегодня опять будут прорабатывать на совещании. Ты когда отплываешь?

— Жду команды, как только, так мигом до дому!

Они пожали руки, крепко, по-мужски, словно проверяли один другого на прочность. Проверку выдержали. Оба остались довольны друг другом. На выходе Цепков оглянулся. В конце коридора на убогом диванчике дремала Настасья. Хантыйка изобразила руками какой-то знак, и Цепков кивнул ей: мол, понял, потом расскажешь.

* * *

Совещание назначили на два часа ночи. В райкоме было темно, только в кабинете товарища Перепелицына уныло светилась куца лампочка. С электричеством в посёлке были перебои. Товарищи сидели по бокам, уступив место в центре коменданту острова Цепкову.

— Товарищ Цепков, каким образом собираетесь устранять недостатки? — подавив зевоту, спросил товарищ Перепелицын.

— Нет никаких недостатков, товарищ секретарь районного комитета! Нету! Сегодня заказал печи в посёлке, сделают. Одежду дали, летнее обмундирование, взял. Завтра отвезу на остров.

— Кто согласился выпекать хлеб? — раздался голос из темноты, но Цепков понял, что спрашивает заместитель секретаря Власов. «Ишь, любопытный какой выискался», — подумал Цепков.

— Никто не согласился, товарищ Власов, никто! Всем надоел уголовный элемент, ещё хлеб для него выпекать. Ведь почти все домохозяйства обнесли эти уголовники. У кого лодку украли, у кого вилы и топоры. Никто не хочет помогать им. Вот завтра начну уговаривать, может, кто и согласится.

— Надо жёстче, товарищ Цепков, жёстче с народом! Слишком мягко вы с ним разговариваете.

— Как могу, так и разговариваю, — огрызнулся Цепков, но тут же сбавил тон: — Там комсомольцы вооружились, ходят, выскивают беглых. Как бы беды не вышло, товарищ Власов!

— Это я дал указание секретарю комсомольской организации вооружиться. Нам нужна боевая группа для безопасности населения.

Власов воодушевился и приготовился к долгой речи, но товарищ Перепелицын, посмотрев тайком на часы, оборвал его:

— Пора заканчивать! Под протоколом подпишитесь, товарищи!

Долго толкались у стола, отпихивая друг друга, стремясь быстрее поставить подпись. Злосчастный протокол толком никто не прочитал. И Цепков не стал читать. Ему было неког-

да, он ещё хотел забежать к Настасье. Уже в дверях Цепкова настиг Перепелицын и схватил за ремень.

— Ты там не перестарайся, Цепков! Помнишь, о чём я тебе говорил?

— Помню, товарищ секретарь районного комитета! Чего же не помнить-то? Всё будет сделано, как требуют партия и правительство!

Товарищ Перепелицын нехотя отпустил ремень, видимо, сомневаясь в способностях Цепкова, но тот помахал поднятым вверх кулаком.

Дойдя до гостиницы, Цепков заглянул в окно комнаты, где ночевал Колубаев. В комнате никого не было. Цепков обогнул дом и ворвался к Настасье.

— Эй, как там тебя, где приезжий?

— Настасья я, — пробормотала хантыйка, не понимая со сна, чего от неё хочет Цепков, потом вспомнила и оживилась. — У приезжего я видел много-много золота! Целая гора!

— А-а, Настасья, молодец, так, и где он?

— Где-то там, шляется, с торгсиновскими загулял, пьёт много он, вот, — быстро проговорив это, хантыйка забилась в диванчик. Не иначе, считая, что и так проявила бдительность, выполнила свой долг перед родиной. Настасья по-русски говорила плохо, путалась в словах, половину из того, что она сказала, Цепков сам додумал.

— А золото у него откуда? Нет у ссыльных золота и не было. Я сам видел. — Покачался на пятках Цепков. — Переселенцы все разуты-раздеты, откуда у них золото? Тебе не показалось? Какого золота у него много?

— Шжубов, — прошамкала Настасья, кутаясь в суконную кацавейку.

— Чего? Что ты там бормочешь?

— Шжубов, жубы у них золотые были, мы видели, мы там полберы резали недалёко.

— А что это такое — полберы? — раздумчиво спросил Цепков, продолжая качаться на пятках.

— Кора на тополях. На поплавки люди берут. На рыбалку потом едут.

— А-а, понял, Настасья! А ты сама видела это золото?

— Сама, ага, убиралась у него, гляжу, а у него жубов-то, жубов! Целая наволоцка.

— Наволоцка, говоришь?

Хантыйка уснула, измученная за день сбором полберов и уборкой дома приезжих. Цепков ещё покачался, подумал, затем резко повернулся, дёрнул ручку двери комнаты, в которой остановился Колубаев. Закрыто. Подёргал, побежал к окну, заглянул в комнату. Пусто. Никакой наволочки с горой золота не видно. Северная ночь осветила все углы и даже пол под кроватью. Пусто. Золота в комнате не было. Цепков огорчённо покачал головой: ничего не поделаешь, придётся переться в Торгсин.

Глава пятая

Они встретились с Колубаевым на узкой тропинке между палисадниками. Голые ветки, слегка опушённые распустившимися листочками, торчали во все стороны, создавая причудливый мир в сиянии северной ночи. Но этим двоим было не до окружающей красоты.

— А-а, товарищ Колубаев, вы в дом для приезжих?

Колубаев вздрогнул, он явно не ожидал встречи с комендантом. От начальника каравана на всю улицу несло перегаром и жирной едой, он весь лоснился от пота.

— А-а, товарищ Цепков, а вы с совещания? — вопросом на вопрос ответил Колубаев.

— Да, только что закончилось, — невольно вздохнул Цепков.

— Сильно били? — В голосе Колубаева прозвучало сочувствие. Цепков хмыкнул: знаем мы ваше сочувствие.

— Да так, по головке не гладили, конешна, — сознался Цепков и вдруг взял Колубаева за грудки. — Куда золото затырил?

— Какое золото, ты чего, комендант? Пойди, проспись!

Колубаев стряхнул с себя цепковские руки и смачно выматерился.

— Наберут же в органы шалупонь всякую! Дай пройти!

Колубаев оттолкнул коменданта и двинулся дальше, но, что-то вспомнив, остановился.

— Комендант, можно я с собой Мизгиря заберу, а? Всё равно у тебя люди дохнут, как скот. И ещё охранник там есть. Шустрый такой. Чо ему на острове делать? Отдай мне людей, а?

— Утром за тобой придут, Колубаев! — бросил Цепков и направился в местное ОГПУ. Его трясло от наглости собеседника. Комендант знал, что гэпэушники встретят его, как надо, уже заждались. Они любят такие новости.

— Утром, говоришь? Ну да, ну да, — пробормотал Колубаев и бросился в дом приезжих. Приподняв половицу, вытащил наволочку с обломками зубных протезов, бросил на кровать. Растолкал Настасью, приказал вскипятить чаю, а сам принялся сочинять телеграмму Кузнецову, часто посматривая на часы.

«В нашем деле как, кто первым придёт, тот и на коне!» — думал Колубаев и все строчил пером по расползающейся бумаге. Мизгиря терять, конечно, жалко — пригодился бы ещё, но Цепков заупрямился, теперь жди от него неприятностей.

Колубаев заклеил конверт и отдал Настасье:

— Дуй до райкома. Отдай конверт и молча домой. Ничего там не говори, а то заметут!

Хантыйка послушно кивала, поглядывая на наволочку на кровати. Как только она ушла, Колубаев выскочил за дверь.

Вскоре катера потащили пустые баржи по Оби. Кузнецов сообщил в последней телеграмме, что в Томскую пересыльную комендатуру доставили новые партии переселенцев. «Пустые баржи легче тащить, быстро доберусь!», — размышлял повеселевший Колубаев. Комендант взглянул на часы, стрелки показывали три. Северное утро из бледного медленно превращалось в розовое, погода обещала быть ясной.

Докладная записка начальника каравана Колубаева коменданту Томской Пересыльной комендатуры СибЛАГа ОГПУ Кузнецову о событиях на острове [Не позднее мая 1933 г.]

Д о к л а д н а я   з а п и с к а *

Довожу до вашего сведения, что я, Колубаев, по в[ашему] / распоряжению принял партию рецидивистов в количестве 4917 человек для отправки в Александро-Ваховскую Комендатуру и 14/V-33 г. выехал в путь. В пути следования у меня было два убитых рецидивистов, а именно 1-й выскочил из лодки, схватил доску и с доской в воду и 2-й выведен в числе больных на баржу и положен, спустя несколько минут — тоже вскочил и бросился в воду, чем и вызваны были выстрелы и последние были убиты. Вынуть из воды тела не было никакой возможности. За 6 суток

---

* Докладная записка представлена в орфографии оригинала. — *Примеч. ред.*

дороги умерло 27 человек, на всех умерших и убитых составлены акты и заверены сельсоветами, где сдавались трупы.

По приезде на место назначения я увидел, что Комендатура, которой я должен сдать людей, совершенно не была к приему подготовлена и по предложению Коменданта Цепкова партия была принята на остров «Назено», на котором только что растаял снег и даже земля была сырая и в некоторых местах была вода. Остров весь занесен лесом. Строений никаких не было и оборудования для варки пищи и печения хлеба на острове также не было.

18 мая с.г. я партию в количестве 4917 человек, из коих было 4556 мужчин и 332 женщины и на 29 ч. акты заверены с/советом. Всю партию сдал по акту на остров «Назено». Во время сдачи погода была очень хорошая, теплая и ясная. На острове была поставлена одна палатка около берега и на 2-е суток выгружен продукт, поставлен караул на 2-е смены, 15 чел., а остальные продукты и конвой были перевезены на другой берег в деревню «Назено».

19 и 20 мая с.г. погода подула холодная, пошел снег, мороз, люди были на острове большая часть раздетые и разутые. Снабжались эти дни одной мукой и то не по спискам, а прямо кучками разбивались на 71 чел. и один мешок 71 кг выдавался по одному килограмму на каждого. И у людей никакой посуды не было, брали муку кто в шапку, кто в карман и кто во что мог. Муку ели прямо или тестом и по выдаче муки по подсчету выдано на все количество, люди фактически не снабжались[,] около половины оставались совершенно голодные и произвести правильную выдачу при таком ведении дела не было никакой возможности.

20 мая в 2 часа дня я с Комендантом Цепковым и Уполномоченным Колпашевского округа поехали на остров Назино, где был расположен рецидив.

Что было, я и Уполномоченный видели, что на острове был шум, драка, и женщины были с мужчинами вместе, на острове лежали тела умерших около 100 человек или больше и некоторые были без чувств, ползли, кричали «Дайте хлеба».

Увидя меня и Уполномоченного, обращались к нам — кричали: «Начальники, нас не кормят двое суток, мы мерзнем и умираем с голода». Люди пошли на преступление, начали есть мертвых людей. Мне и Уполномоченному сказали, что вот здесь в котелках варят человеческое мясо. Вообще остров представлял из себя что-то УЖАСНОЕ, ЖУТКОЕ.

После чего мы приехали в деревню Назено, где собрали особое совещание и решили немедленно провести следующие мероприятия:

1. Поставить на острове палатки и людей поместить в таковых.
2. Приступить немедленно к устройству примитивных печей.
3. Мобилизовать все печи у жителей в деревне Назено (10 или 12 домов всего), после проведенного совещания я 21/V — с.г. в 3 часа утра выехал обратно в г. Томск, т.е. к месту своей службы.

О чем и ставлю Вас в известность.

П[ом.] /Коменданта — Колубаев.

* * *

Цепков не дошёл до представителя ОГПУ, встретив по пути комсомольский отряд, снаряжённый всеми видами ору-

жия. На ребятах висели охотничьи ружья, у одного болталась винтовка, у самого ершистого в руках торчал наган. Главным в отряде был Правоторов, местный активист и секретарь ячейки, задорный, веселый. Тот самый, который с наганом. Такой кого хошь застрелит, рука не дрогнет. Комсомольцы тащили по тропинке что-то тяжёлое.

— Чего это вы тащите? — сурово поинтересовался Цепков, рисуя пылающим окурком круг.

— Да, дядя, это уголовный элемент, — радостно сообщил возбуждённый Правоторов, срывая с трупов какую-то дерюгу. — С острова сбежали, будь они неладны. А нам товарищ Перепелицын пообещал за каждого сбежавшего, как за белку, платить будет. Вот мы и дежурируем вокруг острова.

— А трупы куды волокёте? — похолодел Цепков.

— К товарищу Перепелицыну, а куда ж ещё? — удивился Правоторов, прикрывая дерюжкой застывшие лица.

— Вы чего? Совсем, чё ли? — Цепков никогда не заикался, но тут язык у него стал деревянным, не ворочается во рту и всё тут. Слова невозможно сказать. Цепков сплюнул и закурил следующую папиросу, долго чиркал спичкой, она не загоралась, потом быстро погасла. Одно беспокойство от северного ветра. Комсомольцы зажгли спичку и поднесли Цепкову. Тот прикурил, затянулся и, выдохнув дым, громко заматерился.

— Так ты, дядя, не ругайся, а подскажи нам, куда их вольчь? Как за белку, будет платить, сказал товарищ Перепелицын, — смутился Правоторов, став спокойным, как два трупа на тропинке.

— Где вы их подстрелили?

Цепков перевернул мёртвых, это не уголовники, не из «бывших», это были обычные колхозники. Двое молодых пар-

ней, крепкие мужики, смогли выбраться с острова, переплыть реку, пройти полсотни километров, и надо же нарвались на рьяных активистов.

— Спрячьте их, потом закопаете и никому не говорите про это! — сказал Цепков и посмотрел на Правоторова, мол, понял, что надо делать?

— Как же это, дядя, а? — чуть не заплакал Правоторов, пиная бесполезные трупы.

— Вас же посадят, дурачьё! В милиции узнают, что вы застрелили ссыльных, сразу в кутузку посадят. Никому не говорите! Делать можно, а говорить нельзя! Ну, всё, живо по домам! — прикрикнул Цепков, и активисты бросились выполнять поручение коменданта. В кустах послышалось шуршание, возня, а через пять минут их было уже не слышно.

— Вот и ладно, — проворчал Цепков и посмотрел на небо. Уже часа четыре, наверное. И вдруг его осенило: а зачем Колубаева сдавать органам? Лучше пусть поделится золотом. На острове ещё много народу, значит, и протезы есть. Раньше все протезы золотые делали. Чтобы на века.

Цепков усмехнулся и повернул обратно. Но он Колубаева не нашёл. Дом для приезжих был закрыт. Хантыйка пошла собирать полберы, а начальник каравана погнал баржи на Томск. Цепков усмехнулся, но не пошёл доносить на Колубаева. Комендант знал, что их пути ещё пересекутся. У деклассированных элементов одна дорога — из состава на баржу и прямым ходом в Александро-Ваховскую комендатуру. Скоро Колубаев приведёт ещё один караван. Цепков нырнул в утренний туман, неожиданно упавший на посёлок. Розовая заря тихо занималась, подсвечивая молочный рассвет яркими красками.

Глава шестая

Настасья срезала нарост на дереве и тихо всплеснула руками. На поляне сидели люди и смотрели на неё, провожая взглядами каждое движение. Она уже слышала, что на острове завелись людоеды, поэтому, все жители посёлка боялись ходить в лес. Хантыйка провела тупой стороной ножа по лицу, и люди на полянке вздрогнули. Настасья успокоилась. Пришлые люди боятся ножа, это не людоеды, а обычные, как все люди, мужчина, женщина и подросток. Наверное, сбежали с острова. Истощённые, исхудавшие, лица у всех вытянутые, как у лесины. Хантыйка потихоньку сползла вниз, надеясь уползти от беглецов подальше, но женщина на полянке, увидев, что Настасья испугалась и собирается уйти, окликнула её: «Не бойся, мы злого тебе не сделаем! Дай нам хлебушка, исть хочется!» Настасья улюлюкнула по-хантыйски, подзывая отца. Всем жителям посёлка и окружающих деревень запретили любое общение с беглыми переселенцами, больше всего запрет касался пропитания. Категорически запрещалось кормить хлебом или ещё чем-нибудь любого, кто покажется сомнительным. Настасья пожалела мальчика. Голодный, заморенный, несчастный подросток смотрел на неё умоляющими глазами. По его высохшему лицу текли слёзы.

Отец Настасьи не понимал по-русски ни слова, пока она ему объясняла, что к чему, он совсем запутался. Потом махнул рукой и пошёл избавлять деревья от наростов, предоставив Настасье самой решать проблему милосердия. В лодке лежал запас еды на день, немного хлеба, вяленой рыбы и целое сито варёной прошлогодней картошки. Настасья кивком пригласила беглецов в лодку, там знаками указала, чтобы они спря-

тались, и лишь после того, как они легли на дно, сунула в руки еду. Беглецы жадно ели, давились, подбирали крошки, заливая голодной слюной дно лодки. Настасья отвернулась, пытаясь сообразить, что делать дальше. Надо везти людей в посёлок, но как им объяснить? Они не понимают по-хантыйски, а она плохо говорит по-русски. Немного слов знает, но их не достаточно, чтобы объяснить людям, куда нужно ехать. Вернулся отец с полной котомкой древесной чаги, уселся в лодку и взялся за вёсла. Они ни о чём не говорили, само собой всё уладилось. Беглецы заблудились в тайге. Если их оставить, они пропадут. А в посёлке разберутся. Настасья вздохнула, вспомнив, что надо убраться в доме для приезжих. Там сегодня полно командированных из Томска. Беглецов привезли и сдали в отдел милиции, туда всех чужих сдавали. Участковый уполномоченный обрадовался, увидев Настасью с беглецами.

— А-а, это ты, Настасья! Что, беглых переселенцев привела? Где ты их нашла? За речкой Паней небось? Они все туда бегут почему-то.

Участковый завозился в столе, отыскивая чистый лист бумаги, а Настасья подумала, что самая лёгкая дорога ведёт к речке Пане. Переселенцы не знают, что за речкой начинается самая настоящая погибель. Кто перейдёт речку, обратно уже не возвращается. За Паней сплошные болота, трясина к себе тянет. Только ханты знают дорогу в те края, и то незримую черту не переходят, опасаясь, что не найдут обратной дороги.

— Ты иди-иди, Настасья, тебя в доме приезжих ждут. Там много народу понаехало. А я тут людей оформлю и потом на остров отправлю!

И таким тоном он сказал «людей оформлю», что у Настасьи защемило сердце. Она схватилась левой рукой за грудь и побежала в гостиницу. Жалко было парнишку. Тщедушный, худенький, а реку переплыл, одну, вторую, обе широкие и раздольные, как небо, и всё напрасно. Его снова оформят и обратно увезут. На острове совсем нет еды, никакой, ни хлеба, ни картошки. Помрёт парень, и родители его помрут. С этими мыслями хантыйка добежала до дома приезжих.

А там дым коромыслом. Незнакомые люди в военной форме крепко выпивали, многие уже напились, но продолжали сидеть за столом вразвалку, все курили, перекатывая папиросы в углах влажных ртов. Увидев хантыйку, товарищ Перепелицын, лицо которого стало совсем багровым от выпитого, закричал:

— Настасья, уберись тут, видишь, как грязно!

Женщина взяла ведро и тряпку, сходила за водой к колодцу, а потом долго отмывала заблёванные полы. Приезжие куражились, матерились, но её не трогали. К хантам в посёлке относились свысока, их не считали за людей, а уж женщину-хантыйку в упор не видели. Настасья понимала это, поэтому не боялась пьяных мужчин. Она спокойно убрала остатки пиршества, навела порядок в гостевой комнате, служившей столовой и банкетным залом одновременно. Те, кто ещё находился в сознании, продолжили застолье. Настасья всё думала о мальчишке, которого должны увезти на остров. Она порывалась побежать в милицию, но понимала, что уполномоченный прогонит её. А так хотелось спасти мальчишку. У самой Настасьи детей не было. Был муж, но он утонул во время ледохода. Пошёл рыбачить и пропал, его льдом затянуло. Так и не нашли Настасьиного мужа, и похоронить некого. Тела-то нет, илом занесло, не откапашь.

— Приходи утром, Настасья! — приказал товарищ Перепелицын, вытаскивая из портфеля ещё одну бутылку, и женщина послушно ушла, позвякивая пустым ведром. Из открытых окон дома приезжих слышались смех и пьяная брань.

* * *

В посёлке знали, что Настасья понимает русский язык, но говорит плохо, не все слова знает. Обращались с ней хорошо, не бранили, не материли, а она послушно выполняла, что ей приказывали, едва заметно кивая в ответ: мол, поняла, всё сделаю. Хантыйку любили за безотказность. А как иначе? Мужа нет, отец еле ходит, а одной в тайге не выжить. Увидев вернувшуюся Настасью, участковый уполномоченный снова обрадовался.

— Хорошо, что пришла, Настасья! Помоги мне, будь человеком — отвези этих мазуриков на остров. Понимаешь, в Александрово проверка приехала, кто-то донёс, что на острове развелось людоедство. Ты же понимаешь, чем нам это грозит? Всех на нары положат! Я бы сам отвёз, но мне в дом приезжих надо бежать, там товарищ Перепелицын уже не справляется. Народу много, все внимания требуют. Отвезёшь?

Настасья покорно кивнула. Она не ожидала, что ей повезёт. Участковый сам попросил об одолжении. Ишь, какой вежливый стал, прямо шёлковый. Настасья никогда не видела шёлка, но поселковые женщины часто так говорили о своих мужьях, мол, неделю пил, а вчера на задних лапах стоял, прощения просил, ходил как шёлковый.

— Тут лодка нужна, обласок не годится. Где ваша лодка? — продолжал допытываться уполномоченный. — Я отведу аре-

стованных и сам посажу в лодку, а ты гребь по прямой до Назина. Только никуда не сворачивай! Поняла?

Хантыйка потрясла головой, дескать, всё поняла. Проверяющие до острова не доедут, их будут поить всю неделю, пока командировка у них не закончится. Арестованных велят довести до острова, но мальчика надо спасти. Настасья подумала, что его можно отвезти в соседнее стойбище. Там подростка не найдут. До того места даже собаки не доходят, со следа сбиваются. По дороге в стойбище особенные травы растут, они нюх собакам отбивают.

Участковый уполномоченный вывел беглецов из камеры и повёл к реке, а хантыйка шла следом, боясь вспугнуть милиционера. Мужчина и женщина поняли, что их возвращают на остров, мальчик едва шёл, бледный, измученный, с тоской в глазах. Настасья обмирала от страха, чтобы он не упал раньше времени. Как только участковый посадит их в лодку, она схватит весло, и они уйдут в сторону стойбища.

— Ну, смотри, Настасья, не подведи меня, — сказал участковый, смотря ей в лицо, — я ведь проверю, привезла ты людей или нет. Если что не так, то беды не оберёшься, Настасья!

Хантыйка часто-часто закивала головой, помогая руками, стараясь убедить подозрительного милиционера в своей благонадежности.

— Ну, ладно, уговорила, бери вёсла!

Вскоре лодка захлюпала по воде, уходя в сторону Назина. Участковый взмахнул рукой и стал взбираться по обрыву. Берега в этих краях сыпучие.

Лодка плавно скользила по ровной глади. К вечеру ветер стих, снова повеяло ледяным холодом. Настасья пыталась улыбнуться мальчику, но тот прикрыл глаза от болезненной усталости.

сти. Хантыйка хотела и не могла сказать беглецам, что хочет их спасти, мучаясь от невозможности передать словами, что они через три часа будут свободны. И хотя жизнь в тайге суровая, но всё-таки она лучше, чем на острове среди людоедов. Настасья перебрала все слова, которые знала, но подходящие не нашла.

Отец подростка тоже закрыл глаза. Его трясло и знобило. Он должен был принять решение. Столько мук они перенесли, чтобы выбраться из проклятого места, а их опять везут туда же, на верную гибель. На жену он старался не смотреть. Она утратила веру в его силы. Он больше не мужчина для неё, не муж, не отец единственного сына. Да разве отец может отправить ребёнка на смерть? А этот может, сидит себе и глаза закрыл, а сын умирает. Женщина сжала губы, зубов у неё не было. Они выпали в течение месяца от странной болезни, которой нет названия. Лекпом сказал, что, наверное, у неё цинга или завелась какая-то инфекция в организме. Так и не смог определить болезнь. Женщина потеряла нить рассуждениям, она не представляла, как они будут жить на острове. Мальчик тихо клонился ко дну лодки, теряя сознание.

Когда Настасья попыталась на пальцах объяснить, что они едут на стойбище, мужчина потерял самообладание. Он выхватил из её рук весло и принялся бить хантыйку по голове, пока не забил до смерти. После, взглянув на смертельно бледную жену и лежавшего на дне лодки сына, всем телом налег за борт и лодка перевернулась. Ветер, появившийся следом за холодом, вспенил ровную гладь мелкими бурунчиками, затем поднял волну, отгоняя перевернувшуюся лодку вниз по реке.

Первой пропала Настасья, за ней мальчик, его мать ещё долго выбрасывала руки из водной толщи, но вскоре и она ис-

чезла. Мужчина безвольно барахтался в воде, подчиняясь инстинкту выживания, его таскало вниз и вверх, пока не унесло течением вслед за лодкой. Скоро и его не стало. Продолговатое днище лодки скользило вдоль берега, пока не зацепилось за вросшую намертво корягу. В этом месте образовался затор, препятствующий течению реки.

Глава седьмая

Алексей Роднин пил уже вторую неделю, и, чтобы никто не мешал, закрылся на ключ в комнате. Соседи потихоньку разбежались, пугаясь пьяного уполномоченного. Изредка Алексей выходил из комнаты, чтобы добрести до туалета, а потом снова нырк за дверь, и на защёлку. Перед запоем Роднин запасся спиртом, водой и куревом. На столе пистолет, оловянная кружка и бутылка спирта. Тарелка с окурками. Алексей пускал в комнату только Панина. У них был условный знак, сначала стук долгий, затем короткий и снова долгий. Пауза. Повтор. Фрол, как мог, прикрывал Роднина от начальства. Сначала врал, что Алексей уехал к родне за продуктами, потом сказал, что на похороны, а когда поймали на вранье, изловчился и ввернул что-то насчёт женитьбы.

Начальство и успокоилось. А что, женитьба — дело хорошее. В органах поддерживали семейную жизнь личного состава, понимая, что брак благотворно влияет на моральный климат в коллективе, ведь женатые люди более устойчивы и покладисты в службе, нежели холостые.

Фрол измучился со сменами и пересменками, врать — это одно, а работать за Алексея — совсем другое. Из-за внезапного запоя Роднина Панину приходилось бегать втрое больше поло-

женного, он зверски уставал, но никогда не забывал, что нужно забрать из садика Светланку. Они жили вдвоём в комнате в общежитии. Девочка никогда не спрашивала ни об отце, ни о матери. Иногда Фролу казалось, что она забыла родителей. Панин обидчиво поджимал губы, разве так быстро можно забыть родных? Хоть и маленькая девочка, но ведь голос крови сильнее, чем быстротечная память.

Молодых сил было много, поэтому Фрол везде успевал: и в отделе за двоих работал, и книги читал, и инструкции изучал, и на совещаниях присутствовал, ещё и успевал со Светланкой поиграть в кошки-мышки. Девочка любила именно эту игру; пряталась она неумело, как страус: головёнку засунет в шкаф, а платьишко колом торчит, и кричит на всю комнату:

— Не найдёшь-не найдёшь-не найдёшь!

Фрол усмехался: да от него никто не уйдёт потому, что хватка железная. Из любого закрома достанет. Недавно вот вытащил вредителя из окна. Тот провисел под подоконником ровно четыре часа, скорчившись так, чтобы оперативники, стоявшие во дворе, не заметили мазурика. Фрол долго не мог понять, каким образом мог скрыться подозреваемый. Подойдя к окну, постоял, пытаясь мысленно влезть в шкуру беглеца, и вдруг увидел верёвку — не толстую, но крепкую. Она оббивала медную ручку на створке и уходила вниз, зацепившись за чугунную батарею. Фрол провёл взглядом по верёвке и понял, что она спускается из окна, но там стоит группа уполномоченных. Мимо них муха не пролетит.

Фрол понимал, что подозреваемый не мог уйти дворами, вся улица наводнена оперсоставом ГПУ. Панин перегнулся через окно. Так и есть. Беглец держался за конец верёвки по-

синевшими руками и смотрел на него одним глазом. Панин мигом схватился за верёвку и вытащил хитреца. За этот эпизод Фрола наградили именным оружием, дали винтовку и наган тульского производства. Воронёная сталь победно сияла, наган сидел в руке крепко, винтовка за спиной не болталась. Фрол был доволен наградой. До этого у него был пистолет, доставшийся Алексею Роднину за успешное разоблачение банды вредителей. Потом Алексею за очередное разоблачение вручили новый вальтер, а старый он отдал Фролу.

После того как у Панина появилось собственное оружие, новёхонькое, сияющее, ему захотелось пострелять хоть в кого-нибудь. Вскоре и случай представился. Начальство приказало взять двух братьев, засевших в своём доме уже третий день. Это были Решетниковы; рабочая косточка, пролетарская, но с новой властью братья не спаялись, никак не могли её принять, она у них костью в горле застряла. Оружие у них осталось ещё с Гражданской, с колчаковщины...

Начальство согласовало действия с Москвой и приступило к штурму дома. Фрола Панина назначили главным, так как Алексей Роднин ещё не вышел из запоя. Сначала исследовали обстановку, подползали, уползали, бросали чучело, всё впустую. Тишина. Братья Решетниковы не реагировали.

Фрол из-за угла долго присматривался к окнам, из которых за ним наблюдали несогласные с советской властью. Причина такого антиобщественного поведения была в том, что дом, который братьям Решетниковым достался в наследство от богатого родственника ещё до революции, недавно реквизировали и заселили рабочими, разбив на клетушки и комнаты. Братья же не согласились с решением новых властей, решив с оружи-

ем в руках отстоять собственность. Было понятно, что за дом они будут драться до конца, до последней капли крови. И хотя в доме кроме братьев ещё было человек восемь, Фролу приказали взять Решетниковых во что бы то ни стало. Иначе говоря, остальные жильцы в расчёт не брались.

Фрол хотел уточнить число квартирантов в доме, но ему сказали, что около восьми и сосчитать можно будет только на следующий день, когда рабочие вернутся со смены. А те, кто не работает, сидят у братьев в заложниках. Панин взмахнул рукой, и оперативники поползли к дому, окружая его по периметру. По одному встали у окон, по два у дверей. Сам Фрол перебежками добрался до входной двери. Во дворе плюнуть некуда, мигом в человека с ружьём попадёшь. И вдруг что-то кольнуло в плечо. Фрол посмотрел: из рваной дыры потекла струйка крови, тонкая, но стремительная. Рванув дверь на себя, разом взлетел на пролёт лестницы и оказался на втором этаже.

Там, насколько он понимал, и должны были находиться братья. Первый этаж власти отдали пролетариату. Навстречу ему кинулся рослый мужик; Фрол смачно и с удовольствием всадил ему пулю в лоб. Ещё одну, и ещё, и ещё... для точности, а второго уложил с одного разу. Потом давал распоряжения, пока вытаскивали трупы, докладывал начальству, а затем вспомнил, что не забрал Светланку из садика. Всё бросил, пешком кинулся в сторону центра, проклиная забывчивость, запойного Алексея и оперативную необходимость. В садике ребёнка не было.

— Нету твоей Светланки! — сердито заворчала нянечка. — Совсем одурели. За детьми приходят в двенадцать ночи!

— А где же она? — растерялся Фрол.

— Валя, твоя соседка, забрала. Она за своей дочкой приходила и Светланку взяла. Вместе и ушли. У Вали и спроси!

Фрол сунул нянечке пакет с хлебом. Вместо конфет и шоколада теперь в ходу были другие подарки. За добрые дела благодарили хлебом, салом, луком, картошкой. Нянечка зарделась, растянула рот в улыбке: вот с этого надо было начинать, с хлеба.

Рана на плече оказалась совсем легкой, немножко покровила и подсохла. Панин в медсанчасть не пошёл, времени пожалел. Тут жить некогда, а рана, как на собаке, заживёт. Тётя Валя обрадовалась, увидев соседа.

— Фролушка, а Светочка уже спит. Я уложила её в вашей комнате. Накормила, чаем напоила, она и уснула. А что, сытая, довольная, нос в табаке!

— В каком табаке? — перепугался Панин, подступая к тётке Вале и сжимая кулаки.

— Да, тьфу ты, это поговорка такая, сыт, пьян и нос в табаке! Не слышал, что ли, Фролушка?

— Не-а, тётъ Валь, не слышал, — успокоился Панин и присел на табурет. — На вот, держи, тут хлеба тебе принёс. Нам сегодня паёк за три дня дали.

— Славный ты парень, Фролушка, заботливый, ласковый, жениться бы тебе, — запричитала тётя Валя, обрадовавшись неожиданному подарку.

— Зачем? Не хочу! — заупрямился Фрол, досадливо морщась.

— Так это ты не хочешь, а ребёнок без матери не может. За Светланкой уход нужен. Девочка в матери нуждается. Женись, Фролушка, женись!

Но он уже не слышал, слова отскакивали от Фроловой спины, как градины в летнюю пору. Панин не дослушал тётю

Валю. Он вдруг почувствовал, как трясутся руки. Внутри начались судороги, живот скрутило, дыхание замерло. Смертельно захотелось выпить, вдрызг, до смерти, до беспамьятства, но в комнате спала маленькая девочка, спирта в доме не было, а у тёти Вали бражка только-только забродила.

Фрол сжал голову обеими руками и почувствовал, как она разрывается от напряжения: «Это из-за Решетниковых! Я же их, как медведей завалил. Как кабанов. Они же теперь мне по ночам будут сниться!»

— Тётъ Валь, присмотри за Светланкой, а я до Алексея сбегаю! Его на работе спрашивали, мало ли что, — сказал Фрол, отводя взгляд от пытливых тёти-Валиных глаз.

— А-а, знаю я вас, напьётесь сейчас, как поросята. Не ходи ты, Фрол, к Алексею, ну что тебе неймётся? Уж очень он пьёт, сердешный!

— Присмотри, тётъ Валь!

Торопливо проговорив это, Панин выскочил из общегития. Свежий майский ветер обдувал разгорячённое лицо, и чем сильнее дул ветер, тем ошутимее чувствовался внутренний жар. Фрол бежал всё быстрее, высоко выкидывая ноги. Ему хотелось как можно быстрее попасть к Роднину. Алексей запасся спиртом на три месяца, хоть взводом пей. Фролу казалось, что сейчас сердце разорвётся на части, настолько мучительно было думать об убитых им братьях Решетниковых. Он был готов вылить в глотку даже не спирт, а расплавленный свинец, лишь бы забыть обо всём, что случилось сегодня. Напрасно он утешал себя: братья не первые, он и до них уже достаточно убил народу. И ничего, не снились кошмары, и надрызгаться неразбавленным спиртом не тянуло. Но чем больше Панин успокаивал себя, тем хуже ему становилось.

Часть пятая АЧИНСК

Глава первая

Небольшой городок Ачинск расположился у отрогов Саянских гор на правом берегу реки Чулыма. Крепкие дома, широкие улицы, красивые палисадники навевали мысли о другой, жизни, куда благополучнее, чем та, в которую невольно втянули Григория Алексеевича Горбунова. Он стоял на берегу реки и смотрел в воду. Не то чтобы его тянуло утопиться, нет; вода привлекала к себе чистотой и глубиной, именно этих качеств не стало хватать в его нынешней жизни. Григорий Алексеевич всегда ценил сущность и цельность бытия, а сейчас они раздробились на мелкие частицы, так вдребезги разносит выстрелом, подброшенный в воздух мяч. И хотя вера в справедливость советского строя оставалась той же крепкой и истовой, какой и была, всё-таки Григорий Алексеевич сильно сдал. Внутри него происходили изменения. С одной стороны, он, как никогда раньше, был уверен в правоте политики партии и правительства, с другой — тоска по исчезнувшей жене съедала его заживо.

Через шестнадцать лет после революции Ачинск неузнаваемо изменился. некогда процветающий город превратился в пересыльную комендатуру. На улицах было много военных, все в щеголеватой форме, в блестящих сапогах, перетянутые портупьями, с кожаными планшетами, у многих по два пистолета. И хотя Горбунов сам выделялся из толпы необычным видом, всё-таки военные в Ачинске перещеголяли его.

Григория Алексеевича раздирали сомнения, он не знал, что делать дальше. Надежды на розыск не оправдались. Ачин-

ская пересыльная комендатура не располагала сведениями о спецпереселенцах. Горбунову отказали в выдаче каких-либо справок и списков, несмотря на его высокое положение. После отказа можно было считать дело закрытым и попрощаться с надеждой найти Галину.

Горбунов понимал, что ехать в Омскую и Томскую комендатуры нет никакого смысла, там тоже откажут. У них же нет документов, многие фамилии, как объяснили ему в Ачинской пересыльной комендатуре, являются вымышленными. Списки в комендатурах составляются, но со слов лишенцев, а ведь наговорить можно, что угодно. Людей лишили гражданских прав, зачем им фамилии? Они же беспаспортные, а без документа нет имени. Любым могут назваться.

Григорий Алексеевич стоял у реки, смотрел в воду и чувствовал, как вместе с последней надеждой уходит его воля к жизни. Воля уходит, а уверенность в правоте партии остаётся неизменной. Небольшая кромка воды светилась внутренним светом, дальше громоздились брёвна, сваленный лес переплавляли по реке дальше, на деревообрабатывающие заводы. Огромные лесины разбухли и налезали друг на друга, словно живые, пытаются отвоевать пространство у воды. Если долго смотреть на плавающий лес, то может показаться, что они поклялись вечно мстить за надругательство над ними, за то, что их спилили и бросили в воду. И столько ненависти чувствовалось в обиженном дереве, что Григорий Алексеевич отошёл от воды подальше.

Как только он повернулся лицом к городу, чёрные мысли исчезли и появилась надежда найти Галину. Повеселевший Горбунов шёл к дому приезжих, не замечая дорожной суеты. На перекрёстке его чуть не сбил военный патруль, он едва увернулся,

зато другой пешеход со свёртками в руках неуклюже подвернул ногу. Ещё мгновение — и он угодил бы под колёса, но Григорий Алексеевич успел оттащить грузное тело от автомобиля. Мужчина всем весом лёг на его руку, но Горбунов не уронил, выдержав тяжесть, только слегка напрягся, затем приподнял упавшего мужчину и поставил на ноги. Военный патруль даже не заметил, что едва не зацепил колёсами двух пешеходов. Пока мужчины отряхивались, машина была уже далеко.

— Ох, гражданин, что бы я без вас делал? — разохался мужчина богатырского телосложения с плаксивым выражением на лице.

— Ничего, бывает, — сердито буркнул Горбунов пытаясь стряхнуть грязь с белоснежного френча.

— Испачкались? — с глупой улыбкой спросил богатырь.

— Да, как видите! — окончательно разозлился Григорий Алексеевич. — Лучше бы под ноги смотрели.

— Да это они виноваты, ездят, как на ипподроме, — разволновался мужчина, — вы, гражданин, мне жизнь спасли. Я бы сейчас на дороге валялся, если бы не вы.

— Ничего, ничего, всё пройдёт, — улыбнулся Горбунов и протянул руку на прощание, мечтая быстрее избавиться от случайного знакомства.

— Фома! Фома Хомченко. Вохровец. Конвойная служба. В Ачинске проездом. Отметим моё второе рождение? — Хитро улыбнулся Фома и подмигнул.

У Горбунова перехватило дыхание. Только что он, стоя на берегу реки, думал, как покончить с жизнью и надеждами одним махом, а тут, вот оно что, удача сама идёт в руки.

— Отчего бы нет! Я тоже проездом. Утром уезжаю.

— А куда, позвольте спросить? — спросил Фома и принялся собирать разбросанные в суете свёртки.

— В Ленинград, а вы?

— Я тоже еду в Ленинград! Я ведь поезда с переселенцами сопровождаю, — сказал и тут же осёкся Фома, внимательно посмотрев на френч собеседника.

— Вы-то мне и нужны! — выпалил Григорий Алексеевич, подбирая еще один сверток, который закатился под скамейку.

— Гостинцы домой везу, — потупился Фома, мысленно кляня себя за то, что невольно нарушил инструкцию — заговорил с посторонним о делах службы. Но он тут же одёрнул себя, посторонний человек спас ему жизнь, можно сказать, во второй раз помог родиться. Да роднее человека нет теперь на земле, чем этот незнакомый мужчина. Впрочем, Фому немного пугало, что незнакомец весь в белом, как покойник.

— Так мы отмечаем или нет? — с наигранной радостью в голосе воскликнул Горбунов.

— А как же! — откликнулся Хомченко. Они сразу же направились в дом для приезжих, по дороге беседа о дивных красотах некогда уютного города Ачинска.

* * *

Алексей спал за столом, положив лицо на скрещенные руки. Фрол потолкал его в плечо, бесполезно, не пробудиться. Жилистое тело словно окаменело; толкни — и упадёт. Панин брезгливо передёрнулся: на столе намусорено, между тарелок шныряют тараканы. Собрав грязную посуду, отнёс на кухню, перемыл, поставил сушиться на газету. Потом выкинул окурки, протёр стол и налил стакан спирта. Хотел разбавить водой, но передумал, внутри всё клокотало, нестерпимый жар выжигал

внутренности ноздрей, носоглотки, горла. В животе разгорался пожар. В ушах звенело. Фрол потряс головой, надеясь прогнать звон, но внутренние колокола лишь усилили перезвон. Услышав бульканье, Алексей очнулся, посмотрев мутным взглядом на Фрола, двинул по столу свой стакан, мол, и мне налей!

— Здорово, Алексей! Как ты, оклемался? — спросил Фрол, сдавливая стакан в дрожащей руке. Ему не хотелось, чтобы Роднин догадался о глубокой муке, сжигавшей дотла его внутренности похуже спирта.

— Пей, давай, я смотрю, у тебя всё нутро горит! — усмехнулся Роднин и одним махом влил в себя полстакана спирта. Жидкость радостно зажурчала в глотке, щекоча кадык. Роднин поперхнулся, раскашлялся, яростно замахал руками, но вскоре успокоился.

— Горит, — кивнул Фрол и медленно выпил, но внутренний жар только усилился. Он чувствовал, как тело пылает, кожа на руках вдруг невыносимо зачесалась.

— Смотри, к тебе парша прилипла, — хрипло засмеялся Роднин, — коростами пошёл, видать, переживаешь много. А ты плюнь! Они тебе кто? Никто. Вот то-то и оно! Они никто. Решетниковы были настоящие пролетарии, потомственные. А как завладели домом, мигом морально разложились. Частнособственнические инстинкты разъели их, как черви падаль. Правильно сделал, что в расход пустил. Другим неповадно будет. Хватит сжигать себя, Фрол! Ты не на пожаре. Ты должен направлять огонь революции туда, куда прикажет партия, а не сгорать в нём. Ведёшь себя, как девка на выданье!

Панин смотрел на Алексея и ничего не понимал: пошла уже третья неделя запоя, а Роднин выглядел, как огурчик —

свежий, с румянцем на щеках, с ясным умом и острым языком.

— Подожди, я налью тебе, — пробормотал Роднин и щедро плеснул в опустевшие стаканы. — Выпьем, Фрол, за победу мировой революции!

— Выпьем, товарищ уполномоченный!

Панин покорно выпил, чувствуя, что спирт в его желудке превращается в обычную воду. «Не надо было начинать, плохо пошло», — запоздало подумал Фрол и поискал глазами закуску. На столе стояла тарелка с хлебом и картошкой.

— Огурцов бы, — сказал Фрол, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

— Какие в мае огурцы? А солёные я ещё в сентябре употреблял, — ухмыльнулся Роднин и снова задремал. Алексей быстро опьянел. Теперь он выглядел не просто пьяным, а очень пьяным. Рот развалился, как требуха, уши обвисли, руки набрякли. Фрол изучал перемены в товарище, происходившие каждые пять минут. Не понять, когда он говорит обдуманно, а когда, не соображая. Опасно с ним за одним столом. Не знаешь, с какой стороны подвоха ждать.

— Ты вот что, Фрол, поезжай вместо меня в командировку!

Слова прозвучали убедительно, как на совещании. Панин оглянулся. Вдруг ему всё мерещится? И находитесь он не в гостевом доме, а в актовом зале на общем собрании оперсостава.

— Куда? — растерянно спросил Панин.

— В Александрово. Там страшные вещи происходят. Ко мне тут Колубаев заходил. Мы с ним выпили, посидели. Он только что вернулся с тех краёв.

— Какие-такие страшные вещи?

Панин с удивлением смотрел на товарища. Нечёсаная голова, патлы не стрижены, зубы покрыты мутной слизью, из носа сочится какая-то жидкость, но говорит чётко и ясно. Ни дать ни взять — трезвый как стеклышко.

— А там людоедство на острове, голодуют люди. Поезжай, Фрол, заодно проветришься, — щеря грязные зубы, ухмыльнулся Роднин.

— Какое людоедство? Что ты говоришь, Алексей? Такого не может быть! Партия не может допустить людоедства на острове!

Фрол затряс головой, руками, затопал ногами. Совсем помутился рассудок у уполномоченного от многодневного запоя. Необходимо доложить начальству!

— Не спеши, Фрол, успеешь ещё выслужиться! Ты ранний, повсюду успеваешь. Рвение проявляешь. Молодец, головастый! И про меня настучишь, кому надо, знаю-знаю, что настучишь, но, пока молчи. До поры, до времени. Лучше поезжай на остров, всё узнай, проинспектируй и возвращайся. А потом будем думать, что делать дальше.

— Так ведь время пройдёт! Пока туда-сюда, до Александрова две недели пути быстрого хода, да две на обратную дорогу, вот месяц и уйдёт.

— А куда нам торопиться? Нам некуда спешить. У нас всё впереди, вся жизнь, — пробормотал Роднин и уснул. В этот раз окончательно и надолго. Панин выпил полстакана спирта, но не опьянел, хотел ещё выпить, но не полезло. Поднялась тошнота, подошла к горлу и сжала тисками. Панин едва успел выскочить на улицу, чтобы не вытошнило прямо в комнате. Хорошо, что соседи Алексея разбежались. А то бы неудобно было.

* * *

Утром следующего дня Фрола вызвал начальник управления.

— Ты вот что, Панин, собирайся в командировку!

— В Александрово? — невольно вырвалось у Фрола. Сказал и обмер от страха. Перебивать начальство по уставу не положено.

— Откуда знаешь? — поднял кустистые брови начальник управления.

— Догадался, товарищ начальник управления!

— А-а, понятно, догадался, ты же баржу в путь снаряжал, — усмехнулся красавец начальник — высоченный мужчина с иссиня-чёрными волосами и широкой улыбкой, — нам надо проверить кой-какие факты. Имеются подозрения, что товарищи на местах не в полной мере проводят политику партии и правительства. И с ревзаконностью не в ладах. Если факты не подтвердятся, возвращайся! Со щитом или на щите. Будем ждать результата, товарищ уполномоченный!

— Помощник уполномоченного! — Панин осекся: снова полез вперёд батьки в пекло, но начальство миролюбиво махнуло рукой, мол, это в прошлом. Получил повышение, благодаря начальство в соответствии с уставом.

— Так точно, товарищ начальник управления!

— Ты не «такточной»! Не при царском режиме, — нахмурился начальник управления, — выполняйте задачу!

Фрол вышел на улицу. Хотя его знобило, он почувствовал, что погода изменилась. На небе сияло почти летнее солнце, с Оби дул тёплый ласковый ветерок, и Фролу захотелось уехать из города, туда, в глушь, в тайгу, где болота и трясины, где не достучаться до властей, где любой милиционер царь и бог. Там

другие отношения, там люди верят друг другу, там можно сидеть за столом и не думать, что замышляет твой соратник по партии. Фрол бегом добежал до общежития, и, схватив Светланку, перенёс девочку в комнату тёти Вали.

— Тётъ Валь, я уезжаю в командировку, присмотри за Светочкой, она тихая, кушает мало, спит спокойно, — скороговоркой зачастил он, перечисляя достоинства приёмной дочери.

— Да знаю я, какая у тебя Светланка, хорошая девочка, ласковая, — проворчала соседка, — так ты надолго в командировку?

— Вроде нет, ненадолго, — соврал Панин, отводя взгляд в сторону.

— Значит, надолго!

Тётя Валя задумалась. Отказаться нельзя: сосед, хоть и молодой, но работает в органах. Мало ли что, вдруг пригодится, если родню заберут. А то затаит зло, мол, попросил за ребёнком присмотреть, а она отказала. Такое тоже бывает. Мужчины — народ злопамятный.

— Ох, Фролушка, не ко времени ты в командировку отчаливаешь, скоро лето, а за детьми глаз да глаз нужен. Мало ли что может случиться? Возьмёт да на дорогу выбежит, а там машина собьёт, или телега наедет. Маленькая она ещё. Боюсь я, Фролушка, ты меня потом со свету сживёшь, если что случится!

Панин молча маршировал по комнате. Тётя Валя не просто так завела разговор, явно хочет что-то выторговать. Соседка не так проста, как кажется, своего не упустит.

— Тётя Валя, я же не даром, и деньгами заплачу и пайком рассчитаюсь. Я вам приготовил котомку с продуктами.

С этими словами Фрол вывалил на стол консервы, хлеб, крупу, сахар в мешочках, брикеты чая, а в довершение карти-

ны выставил на стол две чекушки водки. Соседка многозначительно смотрела в окно, словно не замечая изобилия на столе, но Фрол понял, что согласие получено, и Светланка остаётся под присмотром. Тётя Валя хоть и жадноватая женщина, но взрослая, не вертихвостка. Семья хорошая, крепкая, свои дети имеются, а где трое, там и четвёртый не помешает.

— Ещё и деньгами добавлю, когда вернусь!

Соседка покачивала головой, мол, так-так, молодец, с этого и надо было начинать. Фрол попрощался с девочкой, Светланка крепко его обняла, прикрыв глаза, а на ресницах повисли слёзы.

— Э-э, не плакать! Светланка, мы так не договаривались, я же скоро приеду! Ты не плачь, пожалуйста, не расстраивай тётю Валу. А я тебе привезу шубку из зайца. Хочешь?

— Нет! — Светланка скривила губы, изо всех сил сдерживая бурные рыдания.

— Ладно, тогда из белки!

— Нет! — крикнула девочка и расплакалась.

— Почему, Светик? — растерялся Фрол. С тех пор как он забрал девочку из детприемника, он ни разу не слышал, чтобы она плакала. Водопад слез обрушился в первый раз, Фрол не был готов к такому расставанию.

— Не хочу шубку! Хочу белку, белочку, — прошептала Светланка, снова заливаясь слезами.

— Да привезу я тебе белку. И зайца привезу. Там их много. Я же в тайгу еду, Светик!

— А что это такое — тайга? — Девочка широко распахнула глаза, видно, незнакомое слово ей понравилось.

— Это лес, но он большой, очень большой, там твоя ма... — чуть не проговорился Фрол и прикусил язык.

Тётя Валя вздохнула. Хорошо, что Светланка не заметила оговорки, а то за три дня не успокоилась бы. Девочка соскользнула из отцовских объятий и вскоре уже щебетала с облезлым плюшевым медведем. Панин надеялся, что отыщет Зою Чусову, он же своими глазами видел, как она шла на баржу по трапу. А соседка ехидно шурила глаза, случайно услышав обрывок фразы. Она бы отдала весь продуктовый паёк, лишь бы узнать чужую тайну. С тех пор как в общежитии появился Фрол Панин с приёмной дочерью, соседка ночей не спала, ворочаясь с боку на бок, размышляя, откуда взялся ребёнок у молодого помощника уполномоченного? Не на помойке же он подобрал девочку?

— Ладно, поезжай, Фролушка! Я приглажу за твоей дочкой.

Панину понравились последние слова. У него зашипало в глазах, защемило в груди, и он не мог понять, почему от простых слов наворачиваются слёзы, совсем как у Светланки. Лучше потом всё обдумать. Сейчас надо собраться. Фрол бросил пустую котомку на стул и пошёл собираться. Он часто слышал поговорку: нищему собраться, только подпоясаться, но в этот раз понял, что она означает. Его сборы были недолгими. Документы, командировочное удостоверение, мандат на полномочия, которыми его наделил начальник управления, полотенце, зубной порошок, кусок мыла и носки. Скрутил вещи в скатку и засунул в мешок. На пристани его уже ждали.

Глава вторая

Вагон равномерно раскачивался под задушевные разговоры. За окном простирались сибирские просторы.

— Тыц, велика наша страна! — восхищённо прицокнул языком Фома Хомченко. — Глянешь в окно, а там такая махина лежит, бери и пользуйся!

— Да, страна у нас большая, — сдержанно поддержал Горбунов, — за месяц не объехать.

— Какой там месяц! За всю жизнь не исколесишь. Я разъездным конвойным числюсь, езжу по этой ветке туда-сюда и каждый раз что-то новое вижу.

В вагоне больше никого не было. Они сидели вдвоём, выпивая и закусывая. На купейном столе стояли сибирские разносолы и бутылъ самогона.

— Самое важное в поезде, знаешь, чё, Алексеич? — спросил Фома и опрокинул стопку с ядрёной жидкостью. В купе было накурено и смрадно, Григорий Алексеевич открыл окно, ворвавшийся ветер разогнал дым, в купе стало свежо и беспокойно.

— Что, Фома?

Горбунов выглядел спокойным и отдохнувшим. Который день они праздновали второе рождение Фомы Хомченко. Начали ещё в Ачинске, продолжили в буфете на вокзале, затем переместились в отдельное купе, принадлежавшее железной дороге. Обычно в нём путешествовали военные, командированные и фельдъегерская служба. Фома, приведший состав со спецпереселенцами в Ачинск, возвращался в Ленинград налегке, отягчённый лишь гостинцами и подарками для родни.

— Хорошая компания, вот чё! — воскликнул Фома, выкатывая покрасневшие белки глаз. — Без компании жутковато бывает. Едешь-едешь, а в голову чёрт знает, чё лезет! Хорошо, что ты меня спас, а то я шас лежал бы в Ачинском морге и ждал, когда родня приедет за телом.

Хомченко расхохотался от собственной шутки, Горбунов тоже засмеялся.

— Согласен, Фома, в хорошей компании дорога не чувствуется. А как часто идут составы со спецпереселенцами?

— А как наберут народ, так и отправляемся. У нас же всё по цифрам — надо отвезти стоко-то, мы и везём!

— Много, видимо, везёте?

Горбунов приложился к стопке. Ему давно не хотелось ни пить, ни есть, но Фома всю дорогу безудержно пил и требовал от Григория Алексеевича того же.

— В вагоне должно быть сорок человек, а у нас старый состав, нары по бокам двухъярусные, по старинке всё, с парашами в полу, но мы забили дырки.

— Как это? В дороге и без уборной?

— Убегают! Дырку просверлят и через парашу в полу убегают! Только свист стоит. Не догонишь! Забили дырки, поставили ручные парашаи. А в вагон набиваем по восемьдесят с лишним человек. А как иначе? Нам же план надо выполнить!

И вдруг Фома резко протрезвел. Слегка прояснились покрасневшие глаза, сомкнулся открытый рот, подсохла запёкшаяся пена на губах.

— Лексеич, а ты чего интересуешься, зачем тебе это?

Фома преобразился. Вместо пьяного и легкомысленного охранника перед Горбуновым сидел строгий представитель органов. Конвойный Хомченко относился к своей службе с полной ответственностью. Ему нравилось и довольствие на службе, и страну всю исколесил, и начальство строго не спрашивает. Иногда его мучила совесть, но лишь по той причине, что мало вёз гостинцев родне. Фома вывез из Сибири весь хомченковский выводок в Ленинград, заселил в бывшей барской квартире и теперь кормил всех от мала до

велика. Приходилось много и трудно работать, чтобы всех прокормить.

— Ох, Фома, не спрашивай! Беда у меня, да такая, что и вздохнуть не могу, и выдохнуть трудно. Не сплю второй месяц.

— А чё такое? — встревожился Фома и, привстав, положил руки на плечи Горбунову.

— Да жена у меня пропала. Ищу её, ищу, как иголку в стоге сена. Страна большая, человеку легко затеряться.

— А ты, Алексеич, думаешь, чё она у нас, среди ссыльных? — Ошеломлённый догадкой Фома плюхнулся на сиденье и задумался.

Оба долго молчали, Григорий Алексеевич думал об утраченной надежде, а Хомченко пьяным мозгом переваривал услышанное.

— Ох, ты ж, твою бого душу мать, как бывает!

Фома долго ругался, ёрзал на сиденье, не забывая, впрочем, счищать шкуру с солёного чебака.

— Плохо, что пофамильный учёт не ведут, плохо. Видишь ли, дело в чем: приказано очистить большие города и юг от всех, у кого нет документов. А нет документов — значит, нет фамилии. Лишенцы они. Бесфамильные. Потом на пересылке составляют списки со слов. А разве можно им доверять? Со слов составлены. Правды там ни на грош. Тяжело тебе, Алексеич, это как искать иголку в реке, а не в стоге сена.

— В Ачинск съездил, думал, найду, надеялся, нет, сказали, бесполезно, — посетовал Горбунов.

— Надежда всегда есть, — возразил Фома, — достань-ка ещё бутылку, вон там, в куженьке. Ага, вот эту, да. Давай, выпьем за надежду!

— А-а, чего там, какая надежда? — махнул рукой Горбунов и отвернулся. За окном мелькали деревни, посёлки, городки. В каждом доме, за каждым окном кто-то жил. Григорий Алексеевич попытался представить всех этих людей, но сбился на первой деревне. От ощущения бессмысленности жизни и выпитого самогона Горбунова затошнило.

— Есть надежда! Как же без надежды? У меня в Томске живёт товарищ, верный, преданный, настоящий советский человек! Миша Логунов. Большим человеком стал Миша! Он тебе поможет. Я ему щас напишу, что ты от меня.

Фома вытащил химический карандаш, долго слюнявил его, затем нацарапал на листке бумаги несколько слов. Григорий Алексеевич с недоверием смотрел, как буквы расползаются по бумаге в разные стороны.

— Держи! — Фома протянул листочек Горбунову.

— А кто такой этот Миша?

— Миша служит у товарища Долгих. Он тебя сведёт с ним. А товарищ Долгих — самый главный по расселению этих... переселенцев. Уж он-то знает, где найти списки лишенцев. При погрузке на баржи всех ссыльных переписывают. От руки, как попало, но переписывают. А Миша всё сделает, он мне никогда не отказывал, мы с ним, как братья.

Григорий Алексеевич не выдержал, сжал голову руками и заплакал. Слезы струились по всегда спокойному, волевому лицу, падая крупными градинами. Фома, округлив нетрезвые глаза, с ужасом наблюдал, как на белых брюках собеседника образуется мутноватая лужица. Не жалеет Григорий Алексеевич имущество. Совсем не жалеет.

— Ну, хватит, Лексеич, давай, дёрнем!

Григорий Алексеевич схватил стопку и с жадностью выпил. В голове зашумело, слёзы высохли. Вновь засияла разноцветными лучами надежда, как радуга после дождя. Волосы у жены так переливались на солнце. Как радуга.

— Фома, ты мне тоже теперь, как брат родной! Помоги ещё раз, у меня же билет до Ленинграда, а отпуск кончается.

— А ты в Томске подойди к военному коменданту, скажи, что от меня, он тебе сделает военную бронь. И билеты выпишет. Как не помочь брату, Лексеич? Братья должны помогать друг другу!

Они крепко обнялись.

* * *

Небольшой юркий катерок дымился, как папироса, из рубки шёл дым кольцами, словно внутри затаился гигантский курильщик. В округе пахло свежим борщом. Фрол сглотнул слюну и ощутил, как железные тиски, сжавшиеся вокруг грудной клетки, слегка ослабли, но до конца не отпустили, дышать было по-прежнему трудно. Он взмахнул головой, отгоняя грустные мысли и проорал, сложив ладони в рупор.

— Эй, на палубе! Есть кто живой?

— Есть-есть, товарищ Панин! Вас только и ждём. — На палубу выскочил чумазый машинист. — Проходите, каюта готова!

Панин поднялся по шаткому трапу и пожал маслянистую от мазута руку машиниста.

— Как звать-то?

— Николаем кличут, можно Колей звать.

— Когда отчаливаем, Николай?

— Дык, только вас и ждали, — ощерился машинист, — а у нас тут ещё пассажир объявился. Со мной в каюте поедет. Его товарищ Кузнецов привёл, сказал, что товарищ Долгих приказал доставить к месту назначения.

— А почему с тобой в каюте? — удивился Панин, невольно стирая с руки мазут, но он размазывался по всей кисти.

— Дык нету больше кают, ваша да наша, — ещё шире ощерился машинист, — у нас, да у вас, да у матросов общий кубрик. Они там вповалку спят.

— Что за пассажир? — Панин медленно наливался гневом: никто не предупредил, никакой инструкции от начальства не получено, даже до сведения не довели. А ведь утром он был в управлении. Уж всяко должны были поставить в известность.

— Да непонятный какой-то мужчина, смурной, но весь в белом, — отмахнулся машинист, — вы, товарищ уполномоченный, пожалуйста в каюту. А потом на кухню, наш повар такой борщец сварганил!

— Отлично!

Панин прошёл вслед за машинистом и бросил свёрток на рундук. Тесно, узко, не повернуться. Не каюта, а каморка, и сам катер маленький, неудобный.

— Тесновато тут, зато отдельно будете спать, — сказал машинист и будто испарился.

Только что чернел измазанной физиономией и пропал, будто его не было. Фрол лёг на рундук и задумался. Перед глазами замелькали события последних недель и месяцев. За это время жизнь преподнесла ему столько сюрпризов, что не разберёшься без посторонней помощи.

Сначала всё было просто. Простой деревенский паренёк приехал в город, случайно устроился на службу, там выдали паёк и ружьё, поставили охранником, вохровцы не обижали его, а потом ему вовсе повезло: сам Чусов взял к себе в помощники. Егор Палыч и сам культурный человек, и жена у него добрая. Жаль обоих, хорошие были люди. Потом всё кончилось. Жизнь понеслась, как сани с обрыва. Один месяц за год можно пересчитать, всё быстро-быстро-быстро, только успевай поворачиваться да соображать. Алексей Роднин казался простым, свойским парнем, Фрол поначалу считал его своим названным братом, а оно вон как обернулось. Не ровен час и от Алексея придёт беда.

Фрол заскрипел зубами. Недавно образовалась эта привычка, раньше такого не было. Незаметно он задремал, не заснул, а словно провалился в бессознательное состояние. Только что размышлял о сложностях жизни и вдруг рухнул в небытие. Проснулся от стука в дверь.

— Чего надо? — крикнул Фрол, поначалу не сообразив, где находится. Вскочил с рундука, стукнулся головой о низкий потолок, тихо ругнулся.

— К обеду желаете? — пискнуло из-за двери.

Панин открыл дверь и увидел маленького толстенького человечка с грязным полотенцем на шее.

— Желаю, — кивнул Панин и протянул руку: — Как звать-то?

— Васей, — всколыхнулся толстячок и вместо того, чтобы протянуть руку, стянул полотенце с шеи и махнул им, как платком. Панин поморщился. И полотенце грязное, и повар немыйтый, и жесты у него бабьи. Но ничего не поделаешь: придётся столоваться с ним целых две недели.

Фрол заставил себя улыбнуться и пошёл за Васей. Никакой столовой на катере не было. В помещении кухни стояла плита, висели полки с посудой, посередине стоял стол, привинченный к полу. Панин с ходу насчитал пять человек; особенно выделялся пятый — солидный, в белоснежном кителе, с вымытыми добела руками, с сияющей сединой в волосах. Он сидел один, с краю, выделяясь среди всех ослепительной белизной.

— Уполномоченный Панин! — представился Фрол, протягивая белому человеку руку для приветствия.

— Горбунов! — резко бросил таинственный пассажир, не поднимаясь со стула. Панин яростно вздёрнул голову — слишком надменным показался Горбунов — но, увидев в его глазах тоску небывалой силы и глубины, стусевался. Странный пассажир сидел сбоку, но не участвовал в общем разговоре. Он словно погрузился в самого себя, и никого не слышал, ничего не видел. Фрол несколько раз мысленно обращался к нему, но вслух ничего не произнёс. «Надо будет, заговорит!» — решил он и обратился к машинисту:

— Николай, когда прибудем к месту назначения?

— А дней через пять и прибудем, — раздвинул широкий рот черномазый машинист. Николай почему-то всегда улыбался. И всегда во весь рот, несмотря на то, что одного зуба у него не было. Иногда из чёрного проёма вылетал свист.

— Как это — через пять? А я думал, недели две в пути проведём, — удивился Панин, принимаясь за борщ. Только сейчас он почувствовал голод. Ему уже всё нравилось на катере: и машинист, и повар, и борщ, и низкий потолок в каюте. Лишь странный пассажир нарушал равновесие. Горбунов злил всех своим равнодушием, тем, что был постоянно погружен в себя.

— Та не-е-е, — протянул Николай, — это баржу надо таранить две, а то и все три недели, а катер самоходно идёт быстро. Без груза ему легче. Навигация открылась, льду нет, весь сплав унесло течением. Путь открыт. Через пять дней, а то и раньше, уже в Александрово будем!

Пассажир сделал еле заметное движение шеей. Что-то не понравилось ему в словах машиниста.

— Как вам борщ? — приторным голосом спросил Николай, обращаясь к Горбунову. Тот одёрнул китель, поправил волосы, хотя поправлять было нечего, лежали волосок к волоску, и промолчал, сделал вид, что не понял вопроса. Николай обиделся, бросив ложку на стол, сжал прокопчённые кулаки, но, посмотрев на насупившегося Панина, смолчал. Не стал ворошить горячие угли. Панин решил действовать иначе.

— Как звать-величать? — Фрол склонил голову к Горбунову, чтобы тот не посмел увильнуть от ответа. Этому приёму Фрола научил Роднин. Так кого-то допрашивать не только лучше, но и удобнее. При таком ракурсе подозреваемый не может отвести глаза, ему придётся смотреть прямо, глаз в глаз, а не по сторонам.

— Григорием Алексеевичем нарекли, — сказал Горбунов и вонзил взгляд, казалось, прямо в сердце Панина. Фрол смутился. Вот о таком Роднин его не предупредил, что кто-то еще может владеть этим приемом. Почувствовав себя побежденным в этой дуэли взглядов, Фрол молча принялся хлебать борщ.

— Хороший у нас повар! — Стукнул ложкой Николай, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

— Так точно! — расплылся в улыбке широколицый Василий.

— Не «такточной», ты не при царском режиме! — Панин резко оборвал дружный смех.

Все присмирели, и один за другим вышли из-за стола. Горбунов аккуратно положил ложку. Не стукнул, не брякнул, а положил бережно, как хрупкую вещь, затем отодвинул пустую тарелку и молча покинул кухню. И опять-таки с вывертом: не вышел, не вылез, не ушёл, а удалился с достоинством, словно он самый большой начальник.

Фрол стиснув зубы, проводил его тяжёлым взглядом: «Тяжко придётся эти пять дней. Как бы беды не нажить!» Он словно чувствовал беду, стоящую прямо у него за плечами. Она грезилась в каждом шорохе, в каждом взгляде, в каждом движении. Такое ощущение поселилось в нём еще после разговора с Родниным. Что-то важное хотел сказать ему Алексей, но даже спяну не сказал, друг не смог пересилить в себе казённого человека. Лучше бы открыл правду-матку, а то ведь поселил кручину и не выдернуть её из сердца ничем. Сидит и ворочается там, внутри, словно гвоздь в затылок забили, а он насквозь прошёл, до самых пяток. Фрол передёрнулся и усилием воли заставил себя не думать о плохом. Дома осталась Светлана, она ждёт его возвращения. Просила привезти зайца или белку. Фрол, вспомнив о своём обещании, улыбнулся. Боль из затылка ушла, хоть на время.

* * *

После обеда Фрол прошёл в каюту. Спать не хотелось, а больше делать было нечего, и он вышел на палубу. Обь простиралась широкой лентой, ровной, спокойной, без ряби и беспокойства. Сегодня она была величавой, вся наполненная достоинством. Высокие берега зазеленели, кое-где зацвела черёмуха. Следом

за катером пенилась волна, отбрасывая барашки пены на водную гладь. Фрол заметил, что на противоположной стороне катера стоит Горбунов, крепко обхватив поручни обеими руками, настолько крепко, словно боится их выпустить. Он незримо подкрался к Горбунову, чтобы использовать ещё один приём, которому его научил Алексей Роднин. Надо захватить подозреваемого врасплох, задав ему вопрос в спину.

— Григорий Алексеевич, а каким ветром вас занесло на север? Человек вы не нашенский, края наши вам не понятны, так по какой нужде нагрянули?

На ответ он не надеялся, просто хотелось подразнить человека в белом костюме.

— У меня жена потерялась. Три месяца назад. Ушла за хлебом и не вернулась.

Фрол вздрогнул. Горбунов ответил обычным человеческим голосом. Так говорят сильно пережившие люди. Голос звучит без надрыва, но слушать невозможно. Сердце рвёт на части.

— А почему вы думаете, что она в Александрово? И как она могла туда попасть? Этого не может быть. Её там нет!

— Там она! Я все три месяца ищу её. Ищу и ищу, прямо по следу иду. Её фамилия нашлась в списках Томской пересыльной комендатуры. Она была в числе переселенцев на первой барже. У меня самые достоверные сведения.

Горбунов переменялся. Взгляд стал мягче. Прямая линия губ изогнулась. Стальной оскал исчез. От надменного человека не осталось следа. Перед Паниным стоял несчастный муж, потерявший любимую жену.

— Вы это! Как там вас? Григорий Алексеевич, что ли? Говорите, да не заговаривайтесь!

— Что такое?

Горбунов повернулся лицом. Ровный пробор, чёткие усики, острые скулы. Всё у него складное, ровное, гранёное.

— Я говорю, говорите, да не заговаривайтесь! У нас нормальных советских граждан в спецпоселения не направляют! Я сам снаряжал баржу. Я видел этих мазуриков!

Внезапно Фрол осёкся. Он вдруг увидел, как по трапу идёт Зоя Сильвестровна. Панин взмахнул рукой, отгоняя видение. С Чусовыми всё ясно. Их подставил старая сволочь Рагузин, но это единичный случай, единственный на всю страну. Александр Николаевич ещё своё получит, а Зою Чусову Панин отыщет. За этим он и едет в Александрово. А этот человек — настоящий враг, вредитель социалистического строя!

— То есть вы хотите сказать, товарищ уполномоченный, что товарищ Долгих напрасно отправил меня в Александрово?

Фрол застыл. В голове билась опасливая мыслишка, что пассажир этот несёт в себе беду, от него так и несет несчастьем. Надо с ним быть осторожнее в разговорах, а то ведь сам доложит в органы, у такого не задержится.

— Товарищ Горбунов, советская власть переселяет вредителей и врагов социалистического строя. Им не место среди советских граждан. Вашей жены не может быть на острове Назино! Там одни уголовники и мазурики. Я их видел. Это опустившиеся, конченные люди. Они сами должны построить себе будущее. Своими руками!

— Разве ошибок при переселении такого количества людей не может быть?

Горбунов снова отвердел. Рот стал жёстким, лицо превратилось в железную маску.

— Нет. Не может. Подставить могут. Это да. Бывает такое. Других ошибок не может быть! Это не по-советски.

Они стояли, широко расставив ноги, и с неприкрытой ненавистью смотрели друг на друга. Фрол хотел пересмотреть Горбунова, второй раунд должен был остаться за ним, но Григорий Алексеевич оказался мудрее.

— Я тоже так думал, товарищ уполномоченный, пока меня не поставили перед фактом. И даже тогда я не верил, пока не увидел написанный от руки список с фамилией моей жены в Томской пересыльной комендатуре.

— Это всё Колубаев! — с угрозой произнёс Панин. — Это он смуту наводит. Списки распространяет...

— Я не знаю, кто такой Колубаев, я ведь с товарищем Долгих знаком, — извиняющимся тоном сказал Горбунов и ушёл, оставив Фрола одного.

Панин помотался по палубе, потискал поручни, проверяя их на прочность, затем попинал тросы, но от этого беспокойство лишь нарастало. Горбунов не понравился ему с первого взгляда. Сжав кулаки, Фрол долго стучал костяшками по поручню, причиняя себе боль, чтобы остановить поток страха, хлынувшего в него после разговора с Григорием Алексеевичем. Боль стала нестерпимой, но страх никуда не делся. Тогда Фрол ушёл в каюту и лёг на рундук. Нужно было собрать мысли в один котелок, переварить их, чтобы не сорвать командировку. Усилием воли Панин заставил себя подумать о Светланке, и сразу стало легче, нестерпимая боль ушла, чёрные мысли, вихрем проносившиеся в голове, исчезли. Панин приподнялся на локте, пересмотрел документы, мандат, проверил оружие и уснул, не омрачённый тяжёлыми думами.

Глава третья

На пристани толпились важные люди в пиджаках и с портфелями. Потёртые парусиновые портфели угрожающе торчали из-под мышек, мешковатые пиджаки топорщились, как просоленные, но мужчины вели себя соответственно статусу, грозно притопывая пыльными сапогами. Райкомовские работники во главе с секретарём Александровского района устроили торжественную встречу уполномоченному ГПУ из Томска. Панин подтянулся, поправив ремень, тронул ребром ладони козырёк фуражки. Слегка нахмурившись, спустился по трапу. Он знал, что серьёзное выражение лица делает его взрослее, но в последнее время стал замечать, что никто не видит его молодости, все обращаются к нему с почтением и нескрываемой долей страха. Новая должность прикрывала его возраст. Все видят в нём взрослого и ответственного человека из серьёзного управления. Не Фрола, хорошего парня, они видят, а уполномоченного Панина.

— Товарищ Перепелицын?

Выйдя на берег, Фрол протянул руку, секретарь с готовностью уцепился за неё и больше уже не отпускал. Так они и шли берегом, держась за руки, как привязанные. Секретарь посматривал в сторону Горбунова, мотал головой, шевелил губами, а вслух говорил, обращаясь к Панину:

— У нас есть дом для приезжих, чисто там, уютно. Постельное бельё есть. Там и поселитесь! Григорий Алексеевич, не отставайте!

Горбунов, вжав голову в плечи, осторожно перебирал начищенными ботинками, боясь испачкаться в песке и мусоре. Товарищ Перепелицын усадил гостей в райкомовский «азик»,

крытый брезентом, а сам уселся впереди и резко взмахнул рукой, мол, поехали. Несмотря на браваду, всем было заметно, что секретарь чего-то боится. В доме для приезжих пожилая женщина накрывала на стол. Фрол удивлённо потянул носом. Подобного изобилия он не видел ни разу в жизни, даже у Чусовых такого не было, а тут столько всего разного наготовлено: и разносолы, и соленья, есть и заморские продукты. Консервные банки оцетинились резными крышками и яркими наклейками на боках, глаза ослепило баночное разноцветье, тут и красный, и чёрный, зеленоватый, розовый цвета, всё переливалось при солнечном свете.

— Кто ж такую красоту ись будет? — по-детски вырвалось у Фрола, но он тут же одёрнул себя. — Богато живёте, товарищ Перепелицын!

В последних словах послышалась угроза. Секретарь испугался и сник, став меньше ростом.

— Да заждались вас, товарищ Панин! Вот кушайте, присаживайтесь.

Фрол отвернулся, всё происходящее выводило его из себя, а Горбунов вдруг засмеялся. Все стояли и смотрели, как человек в белом кителе заливается смехом, но Григорий Алексеевич, отсмеявшись, резко выдохнул из себя воздух и ушёл в отведённую ему комнату. Товарищ Перепелицын медленно сполз на услужливо подставленный ему стул. Если бы райкомовские работники вовремя не подсустились, то секретарь съехал бы на пол, настолько ему стало плохо.

— Товарищ Перепелицын, вы подготовили документы?

Секретарь приподнял голову, мол, какие документы? Нет документов. Какие и были, так их Колубаев в Томск отвёз. Фрол стоял, засунув руки в карманы, и смотрел в окно.

— Товарищ Перепелицын, мне нужны списки переселенцев по двум баржам, формуляры на умерших, фельдшерские отчёты, перечень мероприятий по созданию спецпоселения на острове Назино...

— Товарищ уполномоченный, но у меня нет этих документов. Спецпоселениями занимается СибЛАГ, в Колпашево сидит уполномоченный от СибЛАГа товарищ Белокобыльский, а на острове Назино есть комендант! Опять-таки от СибЛАГа.

— Где он?

— Товарищ Цепков в данный момент на острове Назино. Комендант занимается текущими делами спецпоселения.

— Отлично! Я еду в Назино. Срочно предоставьте мне провозатого, товарищ Перепелицын!

Райкомовские неловко затоптались, переступая пыльными сапогами.

— А как же угощение? Мы готовились, ждали вас, — пробормотал вконец смутившийся секретарь райкома.

— Мне нужен провозатый!

— Будет вам провозатый, товарищ Панин, только подскажите мне, кто этот товарищ?

Товарищ Перепелицын кивнул в сторону комнаты, в которой скрылся Горбунов.

— А-а, это товарищ Горбунов, он по поручению товарища Долгих. Григорий Алексеевич поедет со мной!

— Товарищ Панин, да зачем вам ехать на остров? Мы все документы для вас подготовим, в крайнем случае запросим у товарища Белокобыльского. День-два — и все отчёты подгонят из Колпашева. Здесь и изучите, товарищ Панин!

— Выполняйте указание, товарищ Перепелицын! Мне нужен опытный провожатый, запас топлива и продукты на неделю. Прошу обеспечить!

— Да всё соберём, прямо сейчас, — сказал Перепелицын и, скривившись, поднялся со стула. — Ранение даёт знать. Нога прострелена в Гражданскую. Болит. Отнимается.

— Сочувствую, товарищ секретарь.

Панин усмехнулся. Он совсем не сочувствовал Перепелицыну: врет, сразу видно, что никакая нога у него не болит. Просто местные не хотят, чтобы уполномоченный отправился на остров.

Пока собирались, пока переговаривались, Панин краем глаза наблюдал за Горбуновым. Сначала Григорий Алексеевич почистил ботинки, доведя их до глянцевого блеска, затем на столе в коридоре отгладил брюки паровым утюгом, который зарядила углями услужливая женщина с цветастым платком на голове. Она же собрала еду с праздничного стола в комнате Панина. Вскоре в доме для приезжих появился молодой парень, почти одних лет с Фролом, но выглядевший более зрело. Бойкий активист Правоторов побаивался уполномоченного, на все вопросы отвечал немногословно, запинаясь, краснел, больше отмалчивался.

Они вышли из дома для приезжих лишь через три часа, Фрол уже был на взводе, но пересилил себя, не взорвался, лишь терпеливо ждал, пока местные всё организуют. Наконец завели машину, первым сел Перепелицын, несмотря на возражения Фрола, остальные разместились на заднем сиденье. Пришлось потесниться. Правоторов скромно забился в угол, стиснув кулаки на коленях. На пустой пристани не было ни

одной лодки. Катер, покачиваясь на воде, сиял начищенными боками, как хороший жеребец перебирает ногами, готовясь в дальний путь. Николай, улыбаясь, приветливо махнул рукой, мол, мотор работает, катер готов отплыть к месту назначения.

* * *

Вся процессия вереницей вышла из машины и сгрудилась у трапа. Первым встал товарищ Перепелицын, за ним выстроились начальники отделов райкома, начальник райотдела милиции, руководители районных снабженческих организаций. У всех почему-то был похоронный вид. Фрол ступил на трап, но обернулся, пытаясь разглядеть в толпе провожающих Горбунова, но взглядом выхватил наездника, скачущего вдоль крутого обрыва. Остальные не видели скачущую лошадь, только Правоторов настороженно всматривался тому в лицо. Перепелицын смотрел в другую сторону. Лошадь на всём скаку съехала по песчаному обрыву и на раскоряченных ногах поднесла всадника к пристани.

— Товарищ Перепелицын, вам срочная шифротелеграмма из Томска! Распишитесь в получении!

Побледневший секретарь трясущимися руками взял из рук наездника листок бумаги и долго вчитывался в короткий текст. Все притихли. Работники райкома перестали тискать портфели и пиджаки, лошадь застыла, погрузившись тонкими ногами в песок, на катере приглушили мотор. Перепелицын вытер шею ладонью и крикнул, по-прежнему глядя в листок бумаги: «Товарищ Панин, отставить! Посторонние лица на остров без мандата не допускаются. Приезжим там делать нечего!» Фрол спустился с трапа и подошёл к секретарю, хотел взять у него

телеграмму, но тот отвёл руку. Телеграмма затрепетала на весеннем ветру.

— Вы понимаете, о чём вы говорите? — прошептал Фрол побелевшими губами.

— А это не я говорю, это товарищ Горшков телеграфирует. Товарищ начальник СибЛАГа приказал никаких посторонних лиц на остров не пускать. Только с мандатом!

Товарищ Перепелицын махнул рукой Правоторову, тот мигом перебросился к райкомовским работникам, оставив Панина в одиночестве. Горбунов внимательно смотрел в реку, как в зеркало. Что он там хотел разглядеть, непонятно. Николай на катере загрустил, улыбка медленно сползала с чумазого лица. Только что собирались в дорогу, светило солнце, погодка разыгралась, случайно подгадал ветер в спину, и вдруг неожиданно всё переменялось. Секретарь со свитой стоят отдельно, активист словно прилип к портфелю, обхватив его обеими руками, лошадь пытается вытащить ноги из песка, наездник растерянно вытирает пот со лба.

Уполномоченный Панин прервал неловкую паузу. Он улыбнулся и, сунув руку в нагрудный карман, вытащил четвертушку бумаги, проскочив за один шаг расстояние, отделявшее его от Перепелицына, сначала предъявил бумажку всем присутствующим, а затем поднёс к носу секретаря.

— Вот мой мандат! Подписан начальником Томского ОГПУ товарищем Краузе. Согласно мандату имею право на обход и ревизию всех территорий Александровского района, включая Назинский остров. Прошу не препятствовать исполнению служебного долга.

Товарищ Перепелицын уже пришёл в себя и больше не потел, не утирался ладонями, не сопел. Только тискал потными ладонями парусиновый портфель. Секретарь притих и уткнулся глазами в четвертушку, которую Панин держал в руках, прочитав, скривился, затем отошёл в сторону и снова перечитал шифротелеграмму. Так они и стояли, один от другого поодаль: Фрол с четвертушкой в руках, секретарь с бумагой размером чуть больше.

— Заводи! — наконец крикнул товарищ Перепелицын Николаю и, обернувшись, добавил, ни к кому лично не обращаясь: — Но никаких посторонних на остров не пушу. Приказ есть приказ!

Горбунов оторвал взгляд от обской воды. Белый китель сиял под ослепительным солнцем, ботинки блестели от гуталина. Седой ёжик торчал короткими волосками. Строгий белый человек посмотрел на товарища Перепелицын невидящим взглядом, и тот смутился.

— Приказано никого из посторонних не пускать на остров, — пробурчал секретарь, изнывая от жары и пота. Испарина выступила на лбу и шее крупными каплями, растекающимися широкими струйками по всему телу, по тёмному пиджаку поплыли огромные пятна. Фрол смотрел на Горбунова и улыбался. Именно сейчас Григорий Алексеевич казался ему настоящим вредителем, но больше всего Фрола занимал вопрос, неужели, кроме него, никто не видит в этом человеке врага? В свите товарища Перепелицына есть начальник местной милиции, уполномоченный местного ОГПУ, представитель крайисполкома, и все они должны знать врага в лицо, но ни у одного из них не зашевелилась партийная совесть.

Ни у одного. Все держатся за свои портфели, словно кто-то их хочет у них отнять. Мёртвой хваткой вцепились, трактором не оторвать. А этот, Горбунов, стоит, прикидывается, будто и правда переживает.

— Григорий Алексеевич, я не могу взять вас на катер, — внутренне торжествуя, сказал Панин. Горбунов пристально смотрел на него, но ничего не видел, словно всматривался в пустоту. Григорий Алексеевич не мог понять, почему его не пускают на остров, ведь у него имеется разрешение самого товарища Долгих. Фрол, предчувствуя вопрос, сказал скороговоркой: — Я знаю, что у вас есть письмо от товарища Долгих, а нам нужен мандат! Придётся вам дождаться меня, Григорий Алексеевич! На данный момент в Александрово нет другого транспорта, кроме катера.

Горбунов заскрипел зубами, настолько громко, что окружающие передёрнулись. Фрол мотнул головой, отгоняя неприятные воспоминания, ведь он так же скрипит зубами в безвыходном положении.

— Правоторов, на катер! — скомандовал Панин и бегом поднялся по трапу. Товарищ Перепелицын охнул и принялся тереть лоб. Ему заливало глаза обильным потом.

Николай только того и ждал. Услышав команду, он ощерил рот и рванул катер с места, создав шумную волну, которая выплеснулась на берег, смыв в реку истоптанный песок. Люди, стоявшие у пристани, опасливо поджали ноги. Одна волна замахнулась на ботинки Горбунова, швырнув на сияющую черноту горсть мокрого песка вперемешку с глиной. Второй волной обдало белые брюки. Мокрый и униженный Горбунов выглядел жалко, но держался с достоинством. Он молча пошёл

к берегу, шатаясь как пьяный и время от времени проваливаясь в зыбучий песок. Все знали, что тропинка, ведущая к обрыву, крутая и песчаная и в любой момент может осыпаться.

* * *

Катер весело бежал по волнам, сопровождаемый беспокойным птичьим граем. Фрол вспоминал ссутулившуюся спину Горбунова и довольно улыбался: всё-таки поставил на место надменного моряка. Панин не боялся притеснений со стороны товарища Долгих, последствия будут зависеть от результатов проверки. Если проверка не подтвердит огульных обвинений, которыми щедро сыплет Колубаев, то и неприятностей не предвидится. Если же обвинения получают подтверждение, то неизвестно, чем вообще закончится служба уполномоченного Панина в органах ОГПУ. С одной стороны, хорошо, что недостатки будут выявлены и устранены, с другой — лучше себя не подставлять.

Фрол решил особо не суетиться на острове. Ссылные переселенцы устроили забастовку, отказываясь устраиваться в спецпоселении, придётся заставить этих граждан работать. Их выслали из центра страны, чтобы те приучились к труду, а не в бирюльки играли. Привыкли лодырничать, но с советской властью шутки плохи. Она заставит работать последнего лентяя.

Приняв, как ему казалось, разумное решение, Панин успокоился. С тех пор как в жизни Фрола появилась приёмная дочь, он перестал думать о себе в единственном числе. Судьба девочки полностью зависела от его службы. И как она повернёт, эта служба, таким и будет детство, да и вся жизнь Светланы Паниной.

— Тебе сколько лет, Правоторов? — спросил Фрол, пытаясь отвлечься от грустных мыслей.

— Двадцать три.

Активист робко посмотрел на Фрола, словно боялся, что тот уничтожит его за молодость и неопытность.

— Двадцать три? — удивился Фрол. — А мне двадцать два. Мы с тобой почти вровень идём.

Панин слегка приврал; двадцать два ему будет только в сентябре, но уж очень хотелось быть взрослым.

— А меня все считают малолетним, — заулыбался Правоторов, польщённый вниманием. — Никто серьёзно не отнесится. Подай, принеси, отвези.

— Так у вас край серьёзный, — кивнул Фрол, — вон какие люди в обнимку с портфелями ходят. На всех смотрят косо, видно, боятся, что отнимут.

Панин взглянул на Правоторова и прикусил язык. Парень наострил уши в прямом смысле, они торчали из его головы, как два отдельных предмета, вытянутые и продолговатые. «Этот сдаст за любое лишнее слово, ему только слабинку почувствовать, сразу сожрёт. Нельзя с ним по-человечески!» — подумал Фрол и ощутил смертельную усталость. Он-то думал, что в этом суровом краю нет места подлости и измене, здесь, в тайге, счёт идёт по высокой планке, но, видно, ошибся. Здесь, как и везде. Подлость в любой местности одинакова, и уши у неё торчат, как у зайца на макушке.

— Правоторов, а у тебя есть портфель?

— Есть, товарищ уполномоченный, — покраснев, сознался активист, — только вы об этом никому не рассказывайте.

— Почему? Что в этом плохого? — засмеялся Панин.

— Засмеют! Как пить дать — засмеют. У нас на это дело большие мастера водятся, — обиженно поджал губы активист.

— Да ладно, Правоторов, не бойся, вот закончим переселение и заживёте тут, как на юге!

Фрол никогда не был на юге. Он вырос в деревне под Новосибирском, отец батрачил у соседа, справного мужика, часто помогал с посевом и уборкой урожая. Иногда брал на работы детей. Фролу нравился сосед, хороший мужчина, но у него рождались одни девочки, погодки. Сосед в одиночку не справлялся с большим хозяйством. От жены проку не было, сколько Фрол помнил, она всегда с животом ходила, почти каждый год рожала, без перерыва. Отец Фрола тоже не бедно жил, за хозяйством следил, всё у него ладилось, но часто не везло. То посевы градом побьёт, то урожай помёрзнет, но он не унывал, прирабатывал на стороне, то у соседа, то ещё у кого-нибудь.

Панины не бедствовали, жили не впроголодь, отец и семью содержал, и за куском хлеба к людям не бегал. После коллективизации богатого соседа увезли в ссылку, его дочек тоже куда-то сдали. Осталась одна жена, она в ту пору беременная была, но её выселили из дома, и она где-то пропала вместе с едва народившимся ребёнком. Фрол полностью поддерживал решение сельского схода о высылке богатого соседа. Ему не нравилось, что отец когда-то ходил у него в батраках.

Деревня побурилась, люди долго делили чужое имущество, а когда поделили, пошли одни беды. Неурожай из года в год, падёж скота, все постепенно нищали. Панины оголодали первыми. Отец Фрола отказывался идти в колхоз, ссылаясь на хилое здоровье, полностью утраченное на батрацких работах. И в активисты не пошёл; сказал приезжим людям, подбивающим

его занять место председателя: мол, не моего это ума дело, голодных людей в колхоз сгонять. Его хотели забрать в Новосибирск, но передумали. Видно, побоялись утратить наглядный экземпляр тяжёлого батрацкого труда. Вот тогда-то отец и велел Фролу отбыть в большой город.

— В Новосибирск, чё ли? — огрызнулся Фрол, боясь вступить с отцом в перепалку. Они давно ссорились, один раз дело до драки дошло. Фрол уговаривал отца идти в колхоз, а сам хотел оформиться учётчиком. Самое дело для бывших батраков, но отец воспротивился и стал гнать старшего сына в большой город.

— Не, туда не надо, в Новосибирске чека лютует, в Томск давай. Там и город поменьше, и начальство подорожее, — буркнул отец, осматривая избу.

— С чего это подорожее там начальство-то? — удивился Фрол. Никогда он не слышал такого, чтобы в одном городе начальство было злое, а в другом доброе.

— А где город поменьше, там и люди на виду. Всё зло наружу прёт. Люди-то стыд ещё не совсем потеряли. Маненько осталось.

На том и закончился разговор. Уже на следующий день Фрол на попутной машине добрался до Новосибирска, а оттуда без билета и паспорта умудрился доехать до Томска. И там ему повезло. Встретил на вокзале земляка, тот работал каптенармусом в охране, он и устроил Фрола простым конвойным. Но прошло немного времени, и хитровка-судьба забросила деревенского паренька так высоко, что стоит сейчас перед ним сельский активист Правоторов и сгорает от жуткой зависти: до того ему хочется быть таким, как Фрол Панин.

Они ещё потоптались по палубе, как два петуха, но быстро успокоились, едва не оглохнув от окрика Николая. Тот высунулся из рубки почти по пояс и заорал, заглушая клёкот орланов:

— Вона, ваше Назино-то! Приплыли!

Активист с Фролом обернулись и увидели, что остров будто сам стремится к ним, наезжая всей громадой на катер и застилая горизонт непроходимым лесом. Фрол пригнул голову, краем глаза заметив, что Правоторов тоже согнулся. Казалось, что остров летит на них сверху, стремясь обрушиться на катер своей громадой. Верхушки кедров смыкались в небе, заслоняя палящее солнце. Фрол выпрямился, проводив взглядом стаю орланов, потрогал портупею. Пистолет на месте, в каюте есть винтовка. С таким арсеналом никакой остров не страшен. С этими мыслями уполномоченный Фрол Панин спустился по трапу.

Глава четвертая

Орланы покружили над островом и улетели в тайгу. Птицы не любят, когда нарушают тишину, а беспокойные люди принесли с собой целую какофонию звуков: шум мотора, крики, визг и ругань, перемежающиеся плеском воды. Всё шумело и звенело, как в бешено грохочущем составе.

Фрол проводил взглядом птиц и ступил на песчаный берег. Зловещие орланы давно улетели, но ощущение беспокойства осталось. Вслед за Паниным спустился Правоторов, за ними матросы с мешками и котомками. Фрол запнулся о суковатую палку, лежавшую у воды, активист налетел на него, но оба устояли. Впереди было что-то ужасное. Фрол не хотел верить

в то, видел. Перед ним стояли, лежали, бродили вконец истощённые люди, полураздетые, босые, многие голые. На берегу горели костры, вокруг которых сидели, склонив головы на колени, измождённые старики и старухи, похожие на привидения.

— Это что? Поселение?

Вопрос повис в воздухе. Правоторов испуганно озирался. До этого дня он не был на острове. На партийном совещании комсомольцам вменили в обязанность отлавливать всех, кто совершит побег с острова, переплыв реку, что они и делали, исправно получая скромное вознаграждение за поимку или отстрел беглецов.

— А где Цепков? Кто знает, где комендант?

Фрол по очереди смотрел на людей, но они его не слышали, бездумно глядя в одну точку.

— Правоторов, а охрана? Тут же есть охрана!

Активист завертел головой, отыскивая катер, на котором должны были находиться охранники.

— Да вон они, стоят на палубе!

Панин махнул рукой, подзывая к берегу двух конвоиров, но они сплюнули и скрылись в недрах судёнышка. Издали катер выглядел игрушечным.

— Это же нарушение ревзаконности! — взревел Панин, вытаскивая пистолет, но активист прижал его руку, и оба чуть не упали в воду.

— Товарищ уполномоченный, подождите, здесь фельдшер должен быть. Лекпом. Шас, я его найду!

Правоторов бегом пустился по берегу, опрашивая всех, кто попался навстречу, но люди молча шли мимо, не обращая

на него внимания. Они вообще никого не видели и ничего не слышали, словно погрузились в тяжёлый сон, из которого нет пробуждения. Фрол вышел на берег и осмотрелся. Весь остров остался девственным, вытоптана только близлежащая к воде небольшая часть, а вглубь дороги не было. На острове стояла вода, оставшаяся после таяния снега.

— Да здесь всегда большая вода, — сказал запыхавшийся Правоторов, — до июля стоит.

— А потом что? — угрюмо поинтересовался Панин.

— Потом местным косить разрешают. Нарезают участки и все на покос. Больше здесь делать нечего. Шишек нет, кедр в воде стоит, белки не водятся, одни орланы. Ханты не любят здесь охотиться. Они за речку Паню едут. Там места богатые, и белка есть, и соболев, и кедрач хороший. А здесь гиблое место!

Оба постояли, обдумывая, что делать дальше, но ничего не придумали.

— Так зачем сюда людей сгрузили, если здесь гиблое место? — заорал Фрол, не выдержав напряжения.

— А кто их знает, — поморщился Правоторов, — говорят, их сюда присылают, чтобы заморить.

— Кто говорит? Кто?

Фрол схватил Правоторова за грудки и затряс изо всей силы. Активист отстранил от себя уполномоченного и сплюнул густую слюну.

— Тыц, как это кто? Да все говорят. И товарищ Перепелицын, и Цепков, и Колубаев.

Фрол задохнулся от гнева, пытаясь овладеть собой, он замахал руками, но активист отошёл от него подальше.

— Это же вредительство! Как это заморить? Под расстрел пойдут!

Правоторов усмехнулся. Он тоже не ожидал увидеть истошённых переселенцев, но ведь живут же люди, не все ещё умерли. Правоторов понял политику Цепкова: если не снабжать ссыльных продовольствием, они начнут искать пути спасения, станут переплывать реку, кто-то начнёт есть корешки и молодую траву, а слабые вымрут, как нежизнеспособные. Те, кто выплывет, подлежат уничтожению, их отстреливает охрана и активисты во главе с Правоторовым.

Остров охраняется по периметру. Здесь птица не пролетит незамеченной. Пересчитать людей невозможно, они то умирают, то оживают. Смерть относится к ним свысока, словно брезгует прикасаться к живым скелетам.

— Какой расстрел? Видал бы ты того Цепкова!

К ним уже бежал, держась за ремень, комендант Цепков.

— Товарищ уполномоченный, мне телеграфировали, что вы с полномочиями из Томска!

— Цепков? Цепков, — прошептал побелевшими губами Панин, — щас ты мне за всё ответишь!

— А чего отвечать? Продовольствие завёз, вон оно, — комендант кивнул на раскисшие мешки с мукой, — вещьёвку через три дня обещали. Скоро печки установим.

— Где печки устанавливать собрался? В чистом поле? В глухом лесу? — Шагнул к нему Панин, терзая поясной ремень.

— А где ещё? Здесь домов нету! Тайга-медведь, медведь-хозяин. Так у нас тут говорят.

Цепков искоса посмотрел на дёргающуюся руку Панина, тот быстро успокоился. Нельзя горячиться, людям только хуже будет.

— Устанавливай печки, Цепков! Вон там, в лесу, на поляне. Делай, как считаешь нужным. — Фрол повернулся и шагнул в глубь острова. — Правоторов, не отставать!

Вдвоём они исследовали территорию острова, побеспокоив пугливых птиц. Орланы расшумелись, раскаркались, нагнетая и без того зловещую обстановку.

— Это что? — крикнул Панин, давясь рвотой, одновременно указывая на куски мяса, развешанные на дереве.

— Так это, товарищ уполномоченный, видать, мясо это! Вялится. Вяленое мясо скусное, само глотается, и жевать не надо.

— Откуда здесь мясо? — Панин держал руку на горле, его рвало. Он с трудом удерживал рвоту. Фрол и сам знал, откуда это мясо.

— Так это, товарищ уполномоченный, оно, видать, того, — замялся Правоторов. До активиста дошло, что на дереве развешано человеческое мясо. Кругом валялись обглоданные кости, объеденные лисами.

— Запиши, что мы видели, Правоторов. Всё записывай! А сейчас вернёмся к берегу и пересчитаем оставшихся в живых. Потом побеседуем с людьми. Не все же они тут онемели.

Фрол палкой сбил куски мяса с дерева и прикопал в кустарнике, туда же подгребли груды костей. Потом они стали искать людей, способных разговаривать. В отдалении от общей стоянки нашли старика, но тот долго прятался от них, нырял в кустарник, выглядывая оттуда, не понимая, что малахай выдаёт его с головой, и Фрол сделал вывод, что старик знает, кто они такие, но не хочет идти на сближение. Судя по трясущемуся малахаю, старик напуган, придётся повозиться с ним.

— Правоторов, заходи сзади! — скомандовал Фрол, пряча пистолет в кобуру.

— Сбежит он, товарищ уполномоченный! Ещё крепкий старик-то, вон какой быстрый, по кустарнику носится, как заяц, — засмеялся активист, подкидывая пистолет в воздух, — а может, мы его, того, как зайца? Будет у нас боевой трофеей, принесём в райком для отчёта.

Активист присел. Над головой глухо шмыгнула пуля. Правоторов не заметил, как Фрол выстрелил, поэтому испугался, а когда понял, откуда прозвучал выстрел, то примолк и шутить перестал. До активиста дошло, что с уполномоченным шутить нельзя: дела на острове серьёзнее, чем казалось в районе. Они обошли старика со спины и прижали к воде.

Ильдар-абый залопотал о чём-то на татарском, замахал руками, изображая сумасшедшего, но Фрол видел, что старик пытается их обмануть.

— Стоять! — крикнул Панин и похлопал себя по бокам, мол, оружия нет, мы с мирными целями. Правоторов тоже постучал себя по бёдрам, демонстрируя, что он безоружен.

— Садись, дед, потолковать надо!

Панин присел на сухую полянку и похлопал ладонью по земле. Ильдар-абый с опаской смотрел на него, в раскосых глазах затаилась глухая тоска.

— Да садись уже, старик! Времени у меня нет. Я шас в район поеду, буду подымать начальство. Всех подыму. Они у меня за всё ответят! Говори, дед, как есть. Не бойся. Всё равно тебе терять нечего. Вон ты еле на ногах стоишь. Тебе жить осталось два-три дня от силы. Да говори, не теряя время!

— Чего говорить надо? — скупно бросил старик и посмотрел на реку. Вода блестела, переливалась, играя солнечными

бликами, посылая во все стороны лучи надежды. Ильдар-абый вздохнул и склонил голову.

— А что хочешь, то и говори! Мне правду надо знать.

Ильдар-абый поднял голову и завыл, но не по-волчьи, а по-человечески, вкладывая в вой всю скопившуюся тоску. Панин махнул активисту, чтобы не мешал.

— Ну, отплакался, старик, теперь рассказывай, что здесь происходит?

— Страшные дела здесь творятся, начальник, шайтан пришёл на землю. Люди людей едят, и не стыдятся. Вот до чего дошли мы, начальник!

Ильдар-абый с укором посмотрел на Панина, словно тот был виноват во всех бедах, что случились с переселенцами.

— А кто виноват в этом? — спросил Панин и стиснул зубы. Попробуй, найди здесь виноватого, самого обвинят во вредительстве.

— Ладно, расскажи, кто здесь ещё живой есть? Или все при смерти?

— Есть люди, есть нелюди, — неохотно пояснил Ильдар-абый, — тут блатари уголовные всем заправляют. Охрана ни во что не вмешивается. Так и умираем потихоньку.

— А где эти блатари прячутся?

— Да не прячутся они, совсем стыд потеряли. Вон там, на пригорке обосновались. Мизгирь у них главный. Цепков с ними вась-вась, всё шепчутся, как делишки обделать.

— Понятно, а охрана спускается с катера?

— Иногда приходят, дак тоже те ещё охранники. Чуть что стреляют наповал, а помощи никакой. А ты, товарищ уполномоченный, чего пожаловал? Здесь много проверяющих было,

да толку нет, голодуем мы, мёрзнем, завшивели все. — Ильдар-абый безнадежно взмахнул рукой.

— Дед, а сам-то ты как сюда попал? — Панин искоса рассматривал старого татарина. Несмотря на обтрёпанный вид, Ильдар-абый выглядел опрятно, видно, что старик, как может, ухаживает за собой.

— Да из раскулаченных мы, мою семью по ошибке сослали, а когда возвращались из ссылки, на узловой станции нас снова забрали и в состав бросили. У меня ещё жена здесь. Помирает моя Рахима, совсем ослабела. Ноги не держат. Голова не работает. Сегодня, видать, помрёт. Я пойду к ней, она же без меня совсем плохо, — пробормотал старик, путаясь в словах.

— Подожди, старик, так у тебя есть какие-нибудь документы?

— И документы есть, вот они, при себе ношу. — Старик вытащил из нагрудного мешочка помятую бумагу с печатью. — Когда нас забирали, то сказали, мол, там разберутся, а где «там», не знаю. А документы я сохранил, да что толку-то? Мою Рахиму они уже не спасут и не вылечат. Пойду я, начальник, а? — просительным тоном произнёс Ильдар-абый и попытался приподняться. Активист помог ему встать, просунув руку под локоть. Старый полушубок затрещал. Ильдар-абый дёрнулся и чуть не упал. Правоторов ему не понравился.

— Пойдём вместе, я твою фамилию запишу, а к жене пришло лекпома!

Ильдар-абый недоверчиво покачал головой, но промолчал, не стал спорить с уполномоченным. В шалаше было сухо, земляной пол покрывали охапки молодой травы, слегка подгнившей, отчего в нос шибал тухлый запах, Панин поморщил-

ся, но пролез внутрь, чтобы посмотреть, как устроились поселенцы. Сквозь голые прутья проглядывало небо, шалаш не защищал от непогоды, но создавал видимость жилища. Рядом с шалашом горел костёр, пахло подгоревшими лепёшками. Панин вылез из шалаша, подойдя к костру, протянул руки. Обжигающее тепло коснулось кожи, и Фрол почувствовал, как кружится голова.

Он пошатнулся, теряя сознание, но успел присесть на старый пень, служащий переселенцам не только стулом, но и столом. Проваливаясь с обморок, успел отметить, что у костра сидят три женщины, одна постарше, вторая помоложе, третья совсем девочка. «Да у старика большая семья», — подумал Фрол и на мгновение ушёл из этого мира. Никогда больше с ним такого не повторялось, а тогда он не понял, что случилось. Фрол плотно позавтракал перед поездкой, хорошо выспался, нервы у него крепкие, и почему вдруг сознание у него вышибло, как пробки из электрического щитка, осталось загадкой для него. Более того, все, кто был в ту минуту рядом с ним, не поняли, что случилось, ну, присел человек на пенёк и прикрыл глаза от усталости, с кем не бывает?

* * *

Гортанный крик орланов пронёсся над островом. Несколько птиц, шумно хлопая крыльями и разгоняя ветер, вихревым потоком пронесли над шалашом.

— Кто-то сбежал, птиц потревожили, — прозвучало над ухом. Панин открыл глаза. У костра стоял Правоторов и смотрел в небо, там кружились и кракали клювастые птицы, напоминавшие древних фурий. «Кра-кра-кра!» — разносилось по острову, и это «кра» звучало, как предвестник большой беды.

— Возьми лодку, активист, проверь, так ли это! — жёстким голосом приказал Панин, словно ему не вышибало мозги неведомым током. — С собой охрану возьми, один не ходи.

Правоторов побежал выполнять приказ, а Фрол повернулся к костру. Женщины его не видели. Они смотрели на него широко открытыми, будто слепыми глазами. «У них голодный обморок, — догадался Панин, — зрение отказало. Страшный остров. Всё время чего-то вышибает, то мозги, то зрение».

— Я будил их, но они не просыпаются, — виновато понурился Ильдар-абый, — это они от слабости. Давно не ели. Мы же корешками питаемся. Кору с деревьев обдираем и едим. Зубы выпали, все десны в крови, глаза не видят, но что нам делать? Бог дал жизнь, бог и заберёт. Мы — народ подневольный!

Фрол медленно подошёл к женщинам. Девочка исхудала до последней степени истощения. Обтянутый тонкой кожей детский скелетик светился фосфорными точками, будто изнутри тело поджигали спичками. По виду ей лет пять, не больше. Самая старая женщина выглядит на все двести лет, кожа сморщилась и стянулась в один плотный узел. Мелкие кости выступают узлами, женский скелет напоминает ломаные геометрические линии. Лицо закинута назад, из-под носа течёт струйка мутной слизи. Другая женщина хоть и помоложе, но ей можно дать все девяносто лет, хотя, судя по сбившимся волосам, она не так стара, но определить возраст сложно. Крупные морщины избородили лицо и шею, из уголков провалившегося рта стекает густая слюна.

— Это Галина, она из Ленинграда, — скупое пояснил Ильдар-абый, — за хлебом вышла. У булочной забрали. В чём вышла на улицу, в том и привезли сюда.

— А как её фамилия? — Фрол вспомнил, что Григорий Алексеевич потерял жену в Ленинграде, не она ли? Панин уже не сомневался, что это жена Горбунова, но всё же не хотел верить в очевидное.

— Не знаю, начальник, она не говорила, а я не спрашивал. На пересылках мы фамилии не называли. Нас же по головам считали, как скотину.

— А это кто, твоя внучка? — Фрол кивнул на девочку.

— Нет, это чужая девочка. За кипятком мать отправила на станции. Тоже забрали, — старик пожевал губами, — не жилец она на этом свете. Помирает она.

— Кто?

— Да все мы умираем. День-два нам осталось. Видишь, головы уже потеряли. Разума нет. Осталось тело отдать. Ваша взяла. Заморили нас до смерти!

Панин стоял над женщинами, силясь понять, почему так произошло, где, на каком этапе случилось то, что случилось. И ещё он не понимал, что нужно сделать, чтобы исправить положение переселенцев. Фрол больше не думал о Светланке, о службе, о начальстве. Всё отодвинулось куда-то далеко. Панин хотел спасти маленькую девочку-подростка, притулившуюся у костра, иссохшую до размеров малолетнего ребёнка. Два года назад Фрола приняли в партию, он тогда ещё по конвойной службе числился. Принимали скопом, всем взводом, для численности. На собраниях часто говорили о партийном долге, о партийной совести, о светлом коммунистическом будущем. Фрол аккуратным почерком записывал важные, как он считал, слова, заучивал их наизусть, чтобы не опозориться, когда придётся выступать. Впервые он прочувствовал важ-

ность тех слов, и теперь ему предстояло воплотить их в жизнь. Фрол тронул за плечо спящую с открытыми глазами Галину.

— Проснитесь, женщина, мне нужно задать вам вопрос.

— А, что, где, кто? — забормотала ничего не понимающая женщина, хватаясь за колени. Она боялась чужих людей, боялась, что её снова станут заживо резать.

— Не бойтесь, я из Томска, уполномоченный я, — тихо сказал Панин, как вдруг увидел у неё едва затянувшиеся раны на ногах.

— Что?

Галина смотрела на Фрола и видела молодое лицо с ясными глазами, она верила ему, но всё равно боялась, ей было страшно и больно от одной мысли, что сейчас этот человек причинит ей боль.

— Как ваша фамилия?

— Горбунова я, Галина Георгиевна, из Ленинграда, — прошептала она, удивляясь, как странно звучат привычные слова. Она отвыкла от своей фамилии. Она забыла свой город. Её заставили забыть себя.

— Галина Георгиевна, вас же муж ищет, Григорий Алексеевич в Александрово. Он нашёл вас!

Последние слова Фрол выкрикнул, ему казалось, что сейчас женщина пустится в пляс, закричит от радости, но она смотрела на него равнодушными глазами. Фрол забыл, что Галину сделали инвалидом. Она не может ходить, не то, что плясать. Галина пыталась осмыслить его слова, но она больше не верила ему, этому простому русскому парню с ясными глазами. Всё, что он говорил, не имело к ней никакого отношения.

— Галина Георгиевна, вам нужно увидеть мужа. Он заберёт вас отсюда!

Но чем больше волновался Панин, тем больше погружалась в летаргию Галина. Она-то помнила, что никуда пойти не сможет, её нужно нести на руках. Молодой уполномоченный не понимает, где находится. Ей хотелось объяснить ему, чтобы он понял наконец, что это остров Назино. Здесь самое страшное и гиблое место на свете. Их привезли сюда умирать. Здесь людей морят заживо, как крыс, как тараканов. Здесь делают так, что люди сами хотят умереть.

— Хорошо, спасибо, — с трудом выдавила из себя Галина и отвернулась.

— Да, вот у меня с собой хлеб, продукты, надо покормить девочку, — забеспокоился Панин, передавая котомку в руки Ильдару-абыю.

— Сынок, ты не боишься? — спросил старик, вглядываясь в глаза Панину.

— Нет, у меня есть полномочия. Я из Томского ОГПУ. Уполномоченный Панин. И у меня есть мандат.

Простые, но внушительные слова возымели действие. Старик успокоился и принялся хлопотать возле женщин, растормошил жену, Розу, попросил Галину приготовить травяной чай. Они не заболели дизентерией благодаря кружке, найденной Галиной на барже, на острове пили только кипячёную воду, тем и спаслись от кровавого поноса.

Панин спустился к берегу. Там уже началась перетасовка ссыльных, кто-то кого-то считал, охранники, прослышав, что на острове хозяйничает уполномоченный с мандатом, суетились, будто их кипятком обварили. Уголовники попрятались в низине, бросив насиженное место.

— Власенко! Подь сюды! — заорал Правоторов, вернувшийся из безлюдной части острова.

— Слушаюсь! — Охранник, прижав ружьё к бедру, помчался на зов активиста.

— Власенко, трое сбежали, лодку готовь!

Власенко махнул рукой и побежал к лодке, второй охранник выгонял переселенцев от костров поближе к берегу.

— Эй, активист, как там тебя, Правоторов! Остаёшься за старшего, а я на катер — и в Александрово. К вечеру подгоню баржу. А ты поймаешь беглецов, и сиди здесь, жди меня!

Правоторов приложил руку к правому виску, на что Панин сказал сквозь стиснутые зубы:

— К пустой голове руку не прикладывают!

Активиста перекорёжило от замечания, и, чтобы скрыть злость, тот бегом помчался в лес навстречу Власенко. В это время охранник должен на лодке объехать остров, чтобы отрезать путь беглецам.

Глава пятая

Катер весело бежал по обской воде, подгоняемый попутным ветром. К радости Николая в середине дня ветер поменял направление. Панин стоял рядом с машинистом и гонял желваки, впервые за двадцать два года ему хотелось надавать по морде самому себе, чтобы впредь неповадно было. И сильно надавать, так, чтобы навсегда запомнилось. Фрол вспоминал несчастные, тоскливые глаза Григория Алексеевича, и ему хотелось побежать с ветром наперегонки, чтобы опередить катер, лишь бы быстрее оказаться в Александрово. Сначала он найдёт Горбунова, потом вытащит из кресла товарища Перепелицына

и прижмёт к стенке, но трезвый ум подсказывал, что первым делом нужно отправить шифротелеграмму в Томск начальнику управления товарищу Краузе. Прежде чем применять полномочия, необходимо убедиться в их законности: вдруг за эту неделю в руководстве что-то поменялось? Да, необходимо сначала отправить шифрограмму, но Панин устыдился собственных мыслей. На острове люди умирают, девочка Роза едва дышит, а он думает о законности полномочий. Да тут в колокола надо бить! По всем телефонам звонить. До товарища Сталина дойти! Фрола аж затрясло от отчаяния, ну, неужели этот катер не может быть посноровистее?

— Николай, быстрее можешь?

— Всё выжимаю, всё, что могу, товарищ уполномоченный!

Фрол усмехнулся: быстрее быстрого уже нельзя, всему свой черёд. Внизу шумела и пенилась обская вода, в этих местах она прозрачная и чистая, до самого дна просматривается, несмотря на глубину. Фрол склонил голову, пытаясь разглядеть в воде хоть какую-то ясность, ведь всё, о чём он думал до сих пор, знал, размышлял, разлетелось вдребезги. Перед поездкой, ещё в Томске, Фрол не верил, что на острове могут творить бесчинства свои же, советские люди, секретари райкомов, начальники отделов, коменданты, охранники, лекпомы. Эти люди поставлены советской властью, чтобы заботиться о людях, помогать им, направлять их, куда следует, сортировать, погружать, выселять, расселять, заставляя работать, но не морить же голодом?

А ведь в отчётах и докладах все пишут, как складно и ладно устраиваются специальные посёлки, где трудятся на благо родины переселенцы и ссыльные. Фрол выслушал большое

количество таких докладов, в которых, как по маслу расписывались разные удобства и сытное питание спецконтингента. Если бы эти люди не были так измождены, может быть, доклады имели бы под собой основу, но вид двенадцатилетней девочки, превратившейся в малолетнего иссохшего ребёнка, прочно поселился в сердце порывистого и впечатлительного Фрола Панина. Всеми мыслями и помыслами он стремился спасти Розу от людоедов, понимая, что она им не нужна, слишком костлява, слишком исхудала, и ещё Панин хотел как можно быстрее увидеть Григория Алексеевича, чтобы сообщить тому, что его пропавшая без вести жена жива, хоть и не совсем здорова. «А здоровье придёт, она вылечится, обязательно вылечится. Они на юг поедут. Штас туда все едут. Там солнце и море, там она быстро поправится», — бормотал Фрол, мысленно подгоняя катер.

Вскоре показалось село Александровское. По-разному называли это старинное село, и Александрово, и Нижне-Лумпокольское, но в документах за ним закрепилось чёткое и стальное, в духе времени, название: Александро-Ваховская комендатура. Сюда ссылали уголовный элемент, вредителей, кулаков и подкулачников, всех неугодных людей с южной и центральной частей страны, и неважно, кто они были, байские приспешники или простые голодранцы. Всех без разбору принимала Александро-Ваховская комендатура, безжалостно перемальвая спецконтингент в своей мясорубке. Многие бежали из этих мест, сдыхая по дороге от гнуса и комаров в тайге, многие приспособлялись к местным условиям, ожидая перемен, а большая часть ссыльных погибала, не в состоянии приспособиться к суровой жизни на севере.

Та часть ссыльных, что обосновалась в посёлке, постоянно приворовывала в домохозяйствах местных жителей, а за год до трагедии на острове Назино бывалые уголовники залезли в дом к самому секретарю райкома Перепелицыну и украли у него пиджаки и брюки. Тех уголовников не нашли, хотя милиция всю округу перешерстила, видимо, воры на лодках ушли вниз по реке, чтобы доплыть до Сургута, а там уйти тайгой до Тюмени. С тех пор товарищ Перепелицын на дух не переносил ссыльных разного рода. Когда секретарь увидел взволнованного Панина, то сразу перешёл на другую сторону улицы, сделав вид, что спешит по важным делам.

— Товарищ Перепелицын! — крикнул Панин, вприпрыжку пересекая пыльную улицу. — Второй месяц на острове сидят голодные люди. Там нет ни одного нормального шалаша, нет землянок, укрытия. Там нет продуктов. Постельного белья. Одежды. Хлеба! А вы здесь болтологией занимаетесь!

— Чем? Чем мы занимаемся?

Секретарь резко остановился и выпятил грудь вперёд.

— Ты, товарищ уполномоченный, на ширмача меня не бери! Я пуганый. Я колчаковцев вот этими руками душил, пока глотка наружу не вылезала. Ты за свои слова ответишь!

— Я-то отвечу! И ты, секретарь, ответишь, за все преступления на острове!

Они кричали, перекрикивая друг друга, не замечая, что на площади у райкома собрались любопытные сельчане, во все глаза взирающие в себя необычное зрелище.

— А нет там преступлений. И не было. У меня все отчёты есть. С цифрами, выкладками. Всё чин по чину. И муку туда посылали, и вешёвку, а сейчас печки делать будем.

— Какие печки? В лесу печки ладить надумали? Я отправлю шифротелеграмму с просьбой прислать в комендатуру бригаду проверяющих.

Панин отмахнулся от секретаря и бегом направился в райком. Товарищ Перепелицын прищурился и, сплюнув в сердцах под ноги, с силой выдохнул воздух.

— Стоять, товарищ уполномоченный! Подожди с шифротелеграммой. Я отправлю в Назино баржу, прямо сейчас, чтобы всех переселенцев перевезли в поселения вдоль по реке.

— Нет, товарищ секретарь, их надо в Александрово! Там больные, их лечить надо. Всех накормить, одеть, они же умирают.

— Не-е-е-ет, товарищ уполномоченный, этих людей я в посёлок не повезу! Я отправлю их в другие поселения. Здесь они всё разворуют. Да у меня местные жители взбунтуются. А бунт — это знаешь, что такое? Ты тогда будешь другие шифротелеграммы слать. Я знаю, как местные бунтуют, я сам давил Ишимский бунт. Своими руками!

— Но им нужна медицинская помощь! — растерялся Панин. Секретарь в одну минуту преобразился. Тучный, пожилой человек выглядел страшным и жестоким. Казалось, что сейчас он перегрызёт горло Панину.

— Товарищ уполномоченный, а ты знаешь, что в Александрово больницы нет. Один фельдшерский пункт, а когда приезжает бригада медиков из Томска, мы им школу отдаём на лето, ставим двадцать коек и всё, работайте! Они за месяц местным грыжи повырезают — и айда обратно, в Томск. А мы тут, как хочешь, так и лечись. Местные остяки, знаешь, как лечатся, а-а, не знаешь, так я расскажу. Ампоганом они лечатся. Глаза у них болят, у всех остяков хронический конъюнктивит,

так они этим ампоганом засыпают. Собачий кал — это понятно?! Сушат его, толкут и в глаза, в рот засыпают, всё им лечат, а раны жжёным трупом прижигают. У всех глисты, кишечные заболевания, они же сырой рыбой питаются. Больница, ха! Мы ещё только собираемся строить больницу. Люди сами деньги соберут на постройку. А как и когда они соберут средства на больницу, я не знаю. У исполкома таких денег нет. Тут столько забот, не до твоих спецпереселенцев!

Кто-то должен остановиться. Поняв это, Фрол сделал шаг назад и произнёс нарочито миролюбивым тоном:

— На острове жена Григория Алексеевича. Его надо взять на баржу.

— Без мандата не положено! Горбунову нечего делать на острове. Его жену сюда привезём. Пусть ждёт. Дольше ждал.

Товарищ Перепелицын молча обошёл Панина, как ненужное препятствие, и вошёл в здание райкома. Двери захлопнулись. Фрол усмехнулся, поправил ремень и помчался в дом для приезжих.

* * *

Женщина на коленях мыла коридор, мокрые половицы блестели от воды, отсвечивая на солнце сочной охрой.

— Где Григорий Алексеевич? — крикнул Фрол, чуть не поскользнувшись на скользком полу.

— В комнате он, спит, видать, не слышно его, — сказала женщина, с неодобрением глядя на пыльные и грязные сапоги Панина, затем, привстав, бросила тряпку ему под ноги. Фрол тщательно вытер подошвы и постучался в дверь.

— Григорий Алексеевич, я вернулся с острова! Откройте!

— Открыто, входите.

Горбунов сидел за столом, аккуратный, причёсанный, наглаженный, словно не ложился спать, а так и сидел в ожидании чего-то.

— Григорий Алексеевич, ваша жена нашлась! Я ведь не верил вам и другим не верил, что советская власть может вот так схватить любого человека и отправить на голодовку. А так оно и вышло! Только вашу жену не советская власть заморила, а вредители социалистического строя. Мы с ними ещё разберёмся!

Фрол сжал кулак и потряс в воздухе. Горбунов смотрел на него, словно хотел разгадать смысл слов, но не мог понять чего-то важного.

— Так, я всё понимаю, но где Галина?

Простой вопрос выявил странность положения, слова прозвучали двусмысленно, с подтекстом, как на допросе, и до Фрола с трудом дошло, а и впрямь, почему он не взял Галину Георгиевну на катер?

— Галина Георгиевна на острове. Она там. Я её завтра привезу!

Горбунов вскочил со стула, и, утратив присущую ему педантичность, засуетился, собирая в портфель еду, бутылку с молоком, яйца.

— Я ведь подготовился, купил продукты у местных, — приговаривал Горбунов, укладывая во вместительный потёртый портфель свёртки с едой. — Она любит молоко, жить без него не может. Каждый день по чашке выпивала. Я её знаю. Моя Галя любит молоко!

— Стойте! Григорий Алексеевич, а куда вы собрались? Вам нельзя на остров! У вас же мандата нет.

Горбунов медленно опустился на кровать, благо она рядом стояла, а мог бы упасть на пол. Фрол смущённо отвёл взгляд. Ему показалось, что Григорий Алексеевич проваливается в обморок, как он сегодня на острове. Что-то с северной погодой не так, видать.

— Что ж вы, товарищ уполномоченный, понапрасну людей беспокоите? Вот когда привезёте, тогда и приходите. А чего так-то? По-пустому..

— Так нашлась же, Галина Георгиевна, радость у нас какая, долго же вы её искали, Григорий Алексеевич!

Горбунов встал и обстоятельно выложил продукты из портфеля, пряча их под кровать. Там было прохладнее, чем на столе.

— Когда вы доставите баржу с переселенцами?

Сухой тон Горбунова привёл Фрола в ярость. Вот он старается-старается, а тут никакой благодарности, одни упрёки.

— Товарищ Перепелицын обещал организовать баржу. К вечеру пойдем на Назино. Утром привезу вашу Галину!

— Отлично! Отлично, товарищ уполномоченный! — обрадовался Григорий Алексеевич. — Я всегда верил, что найду её, что моя жена жива и здорова. У меня уже билеты есть до Ленинграда. На двоих. Вот, пожалуйста, посмотрите, товарищ уполномоченный! А вот документы, справки. Всё у меня есть. И одежду я привёз, и туфли. И еду купил. Дома прибрался.

Горбунов забежал по комнате, вытаскивая пёстрое крепдешинное платье, пугая Фрола переменой в поведении. Панин привык к сухому и бесстрастному моряку, суховатому и равнодушному, а этот человек будто с ума сошёл. Носится, как угорелый, даже присесть не может, будто у него иголки в заднице.

Панин мучился, глядя на Горбунова, ну, как ему сказать, что Галина Георгиевна давно инвалид? Она не ходит, лишь передвигается, и то с большим трудом. Цветастое платье она не сможет надеть, ей нужно что-нибудь попроще из одежды. Григорий Алексеевич увидит свою Галину и сразу умрёт от разрыва сердца. Горбунов уверен, что его жена находится в добром здравии, и что за три месяца отсутствия с ней ничего не случилось. Панин вздохнул и сказал, превозмогая тупую боль в левой части груди:

— Я привезу вашу жену. Ждите, Григорий Алексеевич!

* * *

Весь день прошёл в хлопотах и беготне. Товарищ Перепелицын сдержал партийное слово и позаботился о полном оснащении баржи, собрал отряд вохровцев, вооружил их, лично проверив состояние оружия, в командиры им дал местных милиционеров, по его поручению трюмы на барже плотно забили мешками с хлебом и одеждой. Панин лично проверил накладные, сверил подписи, а после отбил шифротелеграмму в Томск. Перед отплытием баржи на остров в райкоме собрали совещание, на которое прибыл сам товарищ Белокобыльский из Колпашева. Все видели, что Панин спешит на баржу, поэтому, совещание провели в военном режиме. Товарищи говорили скупно, отрывочными фразами, стремясь сократить продолжительность совещания. Постановили снять с должности и арестовать Цепкова с дальнейшим преданием его суду за срыв организации спецпоселения на острове, двух охранников привлечь за бездействие, а всех причастных к людоедству задержать и отправить на пересылку.

— В Советской стране нет такого закона, чтобы отдавать под суд за людоедство! — сказал прокурор и постучал карандашом по графину для придания значительности своим словам. — Нет такой статьи. Если выявим, что ели по нужде, то и привлекать не станем. Не за что их привлекать. Отправим на пересылку!

Панин встал, прерывая прокурорскую речь:

— А если они убили и съели?

— Тогда расстреляем за убийство! А за людоедство — нет, не имеем права, только на пересылку!

Всю дорогу до Назино Панин думал, что есть всё-таки коммунистическая справедливость на свете, правда восторжествовала, и теперь люди на острове обретут крышу над головой и хлеб. Переселенцы больше не будут умирать от истощения. И ещё он думал о том, как встретятся муж с женой после долгой разлуки. В общей сложности Галина Георгиевна пропадала по пересылкам почти три месяца. Это немного и немало, но вполне достаточно для того, чтобы угробить человека или сделать его инвалидом.

Фрол смотрел в воду и словно видел в глубине двух влюблённых, но это были не Горбуновы. Почему-то страшно было думать о предстоящей встрече супругов, поэтому Фрол благодаря своей молодости уплывал в мыслях в подводное царство. Там не было светлого будущего, пересыльных комендатур, разлуки и проводов. Там было вечное безмолвие. Когда-нибудь и оно исчезнет.

— Товарищ уполномоченный, подходим к острову! Охрану вызывать?

— Вызывай!

Первым вышел на берег Панин, за ним высыпали остальные. На острове их не ждали так быстро. Люди попрятались, боясь, что их снова погрузят на баржу и повезут в ещё более страшное место. На острове плохо и страшно, но они к нему привыкли. Первым делом Панин приказал отловить уголовников и посадить в отведённое место на барже, но те укрылись в лесу. Тогда решили погрузить всех больных и немощных, а затем приехать за теми, кто ещё мог ходить. Через два часа Фрол понял, что до вечера не управятся. Небо потемнело, подул северный ветер.

— Сиверко подул, — пробурчал бородатый вохровец, направляя ружьё за спиной.

— Да, холодно стало, — поёжился Фрол, — сколько народу погрузили?

— Мало, человек триста, а их ещё нужно выгрузить. Не управимся за вечер. Дня три ухлопаем. Если не больше!

Панин задумался. Ему хотелось быстрее доставить Галину Георгиевну в Александрово, но охранник был прав. На переселение с острова уйдёт больше недели.

— Пойдём до речки Пани, там есть посёлок с землянками, склад, столовая, — сказал Фрол, возвращаясь на катер.

— Дык люди больные же! Куды их в землянки? — возмутился Николай, но, посмотрев на нахмурившегося Панина, замолчал.

С первой партией забрали Горбунову, Розу, Ильдара-абыя и Рахиму. «Пусть пока в спецпосёлке поживут, я их потом в Александрово отвезу, как только остров очистим!» — решил Фрол, и баржа отправилась в путь. Все спецпоселения находились вдоль реки, неподалёку друг от друга, но в землянках не

было мест, а новые рыть было некому. Ссылные поселенцы днём корчевали лес, а возвращались в спецпосёлки затемно.

— Куда ты их привёз? — заорал что есть мочи комендант первого посёлка, увидев Фрола. — В посёлке вши, дизентерия, в землянках не продохнуть, трава гниёт, баня не достроена, а ты мне увечных навёз! Товарищ уполномоченный, я под суд пойду, но народ не приму! Стреляй, если рука не дрогнет.

— Тихо, тихо, товарищ комендант! Обойдёмся без оружия. У тебя землянок нет, зато столовая есть. Как-нибудь... — Но комендант не дал ему договорить:

— Как-нибудь! Ты иди, посмотри на это «как-нибудь»! Кто будет строить землянки? Мне до первого июля надо освоить три гектара тайги! Не приму. Стреляй.

Последние слова комендант произнёс тихо, без вызова, но Панин почувствовал: он не врет. Ситуация и правда безвыходная.

— А в других спецпосёлках так же?

— Ещё хуже, — со вздохом произнес комендант, — там и столовых-то нет. А что толку от столовой? Здесь они едят варёную пищу, а в тайгу уйдут на работы, напьются там болотной воды, потом от дизентерии кровью исходят. Ни кружечка нет, ни чашечки, ни ложек. По частям таскаю из района. Как по капле выдают.

Они помолчали, не зная, как вернуться к разговору. Панин не хотел обострять ситуацию. Если надавить на коменданта, тот согласится, но ничего хорошего из этого не выйдет.

— Давай обсудим, — начал Панин, но комендант перебил его, дёргая правой рукой, словно рубил капусту:

— Ты выгружай-выгружай! Разберёмся. Вместо Цепкова, я слышал, на Назинский остров назначили Фролова. Хоро-

ший мужик! Он с завтрашнего дня приступает. Этих выгружай. А я выделю половину склада. Потеснимся, ничего. Жалко, что они все больные, но я не стану бастовать. Против политики партии не попрёшь!

Пожав ему руку, Панин пошёл на катер. Там ждали донесения. Первое касалось нерадивого коменданта, Цепкова отвезли в Томск на катере товарища Белокобыльского. Комендант Фролов приступил к исполнению обязанностей. Он уже на острове, занимается погрузкой людей на баржи. Фрол, прочитав телеграммы и донесения, успокоился. Одно из донесений было подписано Родниным. «Образумился, наконец-то, — подумал Фрол, обрадовавшись за друга, — переживает из-за меня. Молодец, Лёха!»

Уполномоченный Панин вернулся на берег. Теперь можно было вплотную заняться расселением переселенцев в спецпосёлке №1, а на острове есть кому распоряжаться. Там теперь новый комендант. Густой вечерний туман плотно обхватил уютящиеся землянки на берегу. Возле них копошились люди. С баржи переносили больных и помещали на наспех сколоченные настилы. Густо пахло карболкой. На пункте приёма пищи выдавали миски с горячей кашей. Мирная картина порадовала Фрола, он поговорил с лекпомом, проверил наличие лекарств, узнал, в какую землянку определили Галину Георгиевну, и отправился на катер. «С утра заставлю выкопать землянки и скелотить нары», — успел подумать Фрол и провалился в сон. Усталость от пережитого давала о себе знать.

* * *

В пять утра Панин уже был на ногах. Когда он появился на берегу, там всю стучали топорами.

— Струмент доставили, топоры привезли, багры, молотки, посуды немножко, — сказал комендант, выбирая из ящиков инструменты.

— А почему сегодня привезли? Вы уже второй год в посёлке, — допытывался Фрол, вытирая смазку с орудий производства.

— А не было струмента, на прошлой неделе с Томска привезли пароходом, — терпеливо объяснял комендант, — всю зиму ничего не было, у нас же одна дорога — рекой всё везём! Вот лёд сошёл, щас груза и пойдут.

— А как же всю зиму без инструмента прожили?

— А-а, плохо прожили, две лопаты, да один топор на весь посёлок. Измучились. У нас тоже народу много перемёрло. Зима холодная стояла, мороз калёный, жгучий, землянку много не натопишь. Да чо там говорить?

Фрол понимающе кивал в ответ, на всех топоров не напасёшься. Попробуй всю страну обустроить одним махом, трудно это, но партия и правительство справляются с трудной задачей. Панин махнул рукой в такт мыслям и пошёл искать Галину, вчера её определили в фельдшерский пункт. Там тоже было холодно и сыро, вместо нар навалены сырые еловые ветки, сверху брошены тонкие байковые одеяла.

— Галина Георгиевна, как вы тут? — спросил Панин, подойдя к Горбуновой, она сидела, прислонившись к стене.

— Спасибо, — прошелестела Галина, прижимая к себе хуленькую Розу.

— А где Ильдар-абый и Рахима-апа?

— Они в землянке, их пустили переночевать, а сегодня послали на делянку пни корчевать.

— Кто послал?

— Комендант посёлка, сказал, что у него план горит. За невыполнение его расстреляют.

— Ну, я ему покажу! — разозлился Панин, но Галина повела ладонью, мол, бесполезно. — Напрасно вы нас с острова вывезли. Там у нас был шалаш, тепло, мы корой питались. А здесь холодно, на берегу дует, Розу, вот, продуло, она кашляет.

И сама Галина говорила со свистом, у неё что-то kloкотало в груди, ворочалось, пенилось. На губах выступила серая слюна.

— Да успокойтесь вы! Всё нормально будет! Отправлю вас с Розой в Александрово катером. Шас съезжу на остров, посчитаю людей, расселю всех и вернусь за вами. А стариков сниму с раскорчёвки. Прямо шас и сниму!

Галина молчала, продолжая шевелить пальцами. Фрол понял, что она хочет что-то сказать, но сил у неё нет, в груди хрипит и kloкочет. Роза закашлялась, и Галина очнулась, заволновалась, но всё делала медленно, словно уже умерла, но еще не поняла этого. Фрол поправил фуражку и выскочил из лазарета, мысленно ругаясь и матерясь. Сначала он нашёл коменданта, тот что-то писал в маленькой каморке на складе. Фрол сцепился с ним, они долго ругались, выясняя, кто кого пристрелит первым, хватались за пистолеты, затем комендант махнул рукой и отправил нарочного за стариками в лес.

— Твоя взяла, уполномоченный! Стариков верну. Пусть в посёлке без дела околачиваются. А ты ходишь, во всё вмешиваешься, думаешь, легко вот тут сидеть? Здесь тяжело, но тебе этого не понять! Это место расстрельное. Сам бы взял да посидел на спецпоселении. Люди работать не хотят, многие не могут, болеют, умирают сотнями, я тут второй год за голову хватаюсь, не знаю, как перевестись отсюда, а ты мне палки в колёса сжёшь!

— А ты не мог два года топоры выписать! Люди на морозе голыми руками лес корчуют, а тебе и дела нет, — огрызнулся Панин, понимая, что ударил по больному месту.

— Да я два года бомблю телеграммами район и Колпашево! А они мне пишут в ответ, мол, ты план сдай по раскорчёвке, а потом уже топоры требуй. Так и живу здесь, сам завшивел, одичал, дома уже три месяца не был. Баню, вот, построили, а каменка не греет. Людям не помыться, не дезинфицироваться. Фельдшера меняются, не выдерживают. А ты говоришь...

Комендант махнул рукой и сел на чурбак у двери, опустив голову. Фрол помешкал, но всё-таки высказал, что хотел: «А ты сам попробуй без топора пень выкорчевать, а?» Сказал и вышел наружу, чувствуя, что ещё слово — и он не сдержится, схватится за пистолет. На катере его ждали. Николай, увидев Фрола, бросился в рубку. Вскоре они были на острове. Панин вышел на берег и увидел прежнюю картину. Те же лица, те же истощённые люди, да два охранника поодаль на катере. Ничего не изменилось, если не считать, что больных и увечных переселенцев Фрол вывез в посёлок №1.

— А где новый комендант? — спросил Фрол, подзывая охранника.

— Фролов-то? Был да сплыл, — тот ухмыльнулся в бороду. — Уехавши оне. Забрал с собой милицию, вохровцев и умотали на катере. И баржи оттащили.

— А этих, как их, Мизгиря с бандой забрали?

— Не нашли Мизгиря, спрятался где-то, сидит, на люди не показывается, боится!

Панин ошалело смотрел на охранника, словно пытался понять, где он находится. В голове шумело, мысли сбивались,

внутри закипало бешенство. Ещё вчера была во всём ясность, он верил в справедливость, но в один миг всё исчезло, и снова наступила крошечная темень. Голодные люди бродят на острове, брошенные властями на погибель, и ничего нельзя с этим поделывать. Фрол вернулся на катер и долго сидел за столом, обхватив голову руками. Если вернуться в Александрово и припереть к стенке секретаря райкома, тот скажет, мол, нет в спецпосёлках места для новых переселенцев. Ещё скажет, что надо ждать, когда выкопают новые землянки, сделают перерасчёт довольствия, привезут из центра топоры и лопаты. Всё равно на всех инструмента не хватает. Трудно спорить с секретарём райкома партии. Тот всегда прав, даже если и не прав. Пока построят бараки, землянки и лазареты, на острове все вымрут от голода и истощения. Те мешки, что притащили на баржах по приказу товарища Перепелицына, горой свалены на берегу и валяются у воды. Выдачей продовольствия на острове никто не занимается. Люди предоставлены самим себе, а они не в состоянии что-либо строить или готовить пищу. Для того чтобы они что-то делали, их нужно вылечить.

Фрол сжимал кулаки, понимая, что не может ничего изменить, и люди будут умирать, а он будет наблюдать со стороны. Что-то нужно делать, но что? Должен быть кто-то, кто даст команду, приказ, поручение, чтобы людей спасли. Фрол мысленно пробежался по должностной вертикали. Тайга-медведь. Медведь-хозяин. Нет в Стране Советов такой должности и нет такого человека, чтобы он смог исправить положение на острове. Товарищ Перепелицын, товарищ Белокобыльский, Долгих, Горшков, Эйхе, но все они знают о положении на острове. Эйхе первым написал в центр, что край не готов к приёму

переселенцев. Его заставили принять баржи. Ему приказали. Товарищ Эйхе выполняет приказ. Все товарищи знают о Назинской трагедии, но ничего не могут сделать. Коммунисты, по должности своей поставленные партией и правительством для решения государственных задач, заставили людей умирать голодной смертью.

Объём бедствия сузился до размеров крошечного человечка, каким представлялся себе Фрол Панин. Его слова, оружие, петлицы ничего не стоили по сравнению с человеческой жизнью. И вдруг Фрола осенило. Он вскочил и забегал, засновал, как челнок по тесной рубке. Это малодушие с его стороны, мелкобуржуазная слепота. Есть такой человек и есть такая должность, которая спасёт человеческие жизни на острове Назино! И этот человек — товарищ Сталин! Фрол притянул к себе чистый лист бумаги и крупными буквами написал «Товарищу И.В. Сталину!» Всю ночь Панин писал письмо, детально рассказывая вождю народов о ситуации на острове Назино, досконально перечисляя всё, что он увидел и с чем столкнулся. Даже про Ильдарабыя написал, как того заставили корчевать лес голыми руками. И про Галину Георгиевну написал, и про девочку Розу. Про всех, кого переселили на остров, включая банду Мизгирия.

«Совершенно секретно
р. Назина — приток Пани,
пос. Новый Путь

I

29-го и 30-го апреля этого года из Москвы и Ленинграда были отправлены на трудовое поселение два эшелона деклассированных элементов. Эти эшелоны, подбирая по пути сле-

дования подобный же контингент, прибыли в г. Томск, а затем на баржах в Нарымский округ. 18 мая первый и 26 мая второй эшелоны, состоя из трех барж, были высажены на реке Оби у устья р. Назина, на остров Назина, против остяцко-русского поселка и пристани этого же названия (Александровский район, северная окраина Нарымского округа). Первый эшелон составлял 5070 человек, второй — 1044. Всего 6114 человек. В пути, особенно в баржах, люди находились в крайне тяжелом состоянии: скверное питание, скученность, недостаток воздуха, массовая расправа наиболее отъявленной части над наиболее слабой (несмотря на сильный конвой). В результате — помимо всего прочего — высокая смертность. Например, в первом эшелоне она достигала 35—40 человек в день. Показателен в данном случае такой факт. Первый эшелон пристал к острову в прекрасный солнечный день. Было очень тепло. В первую очередь на берег были вынесены до сорока трупов, и потому что было тепло, а люди не видели солнца, могильщикам было разрешено отдохнуть, а затем приступать к своей работе. Пока могильщики отдыхали, мертвецы начали оживать. Они стонали, звали о помощи и некоторые из них поползли по песку к людям. Так из этих трупов ожили и стали на ноги 8 человек. Жизнь в баржах казалась роскошью, а пережитые там трудности сущими пустяками по сравнению с тем, что постигло эти оба эшелона на острове Назина (здесь должна была произойти разбивка людей по группам). Сам остров оказался совершенно девственным, без каких [бы] то ни было построек. Люди были высажены в том виде, в каком они были взяты в городах и на вокзалах: в весенней одежде, без постельных принадлежностей, очень многие босые. При этом на острове

не оказалось никаких инструментов, ни крошки продовольствия, весь хлеб вышел и в баржах, поблизости также продовольствия не оказалось. А все медикаменты, предназначенные для обслуживания эшелонов и следовавшие вместе с эшелонами, были отобраны еще в г. Томске. Такое положение смутило многих товарищей, сопровождавших первый эшелон [в] 5070 ч[еловек] (дело в том, что еще в баржах многие из-за недостатка хлеба голодали). Однако эти сомнения комендантом Александровско-Ваховской участковой комендатуры Цепковым были разрешены так: «Выпускай... Пусть пасутся».

II

Жизнь на острове началась. На второй день прибытия первого эшелона, 19 мая выпал снег, поднялся ветер, а затем ударил мороз. Голодные, истощенные люди, без кровли, не имея никаких инструментов и в главной своей массе трудовых навыков и тем более навыков организованной борьбы с трудностями, очутились в безвыходном положении. Обледеневшие, они были способны только жечь костры, сидеть, лежать, спать у огня, бродить по острову и есть гнилушки, кору, особенно мох и пр. Трудно сказать, были ли возможности делать что-либо другое, потому что трое суток никому никакого продовольствия не выдавалось. По острову пошли пожары, дым. Люди начали умирать. Они заживо сгорали у костров во время сна, умирали от истощения, и холода, от ожогов и сырости, которая окружала людей. Так трудно переносился холод, что один из трудпереселенцев залез в горящее дупло и погиб там на глазах людей, которые не могли помочь ему: не было ни лестниц, ни топоров. В первые сутки после солнечного дня бригада

могильщиков смогла закопать только 295 трупов, неубранных оставив на второй день. Новый день дал новую смертность и т.д. Сразу же после снега и мороза начались дожди и холодные ветры, но люди все еще оставались без питания. И только на четвертый или пятый день прибыла на остров ржаная мука, которую и начали раздавать трудпоселенцам по несколько сот грамм[ов]. Получив муку, люди бежали к воде и в шапках, портянках, пиджаках и штанах разводили болтушку и ели ее. При этом огромная часть их просто съедали муку (так, как она была, в порошке), падали и задыхались, умирали от удушья. Всю свою жизнь на острове (от 10 до 30 суток) трудпоселенцы получали муку, не имея никакой посуды. Наиболее устойчивая часть пекла в костре лепешки. Кипятка не было. Кровом оставался тот же костер. Такое питание не выправило положения. Вскоре началось изредка, а затем в угрожающих размерах людоедство. Сначала в отдаленных углах острова, а затем, где подвертывался случай. Людоеды стрелялись конвоем, уничтожались самими поселенцами. Однако наряду с этим известная часть жила сносно, хотя и не имела, как и все, жиров, а одну муку. Такое положение объяснялось методами организации всех этих людей. На острове был комендант (Шихилев), стрелки ВОХР* и медрабтники и, конечно, каптенармусы. Наряду с людоедством комендатурой острова были зарыты в землю тысячи килограммов муки, т.к. она находилась под открытым небом и испортилась от дождей. Даже та мука, которая выдавалась трудпоселенцам, попадала не всем. Ее получали т. н. бригады, т.е. отъявленные преступники. Они получали мешки муки на «бригаду» и уносили их в лес, а бригада оста-

---

* Войска внутренней охраны.

валась без пищи. Неспособность или нежелание организовать обслуживание людей дошло до того, что когда впервые привезли на остров муку, ее хотели раздавать пятитысячной массе в порядке индивидуальном, живой очередью. Произошло неизбежное: люди сгрудились у муки и по ним была произведена беспорядочная стрельба. При этом было меньше жертв от ружейного огня, чем затоптано, смято, вдавлено в грязь. Надо полагать, комендатура острова и ее военные работники, во-первых, мало понимали свои задачи по отношению людей, которые были под их началом и, во-вторых, растерялись от разразившейся катастрофы. Иначе и нельзя расценивать систему избиений палками, особенно прикладами винтовок, и индивидуальные расстрелы трудпоселенцев. Приведу один пример расстрела, потому что он ярко характеризует попытки «организовать» людей: один трудпоселенец попытался два раза получить муку (мука выдавалась кружками, чайными чашками), [но] был уличен. «Становись вон там», —скомандовал стрелок Ходов. Тот встал, на указанное место, в сторонке. Ходов выстрелил и убил наповал (он убил многих, но сейчас рассчитан по личной просьбе). Такие методы руководства и воспитания явились очень серьезной поддержкой начавшемуся с первых же дней жизни на острове распаду какой бы то ни было человеческой организации. Если людоедство явилось наиболее острым показателем этого распада, то массовые его формы выразились в другом: образовались мародерские банды и шайки, по существу, царившие на острове. Даже врачи боялись выходить из своих палаток. Банды терроризировали людей еще в баржах, отбирая у трудпоселенцев хлеб, одежду, избивая и убивая людей. Здесь же на острове, открылась на-

стоящая охота и в первую очередь за людьми, у которых были деньги или золотые зубы и коронки. Владелец их исчезал очень быстро, а затем могильщики стали зарывать людей с развороченными ртами. Мародерство захватило и некоторых стрелков, за хлеб и махорку скупавших золото, платье и др. По острову установились цены: новое пальто — $\frac{1}{2}$ булки или 1 пачка махорки, 1 пач[ка] махорки — 300 руб., два золотых зуба или четыре коронки или два золотых. Моментами, стимулирующими эту сторону и усиливающими смертность, явилось отсутствие какого бы то ни было физического производительного труда. За все время пребывания на острове трудпоселенцы ничего не делали. Тот, кто не двигался или мало делал движений, умирал. В такую обстановку попал и второй эшелон, быстро воспринявший порядки острова. В конце мая (25—27) началась отправка людей на т. н. участки, т. е. [в] места, отведенные под поселки.

III

Участки были расположены по р. Назина за 200 километров от устья: [к ним] поднимались на лодках. Участки оказались в глухой необитаемой тайге, также без каких бы то ни было подготовительных мероприятий. Здесь впервые начали выпекать хлеб в наспех сооруженной одной пекарне на все пять участков. Продолжалось то же ничегонеделание, как и на острове. Тот же костер, все то же, за исключением муки. Истощение людей шло своим порядком. Достаточно привести такой факт. На пятый участок с острова пришла лодка в количестве 78 человек. Из них оказались живыми только 12. Смертность продолжалась. Участки были признаны непригодными, и весь состав людей стал перемещаться на новые участки, вниз

по этой же реке, ближе к устью. Бегство, начавшееся еще на острове (но там было трудно: ширина Оби, шел еще лед), здесь приняло массовые размеры. В ход пошли различные провокации. Важнейшие из них две: — решено истребить 200 000 (или 20 000) деклассированного элемента (добавляли «так как нет войны»); в 70 километрах (или в 40 километрах) железная дорога. Последняя провокация «подтверждалась» тем, что на одном из участков в ясные зори слышалась отдаленная гармонь, крик петуха и звуки, подобные гудку. Это был крохотный поселок, от которого участки отделяло непроходимое болото. Люди, не зная, где они, бежали в тайгу, плыли на плотках, погибали там или возвращались обратно.

IV

После расселения на новых участках приступили к строительству полуземляных бараков, вошебоек и бань только во II половине июля. Здесь еще были остатки людоедства, и на одном из участков (№ 1) закапывались в землю испорченные мука и печ[еный], хлеб, портилось пшено на другом (уч. № 3). Жизнь начала входить в свое русло; появился труд, однако расстройство организмов оказалось настолько большим, что люди, съедая по 750—800—900—1000 грамм[ов] (паек) хлеба, продолжали заболеть, умирать, есть мох, листья, траву и пр. Наряду с присылкой сюда прекрасных коммунистов, взявшихся за дело как следует, оставались комендантами и стрелками разложившиеся элементы, творившие над трудпоселенцами суд и расправу: избиения, узурпаторство, убийства людей, — бездушные в отношении к ним, мат и произвол — не редкие явления. [Приведу] такие факты. Ко-

менданты Власенко и Понасенко избивали трудпоселенцев. Стрелок Головачев за похищение одной рыбки в пути следования лодки избил трудпоселенца и приказал ему умыться. Когда это было выполнено, приказал прыгнуть с лодки. Трудпоселенец прыгнул и утонул. Комендант Асямов, живя с женщинами-трудпоселенц[ами], на днях изранил дробью одного трудпоселенца, удившего рыбу, и скрыл этот факт от проезжавшего по участкам командования. Комендант Сулейманов, кроме того, что избивал людей при выдаче трудпоселенцам сахара, поедал его (на глазах у всех) в невероятно больших количествах и теперь, по его собственному заявлению, потерял всякий вкус. Помимо этого он брал гребцов-трудпоселенцев и катался на лодке. Будь люди поворотливее, смертность можно было сократить до минимума, т.к. она происходила главным образом от поноса. Однако, несмотря на строжайшие приказы командования, сухари больным не выдавались, тогда как сухарь спас бы сотни людей, потому что отсутствовали всякие медикаменты, ощущалась острая потребность в вяжущих (против поноса) средствах. При этом огромный запас галетов лежал в палатках и [на] базах, т.к. не было указания, могут или нет пользоваться этими галетами больные. Такая история случилась и с сушеной картошкой и с листовым железом, тогда как наступили осенние холода, а больные лежали в палатках, а затем в бараках без окон и дверей. Можно привести факты прямой провокации: несмотря на то, что поселки в тайге, больные лежали на земле, а та часть, которая помещалась на нарах, из палок, лежали на мху, в котором немедленно заводились черви. Или [другой пример]: обмундирование висело в складах, а люди голы,

босы, заедались сплошной вшивостью. Нужно заметить, что все описанное так примелькалось начсоставу и работникам большинства участков, что трупы, которые лежали на тропинках, в лесу, плыли по реке, прибывались к берегам, уже не вызывали смущения. Более того, человек перестал быть человеком. Везде установилась кличка и обращение — ШАКАЛ. Нужно отдать справедливость, что взгляд этот последовательно осуществлялся в ряде случаев. Например, 3 августа с Назинской: базы на уч. № 5 была отправлена со стрелком т. Шапита лодка с людьми. Их нигде не снабдили, и они оставались голодными, проезжая участки, прося хлеба. Им нигде не давали, и из лодки на каждом участке выбрасывали мертвых. На 5-й участок прибыло 36 ч[еловек], из них мертвых 6 ч[еловек]. Сколько человек выехало, так и не удалось установить.

V

В результате всего из 6100 чел., выбывших из Томска, и плюс к ним 500—600—700 чел. (точно установить не удалось), переброшенных на Назинские участки из других комендатур, на 20 августа осталось 2200 человек. Все это, особенно остров, осталось неизгладимой метой у всех трудпоселенцев, даже у отъявленного рецидива*, выдавшего виды на своем веку. Остров прозван «Островом смерти» или «Смерть-остров» (реже — «Остров людоедов»). И местное население усвоило это название, а слух о том, что было на острове, пошел далеко вниз и вверх по рекам. Трудпоселенцы сложили об острове свои песни. Приведу несколько отрывочных мест:

---

* Имеются в виду рецидивисты.

Трудно нам, братцы, в Нарыме.
Трудно нам здесь умирать.
Как пришлось на Острове смерти
Людоедов нам всем увидеть...
(Из песни «На острове смерти»)

Боженька, боженька миленький,
Дай мне ножки до весны.
(Дело в том, что у людей страшно
опухали и еще опухают ноги)

Не придет мать с горячей молитвою
Над могилою сына рыдать,
Только лес свою песню Нарымскую
Будет вечно над ней напевать...
(Из песни «Между топких болот»)

И т.д. и т.п.

На острове сейчас травы в рост человека. Но местные жители ходили туда за ягодами и вернулись, обнаружив в траве трупы и шалаши, в которых лежат скелеты.

VI

Не только все это заставило меня писать Вам. Беда еще в том, что среди прибывших на трудовое поселение есть случайные наши элементы. Главная их масса умерла, потому что была менее приспособлена к тем условиям, которые были на острове и на участках, и, кроме того, на этих товарищей прежде всего упала тяжесть произвола, расправ и мародерства со стороны рецидива как в баржах, так и на острове и в первое время на участках. Сколько их — трудно сказать. Также трудно сказать кто [они], потому что документы, по их заявлению, отбира-

лись и на местах ареста органами, производившими изоляцию, и главным образом в эшелонах рецидивом на курение. Однако некоторые из них привезли с собою документы: партийные билеты и кандидатские карточки, КСМ* билеты, паспорта, справки с заводов, пропуска в заводы и др. 17 и 30 июля пришли эшелоны с деклассированным элементом на р. Наню и ее притоки. Особенно много таких людей именно в комендатурах этой реки и ее притоков. Со слов самих людей, из бесед с ними можно привести такие факты неправильной ссылки людей:

Река Назина

Новожилов Вл. — из Москвы. Завод «Компрессор». Шофер, 3 раза премирован. Жена и ребенок в Москве. Окончив работу, собрался с женой в кино; пока она одевалась, вышел за папиросами и был взят.

Гусева — пожилая женщина. Живет в г. Муроме, муж — старый коммунист, глав[ный] конструктор на ст. Муром, производ[ственный] стаж 23 г., сын — помощ[ник] машиниста там же. Гусева приехала в Москву купить мужу костюм и белого хлеба. Никакие документы не помогли.

Зеленин Григорий работал учеником слесаря Боровской ткацкой фабрики «Красный Октябрь», ехал с путевкой на лечение в Москву. Путевка не помогла — был взят.

Горштейн Гр. — член КСМ с 1925 г. Отец — член ВКП(б) с 1920 г., рабочий газового завода в Москве. Сам Горштейн — тракторист совхоза Паняшково в Верх-Нячинске. Ехал к отцу. Взят на вокзале, [когда] только что сошел с поезда. Документы были на руках.

---

* Коммунистический союз молодежи.

Фролков Арсентий — член КСМ с 1925 г., отец — чл[ен] ВКП(б), подпольщик, работает врачом на ст. Суземка Зап[адной] области. Сам Фролков взят в Сочи на курортном строительстве «Светлана» (работал плотником), [когда] шел с работы (брат в Вязьме, работник ОГПУ).

Карпухин Мих. Як. — ученик ФЗУ* № 6 на Сенной (г. Москва). Отец — москвич, и сам Карпухин родился в Москве. Шел из ФЗУ после работы домой и был взят на улице.

Голенко Никифор Павлович — старик. Из Хоперского округа, ехал через Москву к сыну на ст. Богашево Курской ж. д. [в] совхоз «Острый». Взят на вокзале.

Шишков — рабочий фабрики «Красный Октябрь» в Москве; на этой фабрике работал непрерывно 3 года. Взят на улице, возвращаясь с работы.

Виноградова — колхозница из ЦЧО**. Ехала к брату в Москву. Брат — начальник милиции 8 отделения. Взята по выходу из поезда в Москве.

Адарюков Константин — чл[ен] бюро КСМ ячейки строительства Главного военного порта в Керчи, поехал к матери в Гривно (Подмосковье). Из Гривны поехал в Москву и взят по прибытии поезда.

Глухова Фаина — строитель-десятник Ташкентского заготскота. Получив очер[едной] отпуск, ездила к дяде в Ленинград. По окончании отпуска, возвращаясь на работу в Ташкент, была взята в Москве с документами и ж. д. билетом.

Назин (сейчас при участковой комендатуре в с. Александрово). Помощник нач[альника] пожарн[ой] охраны Большо-

---

* Фабрично-заводское училище.

** Центрально-Черноземный район.

го театра, один из работников пожарной охраны Кремля. Взят на улице. Пропуск в Кремль ничего не помог.

Пос. «Новый путь» на притоке р. Пани.

Войкин Ник. Вас. — член КСМ с 1929 г., рабочий фабрики «Красный текстильщик» в Серпухове, член бюро цех[овой] ячейки, кандидат в чл[ены] пленума фабричного комитета КСМ, много раз ездил на хоз[яйственно]-полит[ические] кампании по командировке в МК* КСМ. 3 раза премирован. В выходной день ехал на футбольный матч. Паспорт оставил дома.

Сивов Пав. Ив. — ученик ФЗУ «Промвентиляция» в Москве на Ульяновской. Прописан у брата как малолеток. Паспорта не имел. Шел из ФЗУ с работы домой.

Шмелев — чл[ен] КСМ с 1933 г., рабочий завода № 24 имени Фрунзе в Москве. Плотник. Паспорт должен был получить через 2 дня. Было соответствующее удостоверение. Шел с работы.

Ткачев Пав. Алекс. — член КСМ с марта 1933 г., б[илет] 1387815. Взносы уплачены по август 1933 г., о чем отмечено и отметка закреплена печатью детдома им. ВЦИК (билет на руках, выдан Сокольн[иковским] РК** ВЛКСМ). Воспитанник детдома им. ВЦИК в Москве. Детдом выехал в лагерь на ст. Пушкино. С соответствующими документами администрацией детдома Ткачев был послан вместе с другим воспитанником Васильевым за инструментами духов[ого] оркестра, которые были оставлены в Москве. Взят по прибытию поезда в Москву. Отец в Москве, сторож, адрес отца: ул. Драгомилова, 2-й Брянский переулок, д. № 14, кв. 5.

---

* Московский комитет.

** Районный комитет.

Васильев Зосим Вл. — чл[ен] КСМ с 1930 г. Секретарь ячейки КСМ д[ет] дома имени ВЦИК в Сокольниках. Попал в Нарым так же, как и Ткачев, вместе с Ткачевым.

Таратынов Никанор Андр. — чл[ен] КСМ с 1930 г. Секретарь яч[ейки] КСМ колхоза «Оборона страны» Белховского района ЦЧО Приехал в Москву 4 июня за хлебом.

Остротюк Ив. Соловеевич — чл[ен] КСМ с 1931 г., был у брата в г. Горьком (строительство моста через Волгу). Ехал через Москву домой, в свой колхоз, с. Сингаевка Бердичевского района Винницкой области. Взят в Москве.

Поняев Василий Евдокимович — род[ился] в 1885 г. Рабочий, выдвиженец. Десятник горных работ, Донбасс, Чистяковский район, Снежнянское рудоуправление, шахта № 4. После операции в связи с травматическим случаем получил отпуск. Ехал домой через Москву (в Донбассе с 1919 г.).

Матвеев Ив. Мих. — рабочий постройки хлебозавода № 9 — МОСПО*. Имел паспорт до декабря 1933 г. как сезонник. Взят с паспортом. По его словам, «даже паспорт никто не захотел смотреть».

Клещевников Георгий Петр. — приехал в Москву с путевкой в школу циркового искусства (рабочий завода тракторных деталей в Саратове).

Черкасов Вл. Фед. — рабочий завода № 24 им. Фрунзе в Москве, токарь. Работал на заводе 4,5 года. Взяли на вокзале, возвращался из деревни, куда ездил выяснять, почему не принимают в колхоз его мать.

Трофименко Никита Никитович — рабочий метростроя в Москве, имел паспорт, как сезонник, шел с работы в общежитие.

---

* Московское портебительское общество.

Серов Давид Петрович — мальчик. Взят в Арзамасе. Отец работает на станции Арзамас ремонтным рабочим на жел[езной] дороге.

Тарабрин Петр Мих. — моторист Казкрайрыбаксоюза в г. Астрахани. Получив отпуск, приехал в Москву к тетке в гости.

Балиев Вал. Самсудович — кандидат ВКП(б) с 1931 г. Ехал через Москву в Троицк, переходил с вокзала на вокзал с вещами. Взят на этом пути.

Гусев Степан Петрович — чл[ен] ВКП(б) с 1932 г. Вступил в Туапсе, билет выдан Туапсинским горкомом. Ехал через Москву на родину. Были все документы.

Мосаликин Никол. Як. — кандидат ВКП(б) с 1932 г. Бригадир колхоза в с. Неведомый Колодезь Томаровского р[айона], Белгородского округа. Приехал в Москву за хлебом для колхоза.

Карасев — чл[ен] ВКП(б), рабочий завода им. Сталина в Москве (бывший АМО), шофер-механик. Взят по выходе из своего ЗРК*, где он брал хлеб. На АМО работал с 1929 г. Чл[ен] партии с 1923 года.

Часть партийных и комсомольских документов в данное время хранится в Александровском райкоме ВКП(б) и в Алесандровско-Вахорской участковой комендатуре СибЛАГа ОГПУ. Есть люди, завербовавшиеся для работы на окраинах СССР, получили подъемные (по их словам, конечно) и, несмотря на наличие на руках исчерпывающих документов, во время проезда Москвы взяты. Все эти люди не могут обжаловать [свой арест]: нет бумаги (даже денежные документы работники комендатуры пишут на бересте). Несколько заме-

---

* Заводской рабочий кооператив.

чаний по поводу приведенных фамилий: 1) есть еще два поселка на самой реке Панае, где я не был и не могу привести фамилии; 2) приведенные фамилии не являются ни наиболее яркими, ни типичными, ни наименее показательными, потому что у меня была возможность записывать их поскольку они выявлялись сами только; 3) список я привел не для того, чтобы сообщить, кто именно, персонально и сколько их заключены неправильно, а для того, чтобы показать, какие есть элементы; 4) много колхозников, завербованных на строительство по договорам строительных организаций с колхозами; эти колхозники следовали через Москву на место работ вместе с вербовщиками; 5) приведенные данные обо всех этих людях и обстоятельствах их изоляции безусловно нельзя брать за чистую правду. Однако они являются внушительным аргументом за необходимость проверки.

VII

Тяжелые условия на реке Назиной в данное время ликвидированы, также на поселке Новый путь они ликвидированы в значительной мере. На днях весь трудоспособный контингент всех лагерей Александровско-Ваховской участковой комендантуры отправляется обратно в Томск для распределения по лагерям СибЛАГа. Сколько стоит вся эта операция, почему сорвано трудовое поселение и освоение Севера на этом участке и сорвано с таким скандалом — скажет кто-нибудь, наверное.

VIII

Я трезво отдаю себе отчет в том, что написать такое письмо — значит, взять на себя большую ответственность. Я допускаю, что ряд моментов изложены неточно, могут не подтвердиться или

подтвердятся, но не полностью, допускаю, что многого я просто не знаю — потому что пользовался не официальными источниками, но я рассуждаю так: еще хуже молчать».

А когда закончил писать, Панин долго выводил подпись, ещё дольше сидел за столом, раздумывая, стоит ли отправлять письмо вождю народов и чем для него может закончиться, если всё-таки он отправит его. Фролу вспомнилась вся его короткая жизнь, как бегал босиком по деревне, гоняя овец и телят, как помогал отцу, как выселили богатого соседа, а он радовался, что пролетарская справедливость победила. Вспомнил, как тяжело было матери с ними, как она работала в поле, её натруженные, корявые руки с выступившими венами и обросшие коростами. Потом пригорюнился, вспомнив Светланку, она ждёт, он же обещал привезти ей белку или зайца. Алексей Роднин осудит его за письмо. Не простит Алексей, скажет, что Фрол поступил не по-партийному, а как настоящий вредитель. Вспомнилось, как друг тряс Фрола за грудки и повторял-повторял-повторял, шипя сквозь склеенные злобой губы: «Ты шас не вохровец, ты шас гэпэушник! И всё благодаря моей заботе! Кабы не я, сидеть бы тебе на нарах! Делай, как я делаю, а то...» Что будет дальше за зловещим «а то...», Алексей не досказал.

Панин повертел листами исписанной бумаги, поднёс к лампе. Запахло жжёным, а на бумаге проступило жёлтое пятно. Фрол отдернул руку. Встал, походил вокруг стола, постучал костяшками пальцев, но всё-таки решился, запечатал конверт и поставил сургучную печать. Через два часа он был в Александрово и, минуя райком, прошёл на почту и отправил конверт по нужному адресу. Начальница почты долго верте-

ла в руках тяжёлый конверт, раздумывая, стоит ли отправлять письмо самому товарищу Сталину, но Панин предъявил мандат, и начальница, мигом потускнев, сообразила, что с уполномоченным ОГПУ лучше не связываться и без дальнейших размышлений отправила конверт товарищу Сталину фельдъегерской связью. С чувством исполненного долга Фрол бодрой походкой направился в дом для приезжих. Горбунов тоскливо поднял глаза на Панина, когда они столкнулись в коридоре.

— Сегодня привезу Галину Георгиевну, прям щас же и привезу! Прости, Григорий Алексеевич, у меня было дело огромной партийной важности, только что сдал! Иду-иду-иду, — бормотал Панин, боясь посмотреть в глаза Горбунову, но тот не сдал планку, оставшись на высоте положения.

— Товарищ уполномоченный, сколько надо, столько и буду ждать! Я политически подкован, партминимум только что сдал, перед отъездом.

Но Панин уже бежал к пристани. Впервые он сгорал от чувства стыда. Ему было стыдно перед Горбуновым. Чувство невиданной силы изнутри сжигало его, ломая суставы и заставляя корчиться от судорог.

Глава шестая

На пристани Панина ждал нарочный от товарища Перепелицына. Увидев Фрола, нарочный, заикаясь, сказал: «Т-товарищ уполномоченный, в-вас в райком вызывают!»

Фрол усмехнулся, парень от страха заикается, сразу видать, боязно ему. Первый раз с уполномоченным разговаривает. Кивнул, мол, всё понял и вернулся в посёлок. В райкоме толпились люди, видимо, только что вышли с совещания. То-

варищ Перепелицын, заметив в толпе Фрола, подошёл к нему, и, взяв его под руку, отвёл в сторону.

— Товарищ уполномоченный, прошу вашего содействия в поимке банды Мизгиря, он прячется на острове, нам не справиться без вас! Разрешение товарища Краузе получено. Вот донесение с его подписью.

— Кто старший? — сухо осведомился Панин.

— Старшим назначен комендант Фролов. Его только что окончательно утвердили на заседании райкома. И вы, товарищ уполномоченный, не принимайте так близко к сердцу этот проклятый остров. Там такие люди, что лучше бы их не было! — разгорячился секретарь райкома. — Они даже продовольствием распорядиться не могут, как следует. Оставили гнить на берегу мешки с хлебом, мукой, крупой. У нас люди не доедают, впроголодь сидят, а эти продовольствие сгноили.

Секретарь обречённо махнул рукой, мол, что с них взять, с мазуриков.

— Товарищ Перепелицын, а вы знаете, что мешки охраняют, и переселенцы не имеют права приблизиться к продовольствию? Вы это знаете?

— Да всё я знаю, надоели мне эти переселенцы, понавезли их, а тут со своими задачами справиться бы! — в сердцах выкрикнул Перепелицын. — Вы, товарищ уполномоченный, не замечаете наших достижений, одно плохое видите! А мы школу назвали именем Алексея Максимыча Горького, двадцать хантыйских колхозов организовали, у нас местные жители с концертами выступают, а вы нас всё ссыльными попрекаете!

Товарищ Перепелицын ушёл, оставив Фрола наедине со своими мыслями. «Я поступил правильно, по-коммунистически, —

подумал Панин, сверля злым взглядом спину секретаря райкома. — Только товарищ Сталин может навести здесь порядок! А товарищ Перепелицын пользуется тем, что товарищ Сталин далеко, но я уже отправил письмо. Все ваши недочёты, товарищ секретарь райкома, станут известны в центре. Скоро вы все узнаете, что такое коммунистическая совесть!»

Фролов отбыл на остров с местными милиционерами часом раньше, но Панин перегнал их на своём катере. Николай с форсом и лихо прокатил мимо и дал гудок, означающий победу.

На острове было тихо и безлюдно. Люди попрятались в шалаши и сидели у костров, устроенных в кустарнике. Переселенцы приготовились к медленной смерти, и все, кто появлялся на острове, мешал им. Фролов поручил печникам раздать довольствие, те с радостью согласились. Две печки одиноко ютились у берега, начатые у основания. Мастера явно не хотели делать печи на открытом воздухе.

— Товарищ комендант, они же раскиснут от первого дождя, чего их тут ладить-то? — печально рассуждал печник, бесцельно комкая в руках глину.

— А ты не торопись, скоро их перевезут в спецпосёлки, и эти печки никому не нужны будут, — сердился Фролов, злясь на абсурдные решения заседания райкома.

Ему надо было выполнить все пункты протокола, под которым он расписался. Если Фролов не выполнит хоть один пункт из протокола, его отдадут под суд, как проштрафившегося Цепкова. Переселенцы выстроились в очередь за хлебом. Понурые люди равнодушно брали паёк и отходили к кострам. Их уже ничто не волновало, даже хлеб, о котором они мечтали

долгие три месяца, не радовал их. Жизнь для переселенцев по неволе стала в тягость. Они понимали, что кто-то где-то просчитался, их забрали по ошибке, но слишком было много народу, чтобы оправдывать чей-то промах.

Мизгиря взяли к ночи, он сидел в шалаше и ждал, когда за ним придут. Шестёрки и подпевалы сидели молча, когда конвоиры повели главаря на катер, никто не бросился его спасать. И никто не сопротивлялся. Все уже знали свою участь. Мизгирь не протестовал, не требовал прокурора, шёл молча, стиснув зубы. С остальными разобрались быстро. Вывели на восточную часть острова, поставили на обрыв и одиночными выстрелами отправили в вечное безмолвие. Фрол не принимал участия в расстреле, стоя поодаль. Он радовался, что хоть кусочек справедливости за сегодняшний день удалось отвоевать.

Потянулись дни и ночи, наполненные ожиданием. Все чего-то ждали, печники тянули с работой, чтобы не строить понапрасну печи, переселенцы все так же ждали смерти, Фролов с вохровцами ждали, когда выкопают землянки в спецпосёлках, а Фрол ждал ответа на своё тайное письмо.

Его не отпускали с острова. Указание из Томска с подписью Краузе обязывало уполномоченного Панина находиться в отряде коменданта почти безотлучно. Фрол переживал, как там Галина Георгиевна, Григорий Алексеевич, Роза, но покинуть остров не мог. При пересчёте переселенцев, выгруженных на остров Назино 19 мая 1933 года, выяснилось, что из шести с лишним тысяч осталось неполных две. Остальные умерли, были съедены, утоплены и расстреляны при попытках побега. Многих изуродовали, чтобы выломать золотые протезы. Эти тоже погибли. Посчитали количество общих могил, получи-

лась внушительная цифра. Семьдесят восемь братских могил, хотя никаких могил, в общем-то, не было, были могильники, куда сваливали трупы и изъеденные скелеты.

Однажды Панин перестал ждать, уселся на берег в восточной части острова и стал слушать недовольных орланов. Ему показалось, что птицы зовут его к себе, они хотят, чтобы он стал вольным и требовательным, обладающим властью, и тогда люди станут прислушиваться к нему, выполнять его указания, а не делать вид, что боятся. Затем Фрол поймал себя на мысли, что хочет застрелиться. Прямо здесь, на обрыве, на том месте, где вчера прикончили уголовников. Все шесть упали в реку. Никто из них не закричал, не застонал. Они приняли свой конец как должное.

Панин вытащил пистолет, подержал его на ладони, приставил к виску. Холодная сталь охладила его пыл. Отец и мать не переживут, если узнают, что он проявил малодушие. Они другие. Они железные, как этот пистолет.

Перед глазами поплыли безрадостные, но достойные дни из детства. Вот они с отцом у богатого соседа за столом, отмечают окончание страды. Сосед угощает, на столе изобилие, но отец Фрола не чванится, сидит за столом на равных, подкладывая сыну в тарелку куски пожирнее. Родители всегда работали с утра до ночи и не стыдились труда, отец умел делать всё, что не могли другие, мать, никогда не знавшая усталости, вечно хлопочущая по хозяйству. Нежностей в семье не было, родители — люди суровые, но справедливые. Нет, они не поймут сыновней слабости, им будет стыдно перед людьми за Фрола, не выдержавшего первого испытания жизнью.

Панин убрал ствол и задумался. Письмо оказалось бесполезным. Оно просто не дошло до товарища Сталина. От него скрыли письмо, чтобы он не узнал о беззакониях, творящихся на острове Назино. «Если нет в нашей стране человека, способного изменить обстоятельства на острове, значит, это сделаю я. Именно я изменю обстоятельства, приведшие к массовой гибели переселенцев! Я докажу свою правоту. Нельзя поступать с людьми, как со скотиной. Люди не заслуживают такого отношения. Не для того совершали революцию, чтобы мучить простых людей. Я добьюсь справедливости, но сначала я верну Галину Георгиевну её мужу!» — С этими мыслями Панин вернулся на стоянку.

Комендант Фролов молнией метнулся к нему, хватая воздух открытым ртом: «Товарищ уполномоченный, там по вашему письму прибыли из центра. Прямо из Москвы прилетели на самолёте!» Комендант трясся, как осенний высохший листок на ветру. Фролов выглядел плохо, очень плохо, он похудел и иссох, став похожим на истощённого переселенца. «Это он от страха», — подумал Панин, и, отодвинув плечом коменданта, двинулся навстречу московской комиссии.

Именно в эту минуту Фрол пожалел, что не застрелился на обрыве. Навстречу ему шёл Александр Николаевич Рагузин, но это был немного другой Александр Николаевич, не старый пьяница, не балагур, не желчный язвенник. Навстречу Панину двигался, именно двигался монументальный сияющий московский проверяющий чин, в лайковых сапогах, в элегантном френче, в чёрных перчатках и с богатой тростью. Рагузин заметно прихрамывал. У Панина зашумело в голове и перехватило дыхание, снизу по ногам подступал липкий страх, постепенно расползающийся по всему телу.

— Товарищ уполномоченный, а мы ведь по вашему письму прибыли!

В тоне Рагузина не было желчи, скорее равнодушие. Панин молча протянул руку, Александр Николаевич пожал вежливо, но сухо.

— Нам необходимо очистить остров! Ни одного человека к утру не должно быть!

Рагузин сделал вид, что не узнал Панина, разговаривал с ним, как с незнакомым человеком. И тому, и другому было выгодно быть неузнанными. Фрол подтянулся, вдохнул воздух, но не смог выдавить из себя ни слова. Страх оказался сильнее воли. Вместе с Рагузиным на самолёте прибыли и другие официальные лица, с Паниным они разговаривали бесстрастно, как с явным и откровенным безумцем, но никто его не упрекнул, не обвинил в напористости, всё было чинно и по-партийному. Московские товарищи отнеслись к исполнению служебного и партийного долга с полной ответственностью. Фролу не разрешили отбыть с острова даже на пару часов. Он должен был проконтролировать погрузку и выгрузку переселенцев в спецпосёлки.

В этот раз дело наладилось быстро. С раскорчёвок сняли людей, те спешно выкопали землянки, в поселения завозились необходимое оборудование. Появилась посуда, алюминиевые чашки, ложки, котлы. Там, где выгружали людей, Панин видел врачей в белых халатах, что для этих мест являлось большой редкостью. Через три дня остров Назино опустел. Валявшиеся повсюду человеческие кости присыпали травой и землёй, закапывать не стали. Члены московской комиссии решили, что чуть позже дадут поручение, чтобы прислали команду могильщиков,

которые должны успеть закопать трупы до покосов. Орланы, издав последние кличи, улетели в свою глухомань. Остров вернулся в первоначальное состояние. Уже через неделю бывшая стоянка первобытных людей заросла дикой травой.

* * *

Рагузин с помощниками, убедившись, что на острове не осталось ни одного человека, отбыл в Москву. Александр Николаевич на прощание окинул Фрола загадочным взглядом, но ничего не сказал. Выглядел московский гость блестяще: новые сапоги, начищенные до умопомрачительного блеска, новые перчатки, новый френч, наглухо застёгнутый у подбородка. Только трость осталась прежняя, лакированная, с сияющим бронзовым набалдашником. Следом за Рагузиным охранники тащили огромный баул с одеждой и фанерный ящик с дарами таёжной природы. Товарищ Перепелицын собрал дань с охотничьих хозяйств и нагрузил московских гостей подарками в виде редкой пушнины, вяленого мяса и рыбы. Все остальные члены комиссии по сравнению с Рагузиным смотрелись бледно, но вполне пристойно. Вскоре над Александровской землей показался самолёт. Плавно качнув крыльями, он сделал прощальный круг над посёлком и вскоре исчез за горизонтом.

Спецпереселенцы — пересчитанные, учтённые и накормленные — медленно оживали в новых спецпоселениях. Многие продолжали лежать там, куда их положили, обессиленные и равнодушные, и почти все ждали смерти. На новую жизнь у них не было сил. Врачи в белых халатах уехали, но остались два лекпома в простой одежде. Перед отъездом Рагузин разре-

шил Панину отбыть в Александрово, так как его полномочия истекали на следующий день. Сначала Фрол заехал в спецпосёлок №1, чтобы забрать Галину Георгиевну и Розу, но его ожидало огромное разочарование, ни той, ни другой там не было. Ни в лазарете, ни в землянках. Комендант растерянно развёл руками.

— Не знаю, куда подевались *обои*, я ни той, ни другой не видал. Тут такая неразбериха была. Людей, как инвентарь, сортировали, туда обычных, сюда уголовников, отсюда больных, и наоборот. А старики здесь, оба живы. Они в лазарете. Там у них всё есть!

Ильдар-абый лежал в лазарете на свежесколоченных нарах, еловые ветки убрали, в больничной землянке было относительно чисто. Рахима ухаживала за мужем, радуясь, что теперь у них есть горячая пища и лекарства.

— А где Галина, Ильдар-абый? — спросил Панин, не надеясь, что узнает правду.

— Ушла умирать. В тайгу. Собралась и ушла. Попрошалась, обняла нас, а девчонку в Александрово увезли. У Розы дифтерия. Это заразная болезнь. Вот как Розу увезли, так Галина и ушла в тайгу. У нас так многие делали, уходили в лес умирать, чтобы не на глазах у людей.

Старик лежал на нарах, обложенный сухой травой и одеялами. Рахима-апа укоризненно смотрела на Панина, мол, зачем больного человека тревожишь?

— А нас на родину отправляют, — продолжал старик, — домой! В Казань поедem. Вот, подлечимся малость, и поедem. Моя Рахима ожила немножко, уже на ногах, а то совсем отошала, даже ходить не могла.

— А где же Галину Георгиевну искать? Где? — спросил Панин, ужаснувшись от мысли, как всё это он расскажет Горбунову. Григорий Алексеевич ни одному слову не поверит. Но ведь в этой сумасшедшей суматохе невозможно было спасти его жену, нужно было решить общую задачу, чтобы спасти всех оставшихся в живых, а получилось, что Фрол погубил несчастную женщину. Галина ушла умирать в тайгу. В какую тайгу?

— В какую тайгу она ушла? — переспросил Панин.

— Здесь одна тайга! Другой тут нет.

Старик отвернулся к стене, показывая, что он устал. Рахима-апа с ненавистью смотрела на уполномоченного, не желающего понять, что старому человеку трудно разговаривать на повышенных тонах. Панин медленно вышел из землянки. Здесь ему больше нечего делать. Командировка закончилась. С острова всех вывезли. Жестокосердые орланы вернулись в свои гнёзда. Жаль, что Галина Георгиевна ушла в тайгу. Сама ушла, никто её не гнал. Теперь Горбунов никогда не найдёт жену. Он не сможет её найти. Тайга большая, она не отпустит из себя того, кто пришёл в неё умирать.

* * *

Неожиданно пошли проливные дожди. В этих краях в летнюю пору часто случается непогода. Сначала лило как из ведра, потом всю неделю мокло и моросило, оседая на лице влажной пылью. Резко похолодало, и жаркий июль стал похож на поздний ноябрь. В этих местах всегда жили остяки; считается, что они переселились сюда ещё до нашествия Ермака. В те годы в официальных документах остяков называли туземцами, инородцами, иноверцами и нацменами, они же разделялись на

хантов, селькупов и кетов. Никто не понимал, кто из них кто, некому было разбираться в диалектах остяцкого языка в то время. Почти два века остяки селились вдоль рек, занимались охотой и рыболовством, питаясь сырой рыбой и мясом, а в голодные дни ели кору, ягоды, кедровые орехи. Иногда их можно было увидеть в русских посёлках, но в основном они жили в своих деревнях. Ханты с трудом понимали русский язык.

Галина медленно шла по берегу, часто оступаясь на мокрой земле и опираясь на суковатую палку. Идти было трудно, но она шла, надеясь, что успеет добраться туда, куда звала её душа. Из рассказов переселенцев, пытавшихся сбежать с острова, Галина знала, что по пути нельзя доверяться русским, они сразу отведут в местное ОГПУ, зато ханты могут спасти и накормить. Галина не знала, сколько прошла, шаг был короткий и медленный, неприкрытая голова мёрзла под дождём. Вдруг она увидела дым, который шел из утлого корома. В таких полудземляных избушках обычно живут остяцкие семьи. Иногда корома делают большими, но чаще — в них не повернуться одному человеку.

— Сивка-Сивка! — Раздалось за спиной, и Галина спряталась под куст, хотя для этого ей пришлось согнуть больную ногу. Раздался шум, на берег вышел мужчина, ведя под уздцы непокорную лошадь.

— Ты зачем бегал туда-сюда, Сивка? — упрекал мужчину провинившегося коня, а сам во все глаза смотрел на скорчившуюся Галину. Женщина поняла, что прятаться от опытного охотника бессмысленно и встала, опираясь на палку.

— Дайте хлебушка! — вместо приветствия сказала она, протягивая руку.

Мужчина, шуря и без того раскосые глаза, недоумённо посмотрел на котомку, болтавшуюся у Галины за поясом. Оттуда выглядывал кусок хлеба. Она смутилась. Не хлеба она просила у остяка, пристанища. Ей нужно было отдохнуть, обсушиться, чтобы продолжить путь дальше.

— Погреться бы, — она съёжилась, задрожала, показывая мужчине, что промокла.

— Айда в избу! — широким жестом позвал мужчину и повёл лошадь по берегу, выговаривая ей за плохое поведение. В землянке Галина согрелась, женщина-хантыйка вскипятила воду, бросила в котелок какую-то траву и дала выпить. После чая потянуло в сон, но Галина, посушив юбку у каменки, собралась уходить. Хозяева с удивлением смотрели на неё, не в силах понять, куда она собралась идти в ночь и под дождь.

— Не ходи одна, — сказал мужчина, — там людоеды прячутся. Участковый сказал, что не всех поймали. Они тут по берегам шарятся. Куда ты пойдёшь? У тебя ноги больные. Тебе носки нужны. Дай ей носки собачьи!

Женщина послушно подала сшитые из собачьей шкуры носки.

— Не нужно, пойду я, а вам спасибо за чай. Хороший чай! А хлеб у меня есть, нам паёк выдали. Вот вам за приют и гостеприимство, благодарствую! — Галина поклонилась, насколько ей позволяла спина, и протянула котомку.

Хозяева промолчали, но от хлеба не отказались. Галина вышла из землянки и пошла по берегу, думая, пойдёт за ней мужчина или не пойдёт? Шагов не было слышно, и Галина успокоилась. Она долго спускалась к реке, держась за траву, мечтая, чтобы дождь прекратился, тогда трава не будет такой

скользкой. С крутого обрыва почти скатилась к реке, скользя по мокрой глине попеременно с песком. Где-то у остояков должна быть лодка. Они всегда держат её на воде. Галина пристально всматривалась в чёрную воду, пока не споткнулась о верёвку.

Она отвязала лодку и, прихватив верёвку, долго вскарабкивалась на неё, пытаясь перекинуть больные ноги через край, но всё никак не могла одолеть сопротивление намокшего дерева. Наконец упала на дно и схватилась за вёсла. Галина знала, куда ей нужно плыть. Она поплывёт на остров Назино, тот самый, на котором закончилась вся её короткая жизнь. Этот остров остяки зовут Заячьим, раньше там водилось много зайцев. Такое мирное и сказочное название, но почему от него становится страшно? Это не только страшный, но и проклятый остров, там люди перестали быть людьми. Они остались на острове, чтобы вечно мокнуть под проливным дождём. Нельзя оставлять людей одних. Нельзя. Им будет лучше, если они будут под присмотром.

Лёгкие вёсла едва скользили по воде. Галина упрямо вела лодку к острову. Их привезли сюда, чтобы они забыли своё имя и свои корни, своих детей и родителей. Они так и валяются под открытым небом, а их тела растаскивают на части птицы и звери. Людей даже не похоронили. Их много. Четыре тысячи — это немало. Галина не стала втаскивать лодку на берег, оставила в воде, а вёсла взяла с собой. Лодка поболтается по реке, а потом её прильёт к берегу, и хозяин найдёт своё имущество. Куда остяку без лодки?

Мрачный остров встретил её неприветливо. Мокрый лес шумно стряхивал с себя потоки дождя, а снизу с всхлипами подступала вода. Ещё неделя дождей, и остров затопит вме-

сте с лесом и покойниками. Галина долго мучилась, пытаясь соорудить крест, но мокрые вёсла выскользывали из рук, падали, цепляясь за траву. Наконец она связала верёвкой два весла крест-накрест и воткнула одним концом в землю. Крест получился немного кривым, и ей пришлось поправить его, чтобы выровнять концы. Когда он встал, как нужно, чётко и правильно, Галина отползла в сторону. Ходить она уже не могла, все силы ушли на установку креста. Неясный свет, непонятно откуда взявшийся, осветил мрачный остров, словно в чёрных тучах проливного дождя появилась трещинка, которая выпустила струйку лучистого света.

И Галина заплакала. Слезы, смешиваясь с дождевыми струями, омывали её иссохшее лицо, счищая всю накопившуюся горечь не только снаружи, но и изнутри. Теперь она могла спокойно умереть. Все невинно погибшие, по ошибке ли, по незнанию ли, неважно, обрели на этом острове вечный покой. Здесь больше не будет невинных и виноватых, здесь все равны. Воздвигнутый ею крест вобрал в себя все их грехи, даже если и были эти люди совсем безгрешными. Остров перестал быть страшным. Крест забрал себе все его страхи. Отныне здесь будет только вода, обрекающая Заячий остров на вечное безмолвие.

Глава седьмая

Горбунов долго искал жену по окрестным деревням. Он не мог поверить, что его Галя могла уйти в тайгу, чтобы умереть. Григорий Алексеевич исходил пешком весь район с его заимками и посёлками, пока не удостоверился, что следы Галины Георгиевны затерялись в таёжном краю. В этом его убедила хан-

тыйская семья, живущая на крутом берегу Оби. Муж с женой долго выясняли, кто он такой, откуда, почему ищет Галину, наконец выдохлись, устав от расспросов. Спрашивал в основном муж, затем переводил жене, та обдумывала, что ответить, что-то лопоча на своём языке, и только после этого Пантюша, так звали местного остяка, приступал к расспросам заморского гостя. Для местных инородных жителей Горбунов был существом из другого мира — чужим и непонятым.

— Дык, заходила к нам баушка, лет восемьдесят ей, ноги у ей всё мёрзли. Баба моя ей чаю налила. Баушка согрелась и пошла. А потом у меня обласок пропал. Это лодка такая, маленькая. Она у меня с двумя вёслами была. Я думал, баушка своровала, нет, смотрю, лодку к берегу прибило. Вёсел нет, одна лодка торчит. Видать, верёвку сорвало ветром. Вишь ты, дожди какие с ветрами пошли! А баушка исчезла. Старенькая она совсем было, такая безжизненная. С пересылки, говорят, сбежала. И зачем баушек на пересылку посылают?

Григорий Алексеевич зажал руки коленями, чтобы не тряслись. Страшно было слушать рассказы про жену, за три месяца состарившуюся ровно на пятьдесят лет. Пантюша говорил тихим убаюкивающим голосом, его жена певуче поддакивала, переспрашивала, и Григорий Алексеевич забылся. Вереницей побежали перед глазами события его жизни.

Вот он маленький, в деревне, голодный, постоянно хочет есть, мать бранит его, отталкивает его ручонки, требующие хлеба. Потом стало полегче — мать нашла подённую работу, у кого-то из богатых стирала бельё, и возвращалась домой с красными обмороженными руками, опухшими, как подушка, но с хлебом. А в десять лет отправила Гришку в город

в помощь соседу, уехавшему на заработки. Тот подрабатывал ремонтом обуви, и ему понадобился помощник. С той поры Григорий Алексеевич полюбил обувь любого вида, просто не мог видеть расквасившиеся ботинки или нечищенные сапоги. За своей обувью ухаживал, как за детьми не ухаживают.

Из подмастерьев Гришку забрали на пароход палубу мыть, а с парохода судьба забросила юнца на флот. С тех пор Горбунов стал самым счастливым человеком на свете, а когда встретил Галину, забыл, что в мире существует горе. Морской флот, а позже брак с хорошей женщиной заставили его забыть горестные дни детства. Иногда Горбунов думал: да за что же мне такое счастье, но три месяца назад жена пропала. И жизнь закончилась, а счастье ушло. И если до сегодняшнего дня Григорий Алексеевич думал, что оно ушло на время, что скоро всё наладится, как только Галина отыщется, то сейчас стало понятно, что счастье ушло навсегда. Горбунов понял, что хочет умереть. Можно было не вставать с чурбака и остаться здесь, чтобы Галине не было одиноко в тайге. Пантюша догадался, что гостю плохо.

— Эй, хочешь самогонки?

— А-а, нет, не хочу. Спасибо, я пойду. Поздно уже. Меня участковый ждёт. Я же один не ориентируюсь в лесу. Вместе с участковым хожу. Он по своей работе, бандитов разыскивает, а я Галину ищу.

— А-а, брось, не ищи больше, — махнул рукой Пантюша, — тайга никого не возвращает обратно. Что забрала, крепко держит. Езжай домой!

Горбунов встал, подчиняясь внутренней дисциплине. Отныне он будет доживать положенный срок. У него отняли

жизнь. Кто отнял и почему, об этом Григорий Алексеевич не думал, это была запретная тема. Не попрощавшись с остяками, Горбунов вышел на берег. Внизу его ждал местный участковый с лошадьми. После проливных дождей выглянуло солнце, земля просохла, и можно было ездить верхом.

— Ну что, я же говорил вам, что бесполезно искать. У нас тут тайга-медведь кругом. Переселенцы сбегают: мол, слышали, как паровозы гудят, петухи поют. Это в тайге-то петухи поют! Ну и всё, с концами пропадают люди. Мошка, гнус съедают до скелета. За два дня человека не узнать, как объедят. Поехали, Лексеич, в Александрово, не рви ты сердце! Оно ещё тебе пригодится.

Горбунов хотел возразить, что его сердце можно разорвать на куски, оно больше никому не понадобится, но промолчал. Григорий Алексеевич хотел съездить на остров, но что-то остановило его. Участковый рассказал ему подробности трагедии в Назино, и Горбунов решил не беспокоить сон мёртвых. Пусть они уже упокоятся там, на этом проклятом острове. На следующий день Григорий Алексеевич уехал в Ленинград.

* * *

Панин не попрощался с Горбуновым, чувство стыда оказалось сильнее. Фрол уверил себя в том, Галина Георгиевна погибла по его вине. Он один виноват в её гибели. Если бы не его суетливость, женщину можно было спасти. Закрыв глаза, Панин представлял, как увидится с Горбуновым, что скажет, как объяснит, но тут же вскакивал с рундука, бегал по каюте, не в силах унять дрожь в руках.

В последнее время у него что-то случилось с руками. Они его не слушались. Узнав, что Григорий Алексеевич уехал, Фрол

почувствовал облегчение, но оно оказалось временным. За несколько дней в районе изменилось отношение к Панину. Сначала он ничего не заметил, но позже догадался, что его избегают, и не знал, как к этому отнестись. Работники Александровского райкома всячески сторонились Панина, стараясь перейти на другую сторону улицы, если он попадался им навстречу. Правоторов вместе с участковым искал спрятавшихся в тайге людоедов и иногда приезжал в Александрово, но встреч с Паниным не искал, и если видел уполномоченного, то прятался от него. Фрол рассердился, попытался поговорить с Перепелицыным, чтобы объяснить ему, почему он написал письмо товарищу Сталину, но встреча с секретарём так и не состоялась. Объясняться было не с кем.

Фролу нужно было возвращаться в Томск, но у него было настолько плохое настроение, что он не спешил отчаливать. Катер стоял на приколе. Панин искренне считал, что не до конца выполнил поручение партии и правительства, к тому же в душе остался противный осадок, словно только он один был виноват в Назинской трагедии. Перед отъездом Фрол зашёл в фельдшерский пункт, чтобы узнать, как чувствует себя Роза, но ему сказали, что девочку забрали бывшие раскулаченные. «Это Ильдар-абый с Рахимой забрали Розу!» — подумал Фрол и успокоился. Хорошо, что люди позаботились о Розе, сбросив с души Фрола груз вины, висевший тяжёлым камнем.

Дорога до Томска пролетела незаметно, Николай домчал Фрола с ветерком, но в этот раз обские просторы не радовали душу. Природа била в глаза буйным великолепием, но Фрол раздражённо отворачивался и переходил на корму, злясь на прибрежные красоты, ведь именно природа погубила за эту

весну не одну тысячу человек. Это она беспричинно пришла в ярость и обрушила на голову неустроенного и неприспособленного человека всю мощь дикого темперамента. При столкновении с земной силой любой может стать жертвой, пылью, кусочком трута.

Фрол понимал, что играет с собой в прятки. Виновником Назинской трагедии был человек, конкретный человек, а природа только добавила тёмных красок, чтобы ярче виден был след преступника. И всё равно невозможно было смотреть на сияющее, пляшущее солнце, а ведь его так не хватало несчастным переселенцам на острове. И это бесполезное солнце вконец измотало и без того взвинченные до предела нервы Панина. Он вошёл в каюту и залпом выпил фляжку спирта, после лёг на жёсткий рундук и уснул, а когда проснулся, впереди уже виднелась Томская пристань.

Нужно было бежать к Светланке, но Фрол заставил себя пойти к Алексею, тот ждал его, ежечасно бомбил радиogramмами, звал, угрожал. Между добром и злом пришлось выбрать Роднина. Алексей обнял Фрола, и они долго стояли, слушая, как бьются сердца друг у друга, а когда объятие стало невыносимым, Алексей отпал первым, как напившаяся крови пиявка. Потом они долго сидели за столом, пережёвывая папиросы в углах рта и запивая спиртом всю желчь, оставшуюся в отношениях.

— Нет, ты мне скажи, Фролушка, как коммунист коммунисту, ты зачем написал письмо товарищу Сталину? Что тебе в голову ударило?

— Надо было что-то делать с этим островом, а никто ничего не мог. Там люди гибли, каждый день гибли, понимаешь? Вот я и

написал. А за что ты меня коришь? Что я должен был сделать? Люди друг друга ели, как звери. Надо было остановить их!

Алексей выплюнул папиросу и взял новую, прикурил и принялся жевать, как прежнюю.

— И чего ты добился? Товарища Краузе в Москву вызвали. Этот проклятый остров и без твоего письма расселили бы. Дубина ты!

— Ничего не дубина я, — отнекивался Панин, — всё правильно сделал. Они бы ждали, когда все люди перемрут. К осени бы собрались что-то сделать, а то и к зиме. А я написал письмо, приехал Рагузин и за три дня решил все проблемы. Даже девчонку спас от смерти, она вон дифтеритом заболела.

— А-а, вечно одни девчонки на уме, а ты о себе подумал? Ты о нашей дружбе подумал, когда писал свою цидулу, а?

Алексей вскочил, схватил папиросу, но вспомнил, что не докурил предыдущую, сплюнул от досады и снова сел.

— Пошли к тебе, а то здесь везде *ухи!* Всё слышат. Ну, их, напишут или донесут куда-нибудь. Шас все такие вроде тебя, — буркнул Роднин и поволок Панина в общежитие. Там они продолжили выяснение отношений.

— Ты нашу дружбу предал! Теперь ты под слежкой. Тебя погонят из ОГПУ! Запомни, у нас нельзя проявлять инициативу. Из-за тебя и мне достанется. Ну, я-то выплыву, я непотопляемый, а вот ты куда денешься? Что будешь делать со своей прямотой?

— Как-нибудь перетопчусь. Ничего мне не будет! Я поручение партии и правительства выполнил, я остров вычистил, с уголовниками разобрался, всех переселенцев расселил по посёлкам. Чего ты ко мне придираешься?

В пустой комнате слова разлетались гулким эхом. Панин прислушивался к шагам за стеной. Тётя Валя с детьми придёт к восьми вечера. Надо успеть выпроводить Роднина к тому времени, но Алексей всё заставлял Фрола пить. Они пили давно и упрямо, словно поклялись, что непременно напьются. Панин отяжелел, голова налилась свинцом, вскоре он почувствовал, что стремительно пьянеет.

— Нельзя огорчать товарища Сталина такими пустяшными делами. Видишь ли, люди на острове умирают! Едят друг друга. Ну и что? Ну и поели немножко. Что в этом такого? Нам надо очиститься от ненужного элемента, чтобы духу их не было в Стране Советов, а ты растёкся, как повидло на солнце. Не-е-ет, ты плохой коммунист, Фролушка, очень плохой! Ты не понимаешь политики партии и правительства! Тебя за это письмо надо в камеру закатать, чтобы другим неповадно было доносы строчить. Ты молодой ещё, зелёный, не набил в жизни шишек, так я тебе объясню, писарь ты хренов! Товарищ Сталин сам приказал сослать два миллиона человек! Два, слышишь, молокосос? Мы еле отбились. Тогда он заменил на миллион. Полмиллиона к нам, на Север, а полмиллиона ещё дальше, куда Макар телят не гонял. А чё, тайга большая! Мы отбивались: какие полмиллиона, тут раскулаченных девать некуда. Они мрут сотнями в день, а с нас отчёт требуют за раскорчёвку, самим, что ли, корчевать? У нас же план по освоению тайги. Нам хлеб нужен! А ты пишешь, спаси, товарищ Сталин! От кого спасать-то? От нас, что ли? Так мы ж его указание исполняем. Стране Советов надо избавиться от ненужного элемента, и мы избавляем, кто может работать на раскорчёвке, пусть работает, поможем! И паёк дадим, и вещёвкой

снабдим. А кто не может, извините, подвиньтесь. Сами виноваты. Вот кто виноват в смертях. Сами же люди виноваты. Они сами себя убили. Они не хотели работать на благо Советского государства. А работали бы, корчевали пни, строили шалаши и землянки — и выжили бы. А ты со своим письмом начудил, ох, начудил, Фролушка! А я ведь за тебя отвечаю. Это же я тебя в органы привёл, наставник, так сказать, твой!

— Но ведь это путь в никуда, — прошептал побелевшими губами Фрол, — это прямая дорога в ад!

— А вот за эти слова ты ответишь! Ты хочешь сказать, что товарищ Сталин предназначал нам дорогу в ад?

— Получается так, — уныло повесил голову Фрол.

— Благими намерениями вымощена дорога в ад, так до революции говорили, а я хочу сказать, что человек всегда стремится в ад. Вот как родится, так и стремится туда попасть, в этот самый ад. Сам, понимаешь, сам! И никто его туда не гонит. Он не на острове, так в другом месте своими же руками любой ад для себя соорудит!

Фрол почти лежал лицом на столе, ну, невыносимо было слушать. Слова Алексея причиняли боль, до того жуткую, что, казалось, сейчас голова разлетится на мелкие осколки.

— Один я понимаю товарища Сталина, — хвастливо добавил Роднин, еле ворочая непослушным языком, — он гениальный вождь! Товарищ Сталин хочет вселить в людей страх, такой невиданный страх, чтобы они собственной смерти перестали бояться, чтобы захотели умереть сами, без помощи ружья и палачей. Понял, малолеток?

Фрол отмахнулся от Алексея, слабо двинув дрожащей рукой, мол, не трогай меня.

— Да-да, чтобы страх у людей был сильнее смерти, чтобы из поколения в поколение, от отца к сыну, от сына к внуку, чтобы люди жили и боялись, а этот остров был им напоминанием. Товарищ Сталин знает, что делает. Я его хорошо понимаю! Я как будто сижу в его голове. Товарищ Сталин хочет, чтобы люди уничтожали и заживо ели друг друга, чтобы они боялись самих себя! Детей своих боялись. Родителей. Понял?

— Мизгирь! Он, как Мизгирь!

Фрол услышал себя и вдруг потерялся, словно у него отключился мозг. Он был уже не совсем он. Вместо него за столом сидел кто-то другой. Сравнив товарища Сталина с Мизгирём, он понял, что больше не сможет убивать во имя идеи, светлой и радостной. Никого не сможет убить. Рука не поднимется. Пистолет придётся выбросить. Фрол застыл, словно превратился в ледяную статую, осознав сравнение, с ужасом смотря в лицо ненавистного друга.

— А-а, да сам ты Мизгирь, Фролушка! Дурак, ты ничего не понял, ты расписался в собственной дури. Тоже мне, почтальон нашёлся! Завтра будем снимать с тебя стружку. Таковую стружку снимем, аж в три слоя, что век будешь помнить. Может, последний день на свободе гуляешь, ха-ха-ха! Эх ты, уполномоченный Фрол Панин! Правду говорят, заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибёт!

Алексей запрокинул голову и шумно вылил в себя ещё полстакана спирта, одновременно подталкивая Панина, чтобы тот тоже выпил или сказал что-нибудь. Фрол молчал, чувствуя одеревеневший язык. Ему было плохо, но не физически, уж очень муторно было на душе. Так муторно, что снова захоте-

лось застрелиться. В полуоткрытую дверь заглянула тётя Валя, она не постучалась, а зашла, как к себе домой.

— Вернулся? А дочку не хочешь увидеть? — надрывно выкрикнула тётя Валя и закрыла дверь с громким стуком.

Роднин рассердился, что помешали пить, молча влил в себя ещё стакан спирта и, накинув кожаную куртку, вышел, не попрощавшись. Панин остался один, обдумывая создавшееся положение. «Меня заберут завтра, но утром или вечером? Скорее всего, вечером, они любят сажать, когда следователя нет, чтобы всю ночь сидел и ждал, пока рассветёт».

Фрол не заметил, что в мыслях уже отъединился от сослуживцев по управлению, словно сам не бросал в камеру арестованных и подозреваемых глубокой ночью. В комнату робко вошла Светланка, стесняясь, словно чужая.

— А-а, Светка, а зайца я тебе не привёз, — сказал, еле ворочая языком, Фрол, стыдясь, что он жутко пьян.

— Почему? — Девочка в упор смотрела на пьяного Фрола, и тот прятал глаза, до того стыдно было перед ней.

— Времени не было, то да сё, знаешь, как бывает. — Осоловелый Фрол бессмысленно водил руками по столу, в конце концов задел лампу, она зашаталась, но устояла. Стекло задребезжало, запело, как в сказке и затихло.

— Папа, а я разговаривать научилась. Букву «р» выговариваю, ну и другие буквы.

— А кто тебя научил? — Фрол не знал, куда девать беспокорные руки. Они тряслись, подпрыгивали, и тогда он сцепил их намертво.

— Тётя Валя научила. Сказала, чтобы я язык вот так ставила, — девочка высунула язык и свернула трубочкой.

Фрол молчал, наблюдая за руками, они продолжали бешеную свистопляску, несмотря на то, что были крепко стиснуты.

— Папа, а ты зачем спирт пьёшь? — строго спросила Светлана и пристукнула по столу кулачком. Столешница вздрогнула, а стекло в лампе вновь запело.

— А я не пью, кто тебе сказал, что я пью? — искренне удивился Фрол, водя безумными глазами по комнате, словно искал других пьяных.

— Тётя Валя сказала, что вы с дядей Лёшей пьёте, как козлы! И ещё она сказала, что меня завтра заберут в детдом потому, что за мной смотреть некому.

— Да ты что! — воскликнул Фрол, трезвея от ужаса. — Когда сказала?

— Только что. А завтра меня повезут в детдом. А ты останешься с дядей Лёшей. Вот!

Девочка отвернулась и вытащила маленькую куколку, с которой играла ещё при Зое Сильвестровне. От дочкиных слов, от вида крохотной куколки Фрол окончательно протрезвел.

— Никуда ты не поедешь! Ты моя дочь! Я не пью. Это не моё.

Фрол смахнул со стола бутылки, они покатались по полу, дребезжа и катаясь, как ваньки-встаньки.

— Дочка, что же делать? Что делать-то? А вот что... Мы с тобой в Ленинград поедем! Прямо сейчас. Собирайся!

Светланка бросилась к своему немудрящему узлу, засовывая в него платица и кофточка.

— А-а, нет-нет, оставь это, мы тебе всё новое купим! Бежим!

Фрол взял девочку за руку, и они дворами побежали на вокзал. Панин знал, что нельзя брать такси, вызывать водителя из управления, высвистывать извозчика, махать рукой попутным машинам. Заинтересованные лица сразу позвонят в управление. Тогда из города не выпустят ни Фрола, ни Светланку. Она же дочь вредителя Советского государства. Осторожно, глухими проулками, они пробрались к вокзалу. Им повезло. Через два часа они сидели в вагоне и пили чай, несмотря на позднее время. Светланка ела крутые яйца и варёную курицу, купленные в ночном буфете. Пассажиры, по всей видимости, муж с женой, с улыбкой посматривали на Светланку. Фрол усмехнулся: супруги, видать, бездетные, что с такой завистью смотрят на ребёнка. Оба выглядят солидно, жена в шляпе, муж с лысиной, в драповом пальто и кашне.

— Девочка, а куда ты едешь? — умильно улыбаясь, спросила дама.

— В Ленинград. К дяде Грише. Он нам родня, — чётко и по слогам ответила Светланка и зевнула, но испугалась и прикрыла рот ладошкой, чем привела в полнейшее умиление даму в шляпе. Муж закатился смехом, а дама, стукнув мужа по коленке, высокопарно воскликнула: «Ваша дочка — вылитый ангел! Она, как светлячок в ночи. Даст Бог, вырастет и всё у неё будет хорошо!»

Муж сердито одёрнул даму, что-то сердито шепча ей на ухо. Фрол краем уха услышал, что кругом атеизм, бога отменили, а ангелов вообще не существует. Вообще-то они были, но в революцию их истребили. Дама ненадолго задумалась, затем снова заговорила: «Ваша доченька, гражданин хороший, по-

хожа на надежду. Она светлая, лучистая. Девочка несёт в себе свет надежды!»

Дама с лукавой улыбкой посмотрела на мужа, мол, ну что, как теперь обстоят дела с всеобщим атеизмом? Муж благоклонно кивнул, мол, сейчас всё в порядке и с богом, и с ангелами. Надежду в Стране Советов ещё не отменили. Фрол подлил Светланке чаю из своего стакана и ответил даме, внутренне радуясь неожиданно пришедшему спасению: «Да. Надежда. Она Надежда. Надежда Григорьевна Горбунова!»

А состав всё гремел колёсами, набирая скорость, изо всех своих лошадиных сил стремясь умчаться как можно дальше от проклятого острова.

7 января 2018 года

ИЗ ИСТОЧНИКОВ:

Массовая гибель вновь прибывших спец(труд) переселенцев на речном острове близ деревни Назино (нижнее течение Оби, Александровский район Нарымского округа) в конце мая — июне 1933.

В начале 1933 в процессе осуществления массовой «зачистки» отдел территорий и городов страны от «антисоветских», «кулацких», уголовных, «деклассированных» категорий населения, а также «разгрузки» мест заключения руководством ОГПУ был разработан и принципиально одобрен И.В. Сталиным план тотальной депортации «чуждых элементов» в восточные регионы страны (север Западной Сибири и Северный Казахстан) и размещения последних в реорганизуемую для этой цели в систему трудовых поселений сеть спецпоселений. «Контрольные цифры» подверга-

лись неоднократному пересмотру в сторону уменьшения (от 2 млн до 500 тыс. человек). Постановлениями СНК СССР об организации трудовых поселений от 20 апреля, 9 июля и 21 августа 1933 предусматривалось сосредоточение в регионах размещения «новых контингентов» всей полноты власти (административных и хозяйственных) в руках органов ОГПУ. Для приема «контингентов» в Западной Сибири были созданы пересылочные комендатуры в Омске, Томске и Ачинске. Прибывших в конце апреля в Томск из Москвы и Ленинграда «деклассированных элементов» (наряду с городскими маргиналами и рецидивистами там оказались горожане, случайно попавшие в «облавы») далее направили 2 речными караванами в штрафную Александрo-Ваховскую комендатуру СибЛАГ. 18 и 26 мая около 6,1 тыс. человек вновь прибывших переселенцев высадили на острове близ впадения реки Назина в Обь для последующего распределения по поселкам комендатуры. Скопление на небольшом острове громадной, вышедшей из-под контроля охраны, разношерстной массы в условиях резкого похолодания, при отсутствии временных жилищ и построек, дефиците продовольствия и предметов первой необходимости привело к гуманитарной катастрофе. От голода и переохлаждения начались массовые заболевания, в течение 2 недель при попустительстве и бездеятельности охраны рецидивисты занимались мародерством, избиением, убийством. Погибло 1,5—2 тыс. человек 1/4—1/3 завезенного «элемента». Руководство СибЛАГ (Л.А. Горшков и И.И. Долгих) по согласованию с окружными функционерами пыталось скрыть масштабы и причины трагедии, сменило работников на местах и рассредоточило «назинцев» по трудпоселкам комендатуры.

Инцидент получил огласку благодаря инструктору Нарымского округа комитета ВКП(б) В.А. Величко, который провел собственное расследование и отправил в августе 1933 письма на имя И.В. Сталина и Р.И. Эйхе. Межведомственная краевая комиссия, работавшая в Александро-Ваховской комендатуре в сентябре—октябре 1933, подтвердила приведенные в письме факты и установила, что «деклассированный контингент», в массе своей не приспособленный к размещению в условиях Севера, прибывал в комендатуру и после случившегося (17 и 30 июля прибыли новые караваны), многие погибали в местах нового расселения. Из 10,3 тыс. человек, прибывших в течение лета в комендатуру, около 2 тыс. было отправлено обратно в места заключения, 6,3 тыс. числились умершими и бежавшими, среди оставшихся 2 тыс. только 200—250 человек оказались в состоянии работать. Руководство ПП ОГПУ по Запсибкраю вначале собственными мерами, а получив 11 июля санкцию Политбюро на применение репрессий вплоть до расстрела в отношении как «бандитских элементов», так и работников комендатуры, с мая по октябрь привлекло к суду 84 человека, из них 34 человека к высшей мере наказания, в том числе 11 — «за людоедство», 23 — «за мародерство и избиения». По данным СибЛАГ, в 1933 в Западную Сибирь было завезено около 132 тыс. «нового контингента», из которых к концу года удалось «закрепить» в комендатурах не более 72 тыс. Основные причины убыли — смертность, бегство и передача «рецидива» вновь в места заключения. Около 3 % подлежали освобождению как «неправильно высланные». Назинская трагедия явилась очередной в ряду неоднократно предпри-

нимавшихся институтами власти еще со времен самодержавия провальных попыток организованного массового принудительного переселения «деклассированного элемента» с целью освоения новых территорий. Среди местных жителей Назинский остров получил название «Смерть-остров». В 1990-е гг. экспедицией Томского отделения общества «Мемориал» на острове установлен памятный крест.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЯВЫЗ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	9
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	16
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	27
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	38
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	49
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	59
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	66
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТОМСК	72
ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	72
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	78
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	87
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	97
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	106
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	115
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. БАРЖА.....	120
ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	120
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	129
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	136
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	143
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	156

ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	168
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	176
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	183
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ГОЛОДНЫЙ ОСТРОВ.....	188
ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	188
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	194
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	202
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	209
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	218
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	225
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	231
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. АЧИНСК.....	237
ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	237
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	247
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	261
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	273
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	286
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	320
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	333

Литературно-художественное издание

Сибирский приключенческий роман

Мавлютова Галия Сергеевна

СМЕРТЬ-ОСТРОВ

Выпускающий редактор *О.М. Солдатов*

Художник *Макс Олин*

Корректор *Г.Г. Свирь*

Верстка *И.В. Хренов*

Дизайн обложки *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 18.12.2018. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура «KudrashovС». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 11. Тираж 2000 экз. Заказ .